44а 4/5

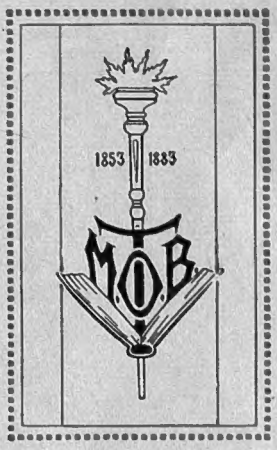
ЦАРСКІЯ ДѢТИ
И ИХЪ НАСТАВНИКИ

Историческіе Очерки
Б. В. Глинскаго

Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ.
С-Петербургъ. Москва

44a 4/5

D483
33



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ВОЗРАСТѢ 10 ЛѢТЪ.

Изъ рукописи «Корень росс. Государей», грав. Н. Чечулинъ.

44a 4/5

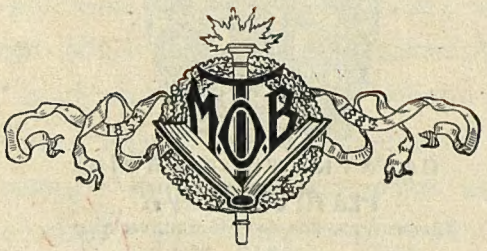
ЦАРСКІЯ ДѢТИ

И

ИХЪ НАСТАВНИКИ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

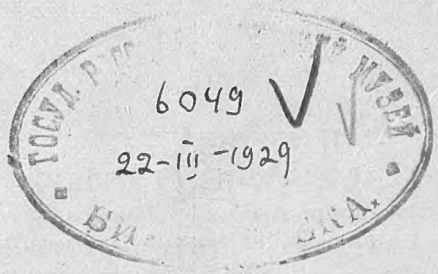
Б. Б. ГЛИНСКАГО



ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, СЪ ПОРТРЕТАМИ, СНИМКАМИ СЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ, ВИДАМИ И ДР. ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1912

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС· ОСТР· 16 ЛИНІЯ СОБ· ДОМЪ
1912



ОТЪ АВТОРА.

Выпуская настоящую книгу вторымъ изданіемъ, я сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя необходимыя дополненія и стилистическія исправленія. Кромѣ того значительно увеличено число иллюстрацій. Въ общемъ-же книга предлагается читателямъ почти въ томъ-же видѣ, какъ и прежде. Не преслѣдуя цѣлей научнаго изложенія, книга «Царскія дѣти и ихъ наставники» имѣетъ въ виду дать легкое историческое чтеніе нашему юношеству, находящемуся еще на школьной скамьѣ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, какъ пособіе къ тѣмъ курсамъ отечественной исторіи, которые въ этихъ заведеніяхъ проходятся. Жизнь каждаго изъ лицъ, которому посвященъ очеркъ или глава, прослѣжена въ ея главныхъ чертахъ съ момента рожденія до совершеннолѣтія въ цѣляхъ показать, подъ воздѣйствіемъ какихъ вліяній—родительскаго дома, классной комнаты и окружающей бытовой обстановки—сложились характеръ, наклонности и умственный кругозоръ этихъ лицъ. Сѣмена, заложенныя въ

дѣтскую душу, даютъ современемъ и соотвѣтствующій плодъ. О качествахъ и недостаткахъ этого плода въ значительной мѣрѣ и можно судить по его сѣмени. Пусть же настоящіе очерки, посвященные царскимъ дѣтямъ, и дадутъ этотъ ключъ къ уразумѣнію дальнѣйшихъ страницъ изъ жизни этихъ дѣтей, когда они, ставъ взрослыми, приняли на себя передъ страною отвѣтственныя задачи и заботы. Если въ этомъ отношеніи книга будетъ отвѣтствовать хоть отчасти своему назначенію, авторъ почтетъ свою задачу выполненною и трудъ—достигшимъ своей цѣли.

Б. Глинскій.

I. Петръ I и жители «Нѣмецкой слободы».

I.

ЦАРСКІЯ дѣти въ Московскій періодъ русской исторіи воспитывались и обучались, какъ и дѣти боярскія. О просвѣщеніи ихъ заботились мало: послѣ церковной азбуки выучивали только наизусть часословъ, псалтирь и другія церковныя книги; даже письму учили мало, и многіе изъ царственныхъ грамотеевъ умѣли только подписывать съ грѣхомъ пополамъ свое имя. Если царскій сынъ и доходилъ до знанія грамоты и возможности читать книги богослужебныя, то о другихъ наукахъ—математикѣ, географіи, исторіи—онъ имѣлъ самыя скудныя понятія; да и книгъ по этимъ предметамъ, какъ извѣстно, у насъ тогда почти не было. Отечественная исторія изучалась по преданіямъ, а въ нихъ разсказывалось лишь о войнахъ и подвигахъ ратныхъ людей. О жизни другихъ народовъ, объ устройствѣ вселенной, о жизни и явленіяхъ природы они имѣли самыя смутныя представленія, разсказывая о нихъ нелѣпыя сказки, какія ходятъ и теперь въ темномъ народѣ.

Однако, уже прежніе цари, Іоаннъ Грозный, Борисъ

Годуновъ, понимали, что такое низкое состояніе умственнаго просвѣщенія нашего отечества — явленіе въ высшей степени печальное, и пытались положить этому предѣлъ. Іоаннъ Грозный завелъ въ Москвѣ первую типографію; Борисъ Годуновъ былъ озабоченъ образованіемъ своего сына, который учился уже немного географіи, исторіи и другимъ первоначальнымъ наукамъ. Лоскомъ польской образованности, хотя бы и поверхностной, отличался и таинственный самозванецъ Димитрій, столь недолго усидѣвшій на московскомъ престолѣ. Польская образованность была не чужда и царю Ѳеодору, сыну и преемнику государя Алексѣя Михайловича; онъ былъ ученикомъ знаменитаго западно-русскаго монаха Симеона Полоцкаго, умѣлъ читать по-латыни и по-польски, а также выучился складывать стихи (вирши). Даже сестра его Софія, временно захватившая въ свои руки бразды правленія, не чужда была польскаго образованія, что для того времени считалось дѣломъ необыкновеннымъ, такъ какъ свѣтскія женщины XVII столѣтія сплошь были неграмотны.

Хотя и незначительны были познанія дѣтей царя Алексѣя Михайловича, однако уже одно проникновеніе въ царскій теремъ началъ польской образованности свидѣтельствуетъ, что тьмѣ прежняго невѣжества наступалъ уже близкій конецъ, и что съ новыми вѣяніями постепенно должны были проникнуть къ намъ и лучи европейскаго просвѣщенія. Лучшіе люди понимали, что безъ этихъ знаній обойтись нельзя, что безъ нихъ не могутъ развиваться у насъ промышленность и торговля, съ которыми неразрывно связаны богатство и благополучіе народа, что безъ просвѣщенія нельзя упорядочить и военнаго дѣла, на которомъ стояла крѣпость и мощь тогдашняго государства. Россія вела непрестанныя войны съ сосѣдями, а для этихъ войнъ нужны были искусные

и просвѣщенные полководцы, которые могли бы отражать нападенія вражескихъ войскъ, правильно обученныхъ и снабженныхъ, въ противоположность нашимъ войскамъ, усовершенствованными орудіями.

Всѣ эти обстоятельства и послужили толчкомъ къ привлеченію въ Москву иностранныхъ, преимущественно польскихъ и нѣмецкихъ, торговыхъ и ратныхъ людей, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Вотъ эти-то польскіе и нѣмецкіе люди, сначала не вызывавшіе къ себѣ сочувствія и любви русскихъ старыхъ людей, и внесли въ нашу жизнь стремленіе къ просвѣщенію.

Иностранцы рѣзко разнились отъ нашихъ соотечественниковъ не только по вѣрѣ и обрядамъ церковнымъ, но и нравами, образомъ жизни и понятіями. Они не вели замкнутой жизни; женщины не сидѣли у нихъ всю жизнь взаперти, но пользовались одинаково съ мужчинами всѣми доступными удовольствіями. Иноземные пришельцы видѣли много на своемъ вѣку, о многомъ могли разсказать и, конечно, относились съ неуваженіемъ къ неподвижной и отсталой во всѣхъ отношеніяхъ русской жизни. Русскіе люди, со своими предразсудками и преданіями старины, косились на открытый образъ жизни иностранцевъ, на ихъ увеселенія и манеру держать себя просто и непринужденно. Отсюда произошли явная рознь и недоброжелательство между тѣми и другими, вслѣдствіе чего иностранцамъ въ концѣ-концовъ была отведена окраина города, гдѣ они и устроили себѣ особое поселеніе, такъ называемую «Нѣмецкую слободу».

Этой-то «Нѣмецкой слободѣ» и суждено было сыграть огромную роль въ жизни царя-богатыря, почерпнувшаго здѣсь, будучи еще юношей, сѣмена тѣхъ великихъ дѣяній, которыя вывели Россію на широкую дорогу евро-

пейскаго просвѣщенія и ввели ее въ кругъ остальныхъ европейскихъ народовъ.

II.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ въ первый разъ на дѣвушкѣ изъ боярскаго рода Милославскихъ, отъ которой имѣлъ восемь дочерей и пять сыновей. Три дочери скончались, а оставшіяся въ живыхъ отличались крѣпкимъ сложеніемъ и великолѣпнымъ здоровьемъ; одна изъ нихъ, Софія, кромѣ того, выдѣлялась обширнымъ умомъ, проницательностью и твердымъ честолюбивымъ характеромъ. Что касается сыновей, то всѣ они родились слабыми, болѣзненными; трое умерли еще при жизни отца, а изъ оставшихся двоихъ старшій страдалъ разными недугами, младшій же — Іоаннъ, при немощахъ тѣла, былъ и слабоуменъ.

Овдовѣвъ на сороковомъ году отъ роду, Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ вступить во второй бракъ, для чего, по обычаямъ того времени, должны были собраться во дворецъ дѣвицы знатныхъ родовъ, изъ коихъ государю и предстояло избрать себѣ вторично подругу жизни. Выборъ государя сильно волновалъ бояръ: отъ этого выбора зависѣли власть, почести, богатство того рода, изъ котораго царь возьметъ себѣ супругу. Близкій къ государю бояринъ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, познакомилъ его со своей пріемной дочерью, Натальей Кирилловной Нарышкиной, и Москва вскорѣ узнала, на комъ остановился выборъ Алексѣя Михайловича.

22-го января 1671 года онъ обвѣнчался съ пріемной дочерью Матвѣева, красавицей Натальей Кирилловной Нарышкиной, которая вскорѣ и сдѣлалась первымъ

лицомъ въ государствѣ послѣ царя. Родъ Нарышкиныхъ и Матвѣевыхъ торжествовалъ: къ нимъ перешло глав-

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.
(Съ портрета Беппера).

ное вліяніе на дѣла управленія, а значеніе Милославскихъ при дворѣ пало. Возвышеніе Нарышкиныхъ и паденіе Милославскихъ имѣло, спустя короткое время,

чрезвычайно важныя послѣдствія и послужило источникомъ многихъ смутъ и волненій.

Въ ночь 30-го мая 1672 года, передъ разсвѣтомъ, царица Наталья Кирилловна подарила своему супругу сына, извѣстнаго во всемірной исторіи подъ именемъ «Петра Великаго». Счастью родителей не было конца, и рожденіе сына было ими отпраздновано воистину поцарски: приближенные были щедро осыпаны денежными и другими наградами; пиры, праздники смѣнялись быстрою чередою и отличались удивительной пышностью и торжественностью. Такъ, напримѣръ, обѣдъ 29 іюня въ Грановитой палатѣ поразилъ всѣхъ своими затѣйливыми блюдами; столъ, кромѣ яствъ, былъ загроможденъ всякаго рода сахарами, пряниками и овощами. Большая пряничная коврига изображала гербъ Московскаго государства. Два сахарныхъ орла вѣсили каждый по полтора пуда, лебедь—два пуда, утка—полтора, попугай — полпуда. Былъ сдѣланъ также изъ сахара цѣлый городъ, кремль съ людьми, конными и пѣшими, и другой городъ четыреугольный съ пушками. Всѣмъ присутствовавшимъ на обѣдѣ гостямъ были розданы сахарные подарки размѣромъ сообразно значенію и положенію гостя въ государствѣ.

Первою заботою о новорожденномъ младенцѣ со стороны родителей было снять съ него «*мѣру* долготы и широты», и въ эту мѣру заказать икону тезоименитаго его ангела. Эта *мѣра рожденія* сохраняется и понынѣ надъ гробомъ императора. Второю заботою было окружить новорожденнаго добропорядочнымъ и надежнымъ штатомъ. Въ мамки къ Петру назначена была сначала княгиня Ульяна Ивановна Голицына, а потомъ—боярыня Матрена Романовна Леонтьева; кормилицей была Ненила Ерофеева.

Колыбель ребенка отличалась роскошью. Она была

БОЯРИНЪ МАТВѢЕВЪ.
(Гравюра XVII ст.).

сдѣлана изъ турецкаго золотного бархата, расшитаго затѣйливыми серебряными и золотыми рисунками; подкладка колыбели была рудожелтая, ремни обшиты вене-

ціанскимъ бархатомъ; верхнія покрышки перинки и тюфяка были сшиты изъ тафты, а набивкою служилъ пухъ лебединый, бѣлый и чистый. Изъ пуха и тафты были сдѣланы и подушки. Постельныя принадлежности мѣнялись каждый годъ.

Не менѣе богато было и одѣянье Петра: когда ему минуло пять мѣсяцевъ, ему нашиты были золотые парчевые кафтаны. Гардеробъ его былъ чрезвычайно разнообразенъ, и каждый мѣсяцъ пополнялся новыми принадлежностями; у него была шапка, унизанная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, еще шапка бархатная съ собольимъ околышемъ, нѣсколько паръ унизанныхъ жемчугомъ башмаковъ, богатый опашень съ нашивкою и кружевомъ, низанными крупнымъ жемчугомъ (597 зеренъ) и съ шестью изумрудными пуговицами на золотыхъ закрѣпахъ, болѣе десяти шелковыхъ, атласныхъ и парчевыхъ кафтановъ.

Царевичъ со всѣмъ штатомъ, мамою, кормилицею и другими служебными лицами, помѣщался въ отдѣльныхъ деревянныхъ небольшихъ хоромахъ, которыя внутри были обиты сукномъ; собственная же комната Петра обита была серебряными кожами. Когда Петру минуло два года, для него были выстроены отдѣльныя хоромы, въ которыхъ полы, стѣны, оконныя рамы были покрыты алымъ сукномъ. Такимъ же сукномъ былъ покрытъ и столъ. Полавочники на лавкахъ были сшиты изъ багреца съ каймами изъ бѣлаго сукна, по которому нашиты травы изъ сукна желтаго и лазореваго. Впослѣдствіи царевичу было сдѣлано кресло изъ рудожелтаго бархата съ галуномъ и столикъ, расписанный красками, золотомъ и серебромъ. Въ то время стекло въ рамахъ еще не употреблялось, и его замѣняла слюда; изъ слюды были сдѣланы и окна въ комнатахъ маленькаго Петра. Искуснѣйшій живописецъ, Иванъ Салтыковъ, расписалъ ихъ разными

рисунками: въ серединѣ былъ изображенъ орелъ, а по бокамъ — травы. Рисунокъ былъ сдѣланъ такъ, чтобы изъ комнаты на улицу все было видно, а оттуда въ хоромы — ничего. По тогдашнему обычаю, всѣ царскія дѣти бережно скрывались отъ постороннихъ глазъ, — царевичи до тринадцатилѣтняго возраста, а царевны — на всю жизнь.

Въ такой роскоши и затѣйливомъ богатствѣ проходили первые годы Петра, впослѣдствіи того самаго царя-плотника, который въ жизни всего болѣе презиралъ и преслѣдовалъ именно эту самую ненужную роскошь и изнѣженность. Такимъ образомъ, начало жизни не оставило на его характерѣ и послѣдующемъ складѣ привычекъ никакого слѣда. Изъ этого ранняго возраста онъ вынесъ лишь одно, и очень важное, — цвѣтущее здоровье, крѣпость тѣлесную и раннее развитіе физическихъ силъ. Уже шести мѣсяцевъ онъ началъ ходить по своимъ хоромамъ одинъ или съ помощью ходячихъ креселъ на колесахъ, обитыхъ на хлопчатой бумагѣ атласомъ съ серебряными галунами. Но, на ряду съ быстрымъ развитіемъ физическихъ силъ, въ царевичѣ замѣтенъ былъ и поражавшій всѣхъ ростъ силъ духовныхъ. Все свидѣтельствовало, что маленькій Петръ — ребенокъ необычайный, совершенно не похожій на остальныхъ братьевъ и сестеръ, кромѣ Софіи, съ которой у него сказывалось нѣчто общее въ характерѣ.

ЦАРИЦА НАТАЛЬЯ КИРИЛЛОВНА.
(Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

III.

Алексѣй Михайловичъ съ молодой красавицей-женой души не чаяли въ ребенкѣ, окружали его роскошной обстановкой, наряжали въ богатыя платья и одаряли всевозможными игрушками, приходившимися царевичу особенно по нраву. Черезъ годъ послѣ рожденія, къ

МЕДАЛЬ РАБ. ВЕРНЬЕ, ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ВМѢСТѢ СЪ ЦАРИЦЕЙ НАТАЛЬЕЙ КИРИЛЛОВНОЙ.

именинамъ, царевичу былъ сдѣланъ деревянный конь, или «потѣшная лошадка», во всемъ уборѣ. Конь былъ обтянутъ настоящей лошадиной кожей; сѣдло съ стременами, пряжками и запряжниками было вызолочено и высеребрено. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ подарковъ—игрушечныхъ звѣрей (лошадей, львовъ) и пушекъ. Органистъ Гутовскій устроилъ царевичу клавикорды-струны мѣдныя, починялъ ему цымбалы нѣмецкаго изготовленія и самъ смастерилъ пару цымбальцевъ, изъ коихъ одни имѣли форму книжки въ сафьянномъ аломъ переплетѣ,

РОЖДЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО 1672 г.
(Литографія Иванова по рисунку Б. Чорикова).

съ золотымъ наводомъ, съ застежками изъ серебрянаго съ шелками галуна. Когда царевичу минуло два года, въ хоромахъ его повѣсили качель на веревкахъ, обшитыхъ бархатомъ.

Зимой царевичъ вволю катался въ санкахъ съ ледяныхъ горъ, а лѣтомъ торжественно разъѣзжалъ по ули-

цамъ Москвы въ потѣшной кареткѣ, которую ему подарилъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Каретка эта была маленькая, а въ ней четыре темно-карихъ лошадки съ бархатной шлеей и вызолоченной упряжью. Окна въ каретк ѣ были хрустальныя, расписанныя красками, и съ изображеніями на нихъ царей и королей всѣхъ земель; внутри каретка была обита бархатомъ съ разводами, а снаружи ее окружала золотая бахрома. Выѣздъ царевича былъ торжественный: по бокамъ шествовали четыре карлика, а пятый ѣхалъ позади на крохотномъ иноходцѣ.

Кромѣ этихъ игрушекъ, ему часто покупали въ лавкахъ серебряную столовую миніатюрную посуду, а также—куклы въ полномъ нарядѣ. Художникъ Салтыковъ являлъ свое искусство и въ расписываніи красками разныхъ принадлежностей игръ маленькаго Петра; такъ, ему велѣно было однажды расписать гнѣздо голубей, гнѣздо канареекъ, щеглятъ, чижей и даже стадо барановъ, при чемъ барановъ ему нужно было сдѣлать такъ, чтобы шерсть у нихъ была настоящая.

Но эти мирныя игрушки, не требовавшія примѣненія живой дѣятельности, скоро перестали удовлетворять царевича, который, послѣ двухъ лѣтъ жизни, уже сталъ въ одинъ уровень, по своимъ потребностямъ въ развлеченіяхъ, со старшимъ братомъ—болѣзненнымъ Иваномъ. Такъ, въ 1674 г. ему, наравнѣ съ восьмилѣтнимъ Иваномъ, покупаютъ въ городѣ лучки и стрѣлы. Художники расписываютъ золотомъ и серебромъ дѣтямъ Алексѣя Михайловича, для военныхъ потѣшныхъ забавъ, знамена, барабаны и бубны. Царевичъ Петръ уже свободно обращается съ топориками, ножами и молотками. Когда ему шелъ всего четвертый годъ, въ числѣ его игрушекъ встрѣчались маленькія пушки, пистоли (пистолеты), карабины (ружья) и пищали винтованныя, съ

МОСКОВСКІЕ КУПЦЫ ПОДНОСЯТЪ ПОДАРКИ ЦАРЕВИЧУ ПЕТРУ.

(Рисунокъ Г. Пиллоти).

деревянными замками и стволами, а также булавы и сабли въ ножнахъ, съ золоченою оправою, палаши и пики. Всѣ эти принадлежности военныхъ забавъ требовались въ достаточно большомъ числѣ, такъ какъ царевичъ веселился ими не только вдвоемъ съ малоподвижнымъ братомъ, но съ цѣлою толпой сверстниковъ-товарищей, которые шумно раздѣляли воинскіе подвиги малолѣтняго Петра.

Ровесники его, «робятки», какъ ихъ называли во дворцѣ, вербовались изъ дѣтей спальниковъ, стольниковъ и карликовъ. За исключеніемъ карликовъ, названные сверстники набирались изъ дѣтей бояръ и въ особенности изъ родственниковъ царицы, близкихъ и дальнихъ. Въ числѣ *робятокъ* — товарищей Петра, мы встрѣчаемъ имена Нарышкиныхъ, Головкина, Матвѣева, князя Черкасскаго, князя Мещерскаго, князя Голицына, Стрѣшнева и другихъ. Карликами же при немъ состояли Никита Гавриловъ Комаръ, Василій Родіоновъ, Иванъ и Емельянъ Кондратьевы. Одѣты они были въ малиновые суконные кафтаны на бѣличьемъ мѣху, съ золочеными пуговицами, и въ шапки и рукавицы изъ того же сукна.

Замѣчая въ своемъ бойкомъ, подвижномъ и энергичномъ сынѣ особенное влеченіе къ военному дѣлу и воинскимъ упражненіямъ, Алексѣй Михайловичъ озаботился придать его играмъ болѣе правильный характеръ: онъ составилъ для него цѣлый полкъ, обмундировалъ его въ зеленые мундиры, далъ солдатикамъ знамена и ружья и снабдилъ ихъ всяческими полковыми вещами; полкъ этотъ былъ названъ по имени Петра— «Петровъ полкъ», а самъ царевичъ назначенъ былъ полковникомъ; ему рапортовали по всѣмъ надобностямъ полка, отъ него же требовали и распоряженій. Государь лично наблюдалъ за приказаніями четырехлѣтняго полководца и руководилъ его дѣйствіями.

Такое направленіе забавъ маленькаго Петра принесло ему огромную пользу: онъ явился, такъ сказать, «первымъ кадетомъ» на Руси и первый прошелъ основательную школу воинскаго дѣла, курсъ военныхъ наукъ. Курсъ этотъ изучался не на основаніи книжекъ, не съ голоса учителей, а на живомъ дѣлѣ, хотя и потѣшномъ, съ участіемъ живыхъ людей — товарищей дѣтства. Здѣсь не было школьной скуки и стѣсненій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся постановка полка, его упражненія и обученіе требовали отъ царевича сдержанности, умѣренности и послушанія, т.-е. всего того, что мы называемъ воинской дисциплиной.

Алексѣй Михайловичъ лично не могъ, да и не умѣлъ правильно руководить упражненіями *Петрова полка*, устроеннаго на манеръ настоящихъ европейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ, полковъ, почему и поручилъ заботу о немъ обитателю «Нѣмецкой слободы», шотландцу Менезіусу, человѣку, для своего времени, образованному, умному, ловкому и очень много путешествовавшему. Тотъ же Менезіусъ немало содѣйствовалъ и развитію при дворѣ Алексѣя Михайловича неизвѣстнаго до тѣхъ поръ театральнаго искусства, «комедійной хоромины», какъ тогда говорили; онъ же состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ и къ царскому другу, Матвѣеву, любившему иностранцевъ и все иностранное.

Вотъ этотъ то Менезіусъ и поставилъ Петровъ полкъ на европейскую ногу и обучилъ полковника Петра Алексѣевича всѣмъ тонкостямъ военнаго дѣла, въ предѣлахъ, конечно, дѣтскаго разумѣнія. Въ его школѣ малолѣтній полковникъ впервые почерпнулъ понятія о долгѣ, о правильныхъ занятіяхъ и обязанностяхъ службы. Являясь съ рапортами къ отцу-государю, онъ чувствовалъ себя не просто царевичемъ-сыномъ, но обыкновеннымъ солдатомъ, несущимъ всѣ тяготы военной

службы. Это уже было большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ воспитанія царскаго ребенка,—шагомъ, который поставилъ маленькаго Петра въ совершенно иныя условія жизни, нежели въ какихъ были его дѣдъ, отецъ, братъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Онъ не распоряжался только другими, капризничалъ или шалилъ, но учился слушаться, учился смотрѣть на себя, какъ на лицо, служащее своему государю. Петръ уже въ дѣтскомъ возрастѣ, не достигнувъ еще и семи лѣтъ, пріучился видѣть въ своихъ военныхъ играхъ не простую забаву и развлеченіе, но дѣло серьезное, требующее дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія, которымъ онъ съ годами и отдалъ себя всецѣло, переходя отъ простыхъ военныхъ дѣйствій къ болѣе сложнымъ и отвѣтственнымъ.

IV.

Первые три съ лишкомъ года жизни царевича Петра Алексѣевича протекли при обстоятельствахъ вполнѣ счастливыхъ и благопріятныхъ для его воспитанія. Со смертью отца, послѣдовавшей въ 1676 г., обстоятельства нѣсколько измѣнились: со вступленіемъ на прародительскій престолъ, согласно законному порядку, старшаго сына Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича, краснымъ днямъ Нарышкиныхъ пришелъ конецъ, и наиболѣе вліятельными и близкими людьми при новомъ дворѣ являются ближайшіе родственники матери юнаго царя, Милославскіе. Прямымъ слѣдствіемъ возвышенія послѣднихъ является ссылка умнаго Матвѣева, имѣвшаго несомнѣнное вліяніе на воспитаніе Петра Алексѣевича.

Съ удаленіемъ Матвѣева, и Менезіусъ прекращаетъ руководить военными играми царевича. Милославскіе не

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ III АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

(Съ портрета Бенера)

сочувствовали вліянію иностранцевъ и подражанію нѣмецкимъ обычаямъ, склоняясь своими чувствами въ сторону русской старины.

Наталья Кирилловна со всѣмъ дворомъ, значительно сокращеннымъ противу прежнихъ лѣтъ, поселилась въ предмѣстьѣ Москвы, въ селѣ Преображенскомъ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ лѣтнихъ мѣстопребываній покойнаго ея супруга. Здѣсь, вдали отъ царскаго дворца, ей было покойнѣе и безопаснѣе. Во-первыхъ, этимъ удаленіемъ она избавлялась отъ многихъ обидъ и непріятностей, которыя ей начали чинить ея падчерицы (по роду Милославскихъ) съ энергичной и властолюбивой Софіей во главѣ, а во-вторыхъ, тутъ, среди сельскаго приволья Преображенскаго, на лонѣ его полей, луговъ и дубравъ, ненаглядный ея Петруша могъ вволю и безъ всякой опасности для жизни предаваться любимымъ дѣтскимъ играмъ и развлеченіямъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли воинскія упражненія.

Несмотря на то, что родъ Нарышкиныхъ находился теперь въ нѣкоторой опалѣ, это обстоятельство не имѣло на первыхъ порахъ особенно дурного вліянія на судьбу Петра. Его не лишали возможности пользоваться уроками грамоты, не отдаляли отъ него товарищей-сверстниковъ, не лишали права пріобрѣтать нужные ему и товарищамъ-солдатамъ военные доспѣхи.

Время *книжнаго ученія и писанія* наступило для Петра Алексѣевича очень рано. Уже въ 1675 году, при жизни еще Алексѣя Михайловича, къ царевичу для этого дѣла былъ опредѣленъ «подъячій тайныхъ дѣлъ» Григорій Гавриловъ, который крупнымъ почеркомъ, отъ руки, написалъ маленькому своему ученику *азбуку* и *часословъ*; перваго декабря того же года, послѣ молебна о здравіи Петра Алексѣевича, началось и ученіе. Смерть Алексѣя

Михайловича и наступившее смутное время въ жизни Нарышкиныхъ помѣшали продолженію правильныхъ занятій; они были прерваны и возобновились, по личному желанію самого государя Ѳедора Алексѣевича, весною 1676 года, когда къ царевичу, въ качествѣ учителя, былъ приставленъ подъячій изъ челобитнаго приказа, Никита Моисеевъ Зотовъ, «мужъ кроткій и смиренный и всякихъ добродѣтелей исполненъ».

НИКИТА МОИСЕЕВИЧЪ ЗОТОВЪ.
(Съ гравированнаго портрета Осипова).

Желая лично ознакомиться съ будущимъ учителемъ своего брата, царь велѣлъ привести его во дворецъ, не говоря ему, однако, о цѣли приглашенія. Когда Зотовъ явился въ пріемную и ему объявили, что самъ государь желаетъ съ нимъ поговорить, тихій и робкій Зотовъ совсѣмъ растерялся, «пришелъ въ страхъ и безпамятство» и просилъ дать время придти въ себя. Узнавъ, что Ѳедоръ Алексѣевичъ требуетъ его «милости ради», онъ успокоился, сотворилъ крестное знаменіе и затѣмъ уже рѣшился предстать предъ государемъ. Онъ былъ принятъ милостиво, его допустили даже къ цѣлованію руки, а затѣмъ подвергли экзамену, насколько онъ силенъ въ грамотѣ, т. е. въ присутствіи царя заставили писать и читать книги. Симеонъ Полоцкій, выслушавъ отвѣты Зотова, призналъ его годнымъ для должности учителя, и затѣмъ его отвели къ царицѣ

Натальѣ Кирилловнѣ, которая уже вмѣстѣ съ сыномъ ожидала наставника.

Принимая Зотова, царица милостиво ему сказала:

— Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благого, божественное писаніе знаешь, — вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Прими его и прилежи къ наученію божественной мудрости и страху Божію и благочинному житію и писанію.

— Нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище! — воскликнулъ въ отвѣтъ Зотовъ, трясясь отъ страха, обливаясь слезами и падая къ ногамъ Натальи Кирилловны.

— Пріими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять. О добродѣтели и смиреніи твоемъ я извѣстна,—милостиво сказала царица-мать, велѣла ему встать, позволила поцѣловать ея руку и распорядилась, чтобы уже на другой день начались правильныя занятія.

На слѣдующее утро, въ присутствіи царя, патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропивъ царственнаго отрока святою водою и благословивъ, вручилъ его Зотову. Послѣдній, посадивъ царевича на скамью, поклонился сначала ему въ ноги и затѣмъ приступилъ къ ученію.

По случаю начала уроковъ преподаватель былъ щедро награжденъ: патріархъ пожаловалъ ему сто рублей, государь — «дворъ», государыня — двѣ пары богатаго платья. Впослѣдствіи, къ Зотову приставили еще помощника—Аѳанасія Алексѣева Нестерова, которому, вѣроятно, было поручено обученіе царевича церковному пѣнію.

Не сложенъ былъ курсъ наукъ Петра. Главнымъ предметомъ было умѣнье читать и запоминать наизусть прочитанное изъ Часослова, Псалтыри, Дѣяній апостоловъ и Евангелія. Кромѣ этого, его обучали также и

письму, къ чему приступили, когда царевичу пошелъ уже восьмой годъ. Петръ Алексѣевичъ учился прилежно, охотно и легко. Самое ученіе происходило на особомъ *учительномъ налоѣ*, вышиною въ $1^1/_2$ арш. и обитомъ атласомъ съ галунами на мягкой подкладкѣ. Вскорѣ царственный ученикъ превзошелъ книжное ученіе и поражалъ всѣхъ, знавшихъ его, толковымъ чтеніемъ Евангелія и Апостола, которые выучилъ даже сплошь наизусть. Благодаря постоянному затверживанію на память, послѣдняя, и безъ того богатая отъ природы, удивительно развилась и окрѣпла. Въ дальнѣйшей своей жизни и дѣятельности Петръ особенно удивлялъ приближенныхъ именно громадностью памяти, которая позволяла ему сохранять въ умѣ самыя мельчайшія событія и обстоятельства, что, конечно, для всякаго правителя является могучимъ пособіемъ въ государственныхъ дѣлахъ.

Къ чести Зотова слѣдуетъ отмѣтить, что онъ не ограничилъ, однако, своего учительства такими несложными предметами, какъ простая грамотность и ученіе священныхъ книгъ наизусть. Онъ, въ предѣлахъ своихъ средствъ и познаній, сумѣлъ расширить программу преподаванія, введя сюда и побочные предметы, которые являлись для того времени педагогическимъ новшествомъ.

V.

Въ праздничные дни Зотовъ разсказывалъ царевичу *исторіи* о жизни храбрыхъ и премудрыхъ царей, показывалъ книги съ *куншатами*, т.-е. рисунками; такія книги назывались тогда «потѣшными», главное назначеніе коихъ была забава, увеселеніе дѣтей. Вотъ изъ этихъ-то

«потѣшныхъ книгъ» умный наставникъ и сумѣлъ сдѣлать полезное примѣненіе для своихъ классныхъ занятій съ ученикомъ. Онъ попросилъ Наталью Кирилловну поручить опытнымъ и искуснымъ художникамъ составить раскрашенныя тетради («училища») и книги, по образцу имѣвшихся въ царской библіотекѣ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій. Наталья Кирилловна охотно исполнила просьбу учителя, и ему были выданы «книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками градовъ, и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ». По этимъ книгамъ живописцы сусальнымъ золотомъ и яркими красками разрисовали листы, съ изображеніемъ на нихъ разныхъ городовъ, палатъ, зданій, армій, кораблей, воинскихъ ученій и битвъ. Къ этимъ иллюстраціямъ, сдѣланнымъ занятно и разнообразно, присоединенъ былъ и текстъ, т. е. повѣствованіе о томъ, что изображено на картинкахъ. Такая же картина была изготовлена по астрономіи, съ показаніемъ двѣнадцати мѣсяцевъ и съ изображеніемъ теченія небесныхъ тѣлъ. Всѣ эти листы были размѣщены по стѣнамъ разныхъ комнатъ, и, когда царевичъ уставалъ учиться или начиналъ скучать, Зотовъ, взявъ его за руку, водилъ по комнатамъ, подводилъ къ той или другой картинѣ и разсказывалъ разныя достойныя вниманія историческія событія, напримѣръ: «о блаженныхъ дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича, и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ военныя дѣла и дальные, нужные походы, бои, взятье городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простого народа, и тѣмъ коликія благополучія государству пріобрѣли, и государство Россійское распространили». Такъ Зотовъ повѣдалъ ему о царствованіи и военныхъ подвигахъ Димитрія Донского, Александра Невскаго и др., при чемъ касался значенія и содержанія разныхъ наукъ, присово-

купляя, что «безъ нихъ державнымъ монархомъ невозможно быть».

Этотъ способъ нагляднаго обученія, гдѣ отдыхъ чередовался съ дѣломъ, пріучалъ маленькаго воспитанника Зотова къ постоянной дѣятельности и сосредоточенности вниманія. Мальчикъ, такимъ образомъ, развивалъ свои духовныя способности, оставаясь постоянно свѣжимъ, бодрымъ, и избѣгая гнетущаго вліянія мертвыхъ и скучныхъ способовъ ученія того времени. Онъ пріобрѣталъ постепенно знанія въ слѣдующемъ порядкѣ: по Св. Писанію, по исторіи, географіи и отчасти естественнымъ наукамъ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ГЛОБУСЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. (Моск. оруж. палата).

Характеръ дѣловитости, который внесъ Зотовъ въ свое преподаваніе, какъ нельзя болѣе совпадалъ съ характеромъ первоначальныхъ военныхъ игръ Петра, установленныхъ его покойнымъ родителемъ. Въ обоихъ случаяхъ главная забота его руководителей, и Менезіуса, и Зотова, направлялась къ развитію самодѣятельности мальчика, его подвижности и желанія во всякомъ случаѣ жизни, хотя бы послѣдній относился къ забавѣ, искать *полезность* и поученіе. Эти основы жизни, вложенныя въ душу Петра въ раннемъ дѣтствѣ, отразились на всѣхъ его послѣдующихъ дѣлахъ. Онъ именно представилъ собою образъ монарха, искавшаго всюду дѣла и серьезной практически-полезной его стороны, ставъ такимъ образомъ «вѣчнымъ работникомъ на тронѣ».

Уже къ десяти годамъ, когда Петру пришлось надѣть царскій вѣнецъ, онъ имѣлъ основательныя познанія по закону Божьему и отечественной исторіи. Менѣе всего ему далось искусство письма: почеркъ его и орѳографія были изъ рукъ вонъ плохи, и такими они оста-

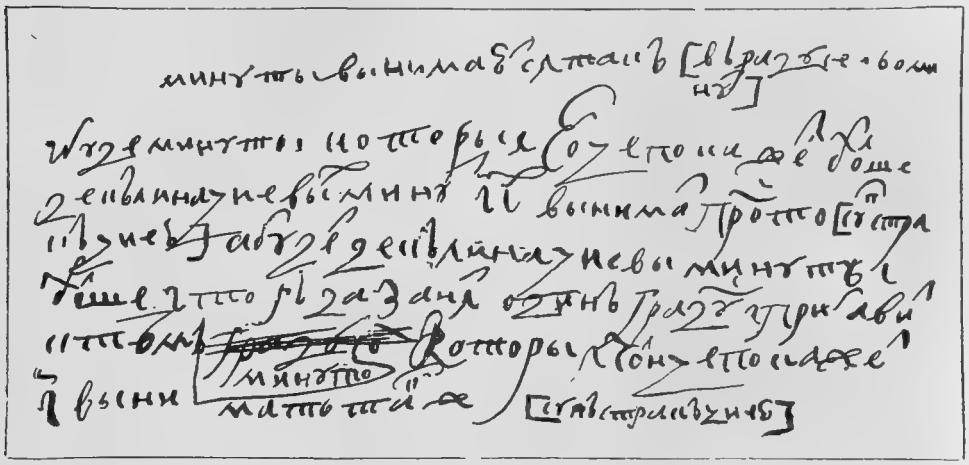
лись до конца дней его. Начавъ поздно, восьми лѣтъ, владѣть перомъ, онъ не успѣлъ утвердить тогда же своего почерка, а впослѣдствіи, въ виду массы иныхъ занятій, ему уже было не до каллиграфіи.

Занятія съ Зотовымъ не помѣшали продолженію военныхъ игръ цесаревича съ товарищами, несмотря даже на удаленіе отъ него Менезіуса. Только игры эти теперь не обставлялись той дѣловитостью и серьезнымъ направленіемъ, которыя постарался имъ придать покойный Алексѣй Михайловичъ. Тѣмъ не менѣе, однажды данный толчокъ сдѣлалъ свое дѣло, и Петръ продолжалъ окружать свои военныя потѣхи шумомъ и веселіемъ. Въ селѣ Преображенскомъ простора было достаточно, и юный воинъ, бывшій полковникъ Петрова полка, уничтоженнаго со смертью Алексѣя Михайловича, продолжалъ рѣзвиться, набираться физическихъ силъ и развивать свои воинскія способности.

Въ началѣ 1682 года передъ его хоромами была устроена *потѣшная площадка*, на которой поставлены были *потѣшный* деревянный *шатеръ* и *потѣшная изба*; на площадкѣ были устроены *рогатки* и размѣщены деревянныя пушки, изъ которыхъ, посредствомъ особаго механизма, стрѣляли деревянными ядрами, обтянутыми кожей. Эта площадка представляла изъ себя воинскій станъ или лагерь, гдѣ производились ученія, и откуда дѣлались вылазки и нападенія. Въ лагерь часто требовались военные доспѣхи и орудія, и сюда то и дѣло доставлялись изъ Оружейной палаты знамена, барабаны разной величины и пушки.

Въ томъ же 1682 году въ судьбѣ маленькаго Петра произошла перемѣна, и для него начался новый періодъ жизни. Братъ его, болѣзненный Ѳедоръ Алексѣевичъ, скончался бездѣтнымъ, и десятилѣтній Петръ былъ объявленъ царемъ. Конечно, ребенокъ не могъ лично

править государствомъ, и всѣ распоряженія отъ его имени давались Нарышкиными, которые, въ подмогу себѣ, вызвали въ Москву изъ ссылки старика Матвѣева. Съ этого времени на глазахъ малолѣтняго царя проходятъ печальныя картины вражды между его родными и ближайшими родственниками, мелькаютъ сцены народныхъ смутъ, военныхъ волненій и убійствъ. Взоръ его начинаетъ привыкать къ потокамъ крови, къ смерти близкихъ лицъ и проявленію жестокости, которая не щадила ни стараго, ни малаго.



СТРАНИЦА ИЗЪ УЧЕБНОЙ ТЕТРАДИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Надъ свѣтлыми днями юной жизни Петра проносятся грозныя тучи и разражаются зловѣщія бури. Въ Москвѣ вспыхиваетъ военный бунтъ, тайно руководимый Милославскими, и пьяная, неистовая толпа стрѣльцовъ, на глазахъ царя, въ его покояхъ, убиваетъ Долгорукова, Матвѣева, другихъ близкихъ ему бояръ и даже родного дядю, Ивана Нарышкина. Ужасъ царитъ во дворцѣ, кровь обильно льется по ступенямъ лѣстницъ, и надъ жизнью всего государева семейства, а въ особенности его самого и его матери, Натальи Кирилловны, грозно вѣетъ дыханіе смерти...

Весь май мѣсяцъ 1682 года проходитъ въ смутахъ и волненіяхъ, которыя кончаются объявленіемъ слабоумнаго Іоанна, брата Петра, его соправителемъ. Съ этого момента, на русскомъ престолѣ возсѣдаютъ два царя, Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи, а все управленіе государственными дѣлами, за ихъ малолѣтствомъ, переходитъ въ руки ихъ сестры, Софіи, которая достигаетъ этой давно желанной ею власти при помощи стрѣлецкихъ бунтовъ и смерти близкихъ Нарышкинымъ лицъ.

НАЧАЛЬНИКИ-СТРѢЛЬЦЫ ВО ВРЕМЕНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

25-го іюня совершилось въ Успенскомъ соборѣ торжественное вѣнчаніе на царство 16-тилѣтняго Іоанна и 10-тилѣтняго Петра, среди великолѣпной обстановки и при громадномъ стеченіи народа. Такимъ образомъ, сынъ Натальи Кирилловны въ самое короткое время испыталъ самыя различныя впечатлѣнія, переносившія его отъ грознаго призрака смерти къ обаянію самодержавной власти и всенародному поклоненію. Эти крайнія противоположныя событія несомнѣнно оставили слѣдъ въ душѣ впечатлительнаго ребенка, пріучая его къ рѣзкимъ перемѣнамъ, къ необычайностямъ и всякаго рода треволненіямъ. Они же развили въ немъ крайнюю нервность, проявлявшуюся, между прочимъ, въ конвульсивныхъ подергиваніяхъ мышцъ лица и непроизвольныхъ движеніяхъ рукъ, развили живость и смѣлость, граничившія съ безстрашіемъ и неудержимой отвагой. Онъ рано научился смотрѣть смерти въ глаза и сознавать безграничность своей власти. Насилія стрѣльцовъ, козни Милославскихъ и всѣ дѣйствія сестры Софіи показали ему

примѣръ, что передъ силою и властью все преклоняется и безмолвствуетъ; неповинующимся же и прекословящимъ всегда могутъ быть противопоставлены самыя крутыя мѣры, гдѣ нѣтъ ни чувства жалости, ни милосердія.

VI.

Смутные дни въ жизни Петра Алексѣевича, конечно, не могли не отзываться вредно на его учебныхъ занятіяхъ и временно положили конецъ и его воинскимъ забавамъ.

ВООРУЖЕНІЕ СТРѢЛЬЦОВЪ XVII ВѢКА.

Но вотъ наступилъ конецъ кровавымъ событіямъ въ Москвѣ, и Наталья Кирилловна съ сыномъ были оставлены въ покоѣ. Софья Алексѣевна, окруженная преданными людьми изъ стрѣльцовъ, не считала личность десятилѣтняго Петра для себя опасною, и онъ могъ снова вернуться къ любимымъ потѣхамъ. Такъ, все лѣто 1683 года маленькій царь проводилъ въ подмосковномъ селѣ Воробьевѣ, гдѣ его военныя игры при-

нимаютъ уже широкіе размѣры и наполняютъ мирныя сельскія окрестности гуломъ настоящихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Сюда безпрестанно требуются изъ Оружейной палаты барабаны, копья, пищали; равнымъ образомъ дѣлаются постоянные заказы на пушки, но не деревянныя, какъ это было прежде, а на настоящія, мѣдныя или желѣзныя, пригодныя для стрѣльбы порохомъ. Эта стрѣльба производится здѣсь подъ руководствомъ иностранца, мастера Симона Зоммера, а также русскаго капитана Шепелева. Благодаря появленію артилерійскаго потѣшнаго огня, игры эти переносятся уже изъ дворцовыхъ комнатъ въ открытое поле, на живописныя возвышенности Воробьевыхъ горъ. Войско царя производитъ здѣсь правильныя ученья съ пушками и подъ звуки военной музыки, для которой онъ выписываетъ изъ Москвы точеныя дудки изъ кленоваго дерева.

ЦАРЕВНА СОФІЯ.
(Картина Бепера).

Будущій герой Полтавской битвы и побѣдитель шведовъ, окруженный облаками порохового дыма, начинаетъ

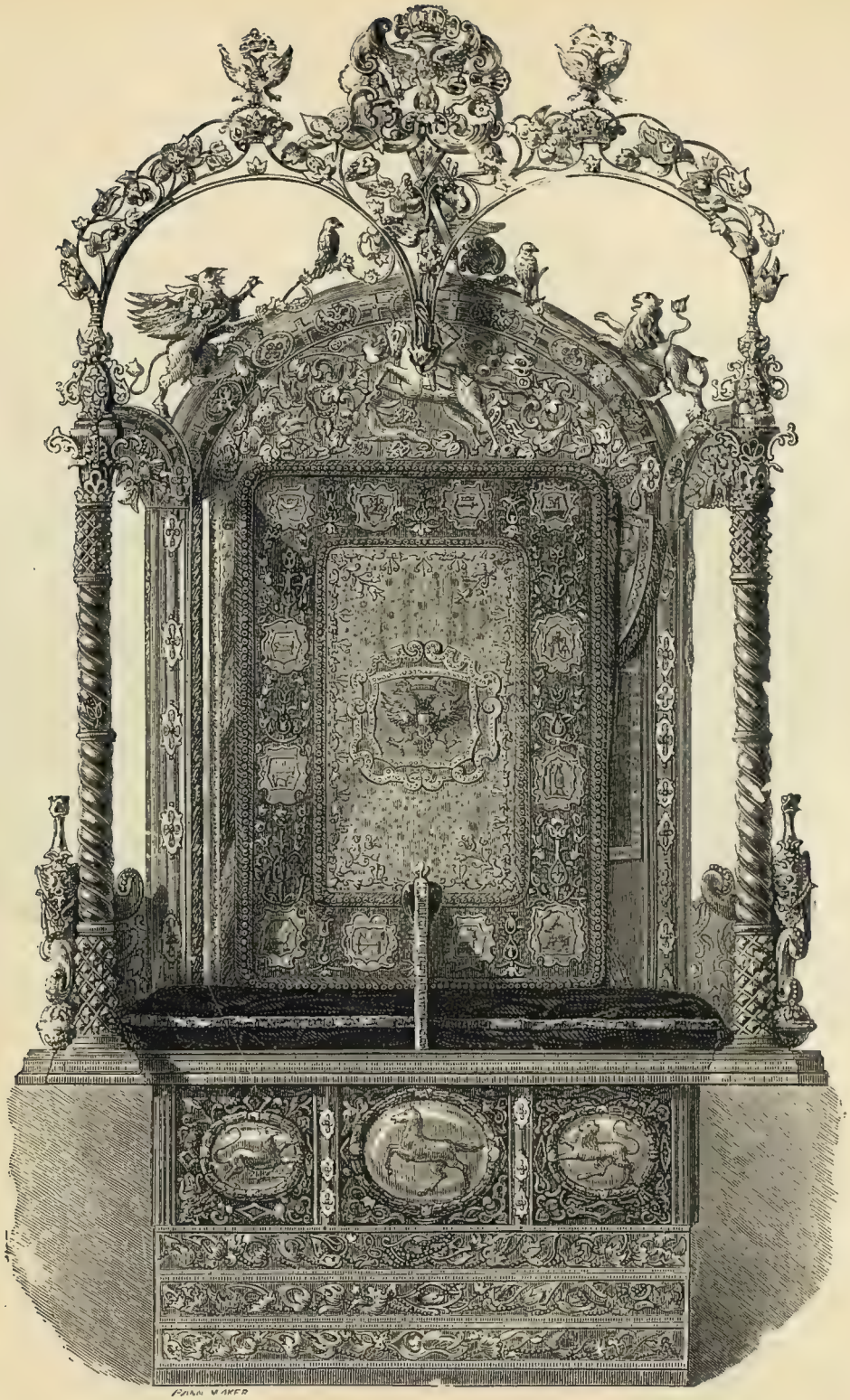
15 мая 1682 года.
(Картина А. І. Шарлемання).

чувствовать, въ виду златоглавой Москвы, на высотахъ Воробьевыхъ горъ, подъ залпы орудій, грохотъ барабановъ и звуки дудокъ, все обаяніе военной славы, начинаетъ сознавать мощь своихъ орлиныхъ крыльевъ. Вся его любовь, вся привязанность, такимъ образомъ, складывается вдали отъ бородатыхъ стрѣльцовъ и раскольниковъ, этихъ типичныхъ представителей до-реформеннаго Московскаго государства. Только требованія разныхъ церемоній, крѣпко связанныхъ съ придворнымъ бытомъ и обязанностями правителя, заставляютъ его время отъ времени покидать привольныя поля, зеленыя дубравы и возвращаться въ кремлевскій дворецъ, гдѣ все такъ живо напоминало ему недавнее ужасное прошлое...

Появленіе его въ Москвѣ, рядомъ съ хилымъ, болѣзненнымъ и слабоумнымъ братомъ, возбуждало удивленіе, вызывая восторгъ однихъ и опасенія другихъ. Эти *другіе* были приближенные Софьи Алексѣевны, начинавшіе видѣть въ его цвѣтущемъ, обаятельномъ образѣ признаки той опасности, которая со временемъ должна положить конецъ ихъ вліянію и могуществу.

Одинъ иностранецъ, Кемпферъ, удостоившійся пріема у обоихъ царей по дѣламъ посольства, такъ описываетъ впечатлѣніе, которое произвели на него Иванъ и Петръ Алексѣевичи.

Когда посольство, въ составъ котораго вошелъ и Кемпферъ, было введено въ Грановитую палату, онъ увидалъ обоихъ ихъ величествъ, сидящими въ серебряныхъ креслахъ, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней; надъ каждымъ кресломъ висѣла икона; вмѣсто скипетровъ они держали въ рукахъ длинные золотые жезлы. «Старшій сидѣлъ почти неподвижно съ потупленными, совсѣмъ почти закрытыми глазами, на которые низко была опущена шапка; младшій, напротивъ того, взи-



ДВОЙНОЙ ТРОНЪ ЦАРЕЙ ІОАННА И ПЕТРА.
(Московская оружейная палата).

ралъ на всѣхъ съ открытымъ прелестнымъ лицомъ, въ которомъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества; дивная его красота плѣняла всѣхъ предстоящихъ, такъ что, если бы это была простого состоянія дѣвица, а не царская особа, то, безъ сомнѣнія, всѣ должны бы влюбиться въ него».

УПРАЖНЕНІЯ ПЕТРА СЪ ПОТѢШНЫМИ.

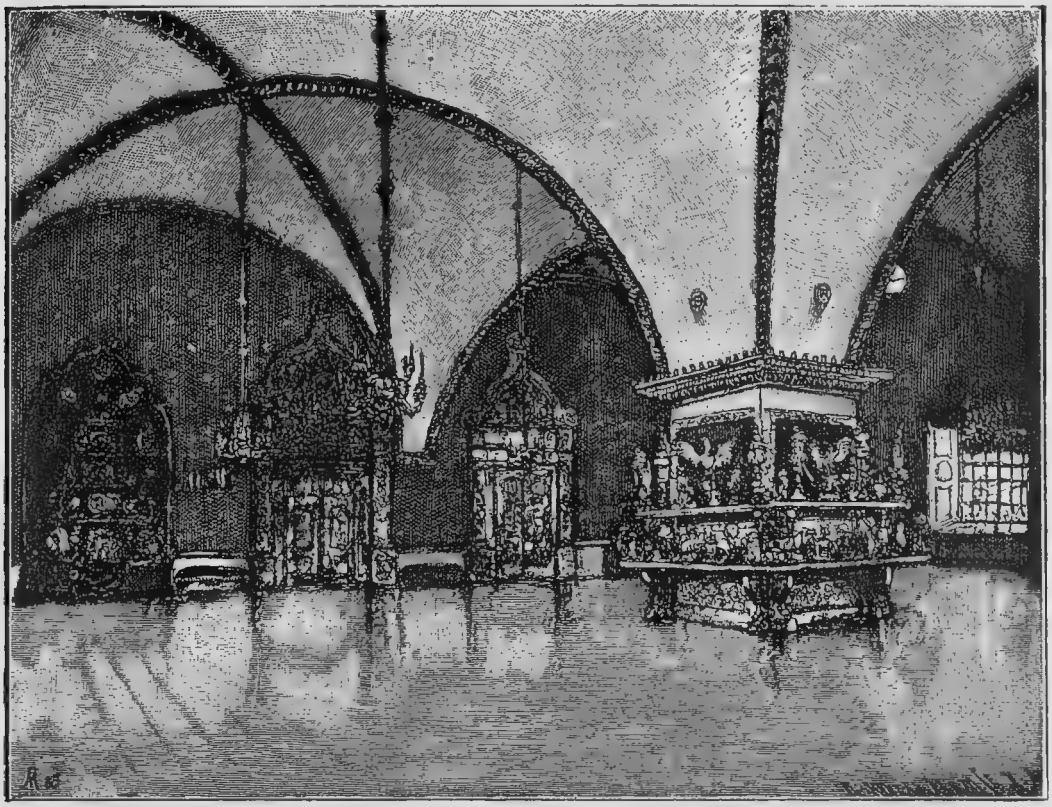
Таково описаніе одиннадцатилѣтняго Петра, оставленное намъ Кемпферомъ.

Дальше онъ приводитъ одинъ случай, показывающій проявленіе крайней живости Петра, которую не могли сдержать и правила тогдашняго чопорнаго посольскаго пріема.

Когда оба царя встали и должны были одновременно спросить о здравіи прислaвшаго ихъ иноземнаго короля, Петръ, не дожидаясь вопроса мѣшкотнаго и вялаго брата, быстро спросилъ:

— «Его королевское величество, братъ нашъ, по здорову-ль?» *)

Такую же живость и нетерпѣливость будущій преобразователь Россіи обнаруживалъ неоднократно и прежде.



ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА.

Такъ, однажды, когда ему минуло только три года, и мать его, спрятавшись съ нимъ вмѣстѣ за дверью сосѣдней комнаты, сквозь щель смотрѣла на пріемъ австрійскаго посольства, нетерпѣливый сынъ, нарушая всѣ обычаи старины, толкнулъ дверь, распахнулъ ее и тѣмъ обнаружилъ тайное пребываніе Натальи Кирил-

*) Здоровъ ли?

ловны, по правиламъ тогдашней жизни не могшей показываться передъ чужими мужчинами.

Покончивъ со скучными обязанностями въ Москвѣ, молодой царь еще съ большимъ восторгомъ и нетерпѣніемъ спѣшилъ въ любимыя загородныя жилища — Преображенское, Воробьево, Сокольничью рощу, гдѣ шумные товарищи дѣтства уже ожидали возвращенія своего командира и возобновленія военныхъ забавъ, которыя съ каждымъ днемъ, благодаря участію въ нихъ нѣкоторыхъ жителей «Нѣмецкой слободы», дѣлались все занимательнѣе и поучительнѣе.

Этимъ жителямъ слободы суждено было сыграть выдающуюся роль въ военномъ образованіи и умственномъ развитіи *перваго русскаго кадета*, какимъ тогда являлся Петръ Алексѣевичъ.

Мы уже знаемъ, какъ Менезіусъ далъ ему основныя понятія о воинской дисциплинѣ, пріучилъ его видѣть въ военныхъ играхъ серьезную сторону дѣла; но то было въ очень ранніе дѣтскіе годы, и понятія эти, съ теченіемъ времени, легко могли ослабнуть. Вотъ тутъ-то и явился во-время Зоммеръ, второй житель «*Нѣмецкой слободы*», которому пришлось упорядочить военныя забавы Петра во второмъ періодѣ ихъ развитія. Стрѣльба изъ пушекъ, въ которой былъ такъ искусенъ Зоммеръ, познакомила царя съ артиллерійскимъ дѣломъ и съ усовершенствованными пріемами европейскаго войскового обученія.

Зоммеръ полюбился Петру; его артиллерійское искусство пришлось ему по сердцу, и онъ не скупился осыпать своего новаго учителя-друга наградами, то денежными, то платьемъ. Такъ, въ 1684 году, «великіе государи пожаловали капитана, огнестрѣльнаго мастера Симона Зоммера, за потѣшную, занятную и огнестрѣльную стрѣльбу іюня 19, что въ селѣ Преображенскомъ,

велѣли ему дать государева жалованья... сукно англійское доброе пять аршинъ».

Милости, оказываемыя Зоммеру, служили доброю приманкою для соотечественниковъ послѣдняго изъ «Нѣмецкой слободы», которые и являются въ мѣстопребыванія царя — въ Преображенское, Воробьево, Сокольничью рощу, охотно и въ большомъ числѣ. Всѣ они находятъ дѣло при царѣ; ихъ опытность, знанія и бывалость позволяютъ имъ изобрѣтать всякія средства, чтобы позабавить Петра «на разныя манеры».

ЦАРИ ІОАННЪ И ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧИ.
(Франц. гравюра 1685 г.).

Московскіе бояре, желавшіе заручиться расположеніемъ царя, не могли въ данномъ случаѣ съ ними соперничать: въ ихъ распоряженіи были только двоякаго рода развлеченія—пиры или соколиныя охоты; но для первыхъ Петръ былъ еще слишкомъ молодъ, а вторая претила ему своей безцѣльностью и отсутствіемъ дѣловитости. По этому случаю, когда однажды бояре вздумали, было, отвлечь царя отъ воинскихъ забавъ и склонить къ древне-русскому способу развлеченія псовою и соколиною охотою, Петръ далъ имъ хорошій урокъ. Онъ согласился потѣшиться охотою, но пожелалъ внести въ нее начала *самодѣятельности*, приказавъ

служителямъ передать *господамъ* въ руки своры собакъ, а самимъ ѣхать домой. Царедворцы, привыкшіе на охотѣ пользоваться лишь пріятною ея стороною, а тяжелую, черную работу возлагать на слугъ, очутились въ критическомъ положеніи: собаки путались, лошади начали горячиться и сбивать сѣдоковъ съ сѣделъ. Это зрѣлище безпомощности и неумѣнья быть хозяевами дѣла доставило Петру немало веселья, и онъ хохоталъ до упада. На слѣдующій день онъ предложилъ назначить охоту съ птицами, но также *безъ* участія слугъ. Любители охоты поняли, что имъ придется опять сыграть передъ царемъ роли шутовъ, и отреклись отъ этой забавы. Тогда Петръ обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Псарями ли лучше быть или свѣтлыми воинами? Въ шкурахъ псовыхъ лучше ли находить забаву, или въ оружіи?

— Нѣтъ, въ оружіи слава всесвѣтлая!—отвѣтили сконфуженные царедворцы.

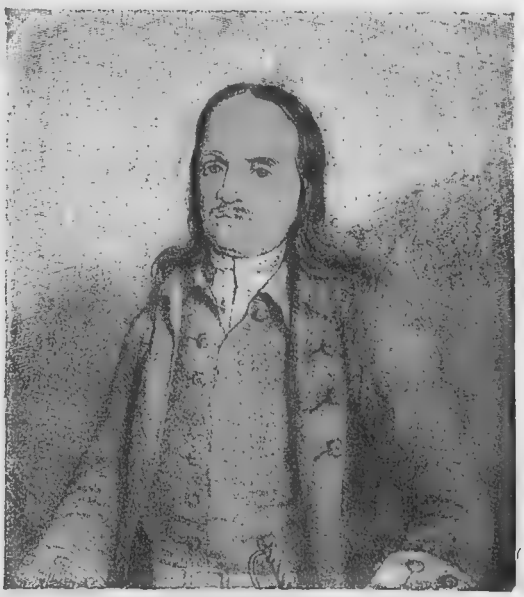
— А когда такъ,—сказалъ царь,—когда всесвѣтлая слава въ оружіи,—такъ зачѣмъ же къ охотѣ отъ дѣлъ царскихъ меня отвлекаете и отъ славы—къ безславію? Я царь, и подобаетъ мнѣ быть воиномъ, а псы приличны пастухамъ и имъ подобнымъ.

Такъ кончилась въ 1683 г. неудачею попытка бояръ оттѣснить отъ Петра Зоммера и его товарищей и отвлечь государя отъ дѣловитыхъ воинскихъ потѣхъ въ сторону праздныхъ охотничьихъ забавъ, до которыхъ, къ слову сказать, былъ такой любитель Алексѣй Михайловичъ. Московская Русь, въ данномъ случаѣ, вступила въ борьбу съ европейскимъ просвѣщеніемъ и на первыхъ же порахъ потерпѣла полное пораженіе: двѣнадцатилѣтній царь отвернулся отъ родовитаго боярства съ его складомъ жизни и далъ явное предпочтеніе жителямъ «Нѣмецкой слободы», въ лицѣ которыхъ Петръ

нашелъ себѣ по вкусу товарищей и по влеченіямъ ума—наставниковъ и учителей.

VII.

Въ концѣ 1683 года Петръ вспоминаетъ свой *полкъ* дѣтскихъ лѣтъ и рѣшаетъ составить себѣ въ Преображенскомъ селѣ *новый*, куда и вызываетъ для потѣшной службы желающихъ. Первымъ солдатомъ этого Преображенскаго полка явился придворный конюхъ, приставленный къ потѣшнымъ лошадямъ, Сергѣй Леонтьевъ Бухвостовъ, который, по собственной волѣ, охотно отозвался на кличъ царя.



ПЕРВЫЙ РУССКІЙ СОЛДАТЪ СЕРГѢЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ БУХВОСТОВЪ.
(Съ портрета Махаева).

Этотъ первый солдатъ будущаго полка до-нельзя порадовалъ государя, который до самой своей смерти не забывалъ счастливаго момента появленія Бухвостова. Впослѣдствіи, ставъ уже императоромъ, онъ повелѣлъ лучшему тогда художнику Растрелли, въ ознаменованіе этого событія, вылить изъ металла статую своего перваго по времени солдата.

Понемногу къ Бухвостову стали примыкать и другіе—Данило Новицкій, Лука Хабаровъ, Григорій Лукинъ и прочіе. Такимъ образомъ и составился Преображенскій

полкъ, который въ нашей арміи и понынѣ считается старѣйшимъ полкомъ, соединяющимъ свое происхожденіе непосредственно съ именемъ Великаго преобразователя Россіи.

Петръ, привыкшій въ своихъ воинскихъ забавахъ видѣть не только *веселіе*, но и *дѣло*, рѣшилъ воспользоваться существованіемъ новаго полка, чтобъ основательно, во всѣхъ подробностяхъ, пройти военную службу; съ этою цѣлью онъ зачислился въ Преображенскій полкъ, но не высшимъ чиномъ, а бомбардиромъ, что требовало отъ него выполненія обычныхъ правилъ дисциплины и знанія всей тяготы солдатской службы на собственномъ опытѣ. Начальствованіе же, званіе офицеровъ, было имъ исключительно предоставлено жителямъ слободы, подъ нѣмецкую команду которыхъ, вмѣстѣ съ царемъ во главѣ, должны были стать, наравнѣ съ конюхами, истопниками, и бояре-сверстники Петра Алексѣевича.

Теперь Преображенское село, кромѣ выстрѣловъ изъ пушекъ, направляемыхъ мастеромъ Зоммеромъ, наполнилось еще громкими криками учителей изъ нѣмцевъ простого званія, которые, по требованію государя, всѣми силами старались передѣлать неуклюжихъ бородатыхъ русскихъ придворныхъ служителей въ ловкихъ европейскихъ солдатъ, которымъ въ будущемъ предстояло вступить въ кровавую борьбу съ отборнѣйшимъ войскомъ Европы.

Въ Преображенскомъ Московская Русь открыто пошла на выучку къ Западной Европѣ съ тѣмъ, чтобы уже никогда не возвращаться въ своемъ историческомъ развитіи къ сѣдымъ преданіямъ невѣжественной старины. По крайней мѣрѣ таково было геніальное предначертаніе несовершеннолѣтняго Петра, предначертаніе, которое онъ завѣщалъ, ставъ уже императоромъ, своимъ пре-

емникамъ, какъ руководство во всѣхъ ихъ дѣяніяхъ на пользу и благо русскаго народа. И если этотъ завѣтъ по временамъ иногда и нарушался, то въ этомъ было видно лишь отклоненіе отъ того пути, на который еще въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія поставилъ Россію дѣтскимъ мановеніемъ геніальной руки Великій Петръ.

Основавшись съ войскомъ въ селѣ Преображенскомъ, Петръ понималъ, что постоянное пребываніе въ одномъ и томъ же мѣстѣ не дастъ обильныхъ знаній, широкаго опыта, разнообразныхъ впечатлѣній и наблюденій, необходимыхъ въ жизни каждому человѣку и въ особенности монарху-реформатору. Отчасти въ этихъ видахъ, а также повинуясь влеченіямъ своей подвижной натуры, онъ предпринимаетъ близкія и дальнія путешествія—къ Троицѣ, въ Макарьевъ, въ Калязинскій монастырь и другія мѣста, куда всюду за нимъ должны были слѣдовать и его товарищи со всякимъ оружіемъ для военныхъ потѣхъ. Эти прогулки или «походы», какъ ихъ называли, сопровождались обширнѣйшими требованіями изъ Оружейной палаты всякаго рода оружія, а также приказами покупокъ въ Москвѣ пороха, дроби, свинца и прочихъ матеріаловъ, нужныхъ для военной службы. По части мирныхъ развлеченій дѣлались пріобрѣтенія только шахматовъ, страсть къ которымъ развилась въ Петрѣ еще съ юныхъ лѣтъ; этой игрою, впослѣдствіи, онъ любилъ развлекать себя послѣ большихъ трудовъ, въ любезныхъ ему ассамблеяхъ *) «Нѣмецкой слободы», гдѣ шахматная игра за обильными кружками пива пользовалась широкимъ правомъ гражданства.

Въ 1685 году, когда войско было уже достаточно обучено «воинскимъ артикуламъ», маршировкѣ и сло-

*) Общественныя собранія.

вамъ команды, Петръ рѣшилъ, что пора приложить силы солдатъ къ какому-нибудь болѣе живому дѣлу. Съ этою цѣлью, онъ приказалъ строить въ Преображенскомъ, на берегу Яузы, большой земляной потѣшный городокъ, чтобы научить солдатъ, на примѣрѣ этого городка, осадному искусству, взятію крѣпостей и укрѣпленныхъ мѣстностей правильнымъ штурмомъ. И здѣсь на первомъ планѣ выступили все тѣ же жители «Нѣмецкой слободы», коимъ и было поручено руководство и наблюденіе за инженерными и саперными работами.

Въ февралѣ мѣсяцѣ приступили къ работамъ, и въ томъ же году городъ былъ уже выстроенъ съ башнями, стѣнами, перекидными мостами, рвами и валами; внутри города были устроены дома съ комнатами, амбары и навѣсы для храненія оружейной казны, избы для служителей. Лука Хабаровъ завѣдывалъ здѣсь городской артиллеріей, артиллерійскими и гранатными припасами, а также—войсковой амуниціей.

Потѣшная крѣпость, воздвигнутая искусствомъ иностранцевъ по иностранному образцу, получила и иностранное названіе — «Пресбургъ». Этотъ городокъ на берегу Яузы послужилъ первообразомъ для построекъ Петромъ въ позднѣйшіе уже годы городовъ—Петербурга и Шлиссельбурга. Здѣсь впервые проснулась и развилась въ Петрѣ любовь строиться, страсть къ плотничьему и столярному дѣлу, ремесламъ, требующимъ отъ человѣка сноровки, глазомѣра, настойчиваго, разумнаго физическаго труда, т. е. такихъ свойствъ, которыя непремѣнно преслѣдуютъ какую-нибудь утилитарную цѣль, какую-нибудь практическую задачу.

Постройка земляного города послужила для царя настоящей школой, которая позволила ему восполнить свое скудное образованіе, не могшее найти въ лицѣ Зотова истиннаго руководителя. Скромному и по-старому

Царевичъ Петръ и дьякъ Зотовъ.

Картина К. Лебедева.

смиренному московскому подъячему въ такомъ громадномъ дѣлѣ жизни, какое подъялъ себѣ на плечи царственный отрокъ-исполинъ, непремѣнно долженъ былъ придти на смѣну бойкій, практически-образованный и искусный обыватель «Нѣмецкой слободы», который, единственный въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ, могъ дать царю-плотнику знанія, ему недостававшія и которыхъ онъ такъ страстно искалъ. «Пресбургъ» на берегу Яузы явился для Петра той школой, гдѣ онъ почерпнулъ свѣдѣнія по архитектурѣ, по инженерному, саперному и артиллерійскому дѣлу; прежнее его предварительное образованіе получило здѣсь, такимъ образомъ, свое завершеніе.

Но, кромѣ этой стороны дѣла, тѣсное сближеніе съ иностранцами въ теченіе 1685 года имѣло для Петра и другія, если еще не болѣе важныя, послѣдствія. Оно расширило весь кругъ его понятій, ввело его въ міръ новыхъ представленій и мыслей, которыя до тѣхъ поръ были совершенно чужды не только ему и его приближеннымъ, но и всей русской жизни. Онъ сталъ здѣсь лицомъ къ лицу, такъ сказать, съ живой фотографіей, хотя и очень слабой, — европейской жизни, и на обывателяхъ «Нѣмецкой слободы» молодой царь получилъ возможность сдѣлать сравненіе отечественной дѣйствительности съ заграничной и, конечно, не къ выгодѣ и пользѣ первой изъ нихъ.

Въ это же время возвратился удаленный отъ него старый его учитель, Никита Моисеевичъ Зотовъ, которому правительствомъ Софьи Алексѣевны дано было, нѣсколько времени передъ тѣмъ, посольское порученіе въ заграничныя земли. Зотовъ, свидѣвшись снова съ ученикомъ, не преминулъ сообщить ему многое интересное, видѣнное имъ у чужестранцевъ, и тѣмъ еще болѣе усилилъ нерасположеніе Петра Алексѣевича къ

обычаямъ и нравамъ старинной русской жизни. Въ томъ же настроеніи немало поддерживалъ его и приставленный къ нему докторъ изъ нѣмцевъ, а также молодой Матвѣевъ. Послѣдній, находясь еще въ ссылкѣ, подъ вліяніемъ матери-англичанки и учителя-поляка, пріобрѣлъ по многимъ предметамъ обстоятельныя свѣдѣнія, и по преимуществу изъ жизни иноземныхъ народовъ, о чемъ его царственный другъ, очутившись поблизости «Нѣмецкой слободы», началъ только теперь получать отрывочныя представленія.

Всѣ эти обстоятельства служили Петру хорошей школой жизни, гдѣ онъ одновременно пополнялъ кругъ своихъ познаній, не исключая отсюда и прикладного мастерства, которыя, всѣ въ совокупности, оказывали самое благотворное вліяніе на неимовѣрно быстрый ростъ его, и безъ того богатыхъ отъ природы, духовныхъ способностей. Его жажда знаній распалялась ежечасно, и не было такого случая, когда бы онъ не воспользовался имъ, чтобы пріобрѣсти тѣ или иныя недостававшія ему новыя свѣдѣнія. А случаи эти, на его счастье, начали представляться достаточно часто.

VIII.

Однажды явился къ Петру князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, назначенный посланникомъ во Францію; собираясь уже въ дорогу, онъ пришелъ проститься съ молодымъ царемъ. Разговорившись о постройкахъ Петра на берегу Яузы, Долгорукій сказалъ, что нѣкогда у него былъ такой инструментъ, которымъ можно опредѣлять разстоянія, не сходя съ мѣста, не измѣряя шагами.

— Можетъ ли это быть? — спросилъ изумленный Петръ.

— Вѣрно, такъ,—отвѣтилъ князь Долгорукій.

— Дай мнѣ этотъ инструментъ.

— Да нѣтъ ужъ его у меня, пропалъ, украли.

— Какой же онъ былъ видомъ, разскажи!

— Устанавливался онъ на трехъ ножкахъ, какъ на палкахъ, наверху кружокъ, въ кружкѣ стрѣлка, такъ и ходитъ...

— Купи, купи мнѣ такой инструментъ, гдѣ найдешь, и привези. Ты обѣщалъ мнѣ гостинецъ изъ чужихъ странъ. Вотъ мнѣ гостинецъ—сдѣлай милость.

Долгорукій обѣщалъ.

— Смотри же, не забудь, князь Яковъ Ѳедоровичъ!

— Не забуду, будь покоенъ.

Долгорукій уѣхалъ. Петръ все поджидалъ обѣщаннаго чуднаго инструмента, который такъ упрощаетъ трудъ людской. Но вотъ, наконецъ, вернулся бояринъ изъ своего посольства, и первый вопросъ Петра былъ:

— Ну, что, привезъ ли гостинецъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ?

— Какъ не привезти, коли ты приказалъ...

— Гдѣ же онъ? подавай скорѣе!

Принесли громадный ящикъ и вынули заморскій гостинецъ. Установили инструментъ на землю, смотрятъ,—наверху стрѣлка вертится, бѣгаетъ, а что она обозначаетъ, какъ управлять инструментомъ, никто не можетъ объяснить любопытствующему Петру.

— Князь Яковъ Ѳедоровичъ, какъ же мѣрить?—спрашиваетъ Петръ въ волненіи.

— А я почемъ знаю,—отвѣчаетъ тотъ, равнодушно поглаживая бороду.—Ты велѣлъ купить, ну вотъ я и купилъ, а какъ прилаживать инструментъ, именуемый астролябіей, почемъ мнѣ знать?

Царь, въ отчаяніи, зоветъ доктора-нѣмца, проситъ его пособить горю, но и тотъ отказывается лично дать необходимыя указанія; но зато у доктора въ «Нѣмецкой слободѣ» есть знакомые мастера–иностранцы, которымъ, вѣроятно, приходилось имѣть дѣло съ астролябіей. Сказано—сдѣлано, и на другой день передъ Петромъ явился обыватель слободы, образованный голландскій купецъ, Петръ-Францъ Тиммерманъ.

Взглянулъ Тиммерманъ на астролябію и объявилъ, что можетъ научить, какъ ею пользоваться; онъ смѣрилъ взятое для примѣра разстояніе, сдѣлалъ на бумагѣ выкладку и сказалъ, на сколько саженъ отстоитъ указанное мѣсто. Провѣрили его выкладку шагами,— счетъ оказался вѣренъ.

— Научи меня мѣрить и считать, — молитъ Петръ Тиммермана.

— Вдругъ нельзя,—для этого знать нужно ариѳметику, геометрію...

— Такъ научи меня ариѳметикѣ и геометріи.

Тиммерманъ согласился, и царь Московскій сдѣлался, съ того времени, самымъ ревностнымъ его ученикомъ, просиживая дни и ночи надъ тетрадями, испещряя страницу за страницею своимъ неровнымъ, неуклюжимъ почеркомъ. Вереницы цифръ, задачъ, формулъ мелькали передъ его взорами, увлекая его все дальше и дальше въ глубь науки и раскрывая передъ любознательнымъ царемъ прелести истинныхъ знаній, которыхъ онъ былъ лишенъ въ ранней юности.

До насъ дошли учебныя тетради Петра, по которымъ онъ обучался у Тиммермана математикѣ. Державный ученикъ, выслушавъ отъ наставника первыя четыре правила ариѳметики, подъ названіями мало понятными для русскаго человѣка (напр., адиціо, субстракціо, мультипликаціо, дивизіо), тотчасъ же сообразилъ, въ чемъ

суть дѣла: онъ самъ своею рукою безошибочно и отчетливо изложилъ всѣ четыре правила, пояснивъ ихъ примѣрами, привелъ способы провѣрки, разобралъ путаницу съ *онами* или нулями, безъ труда понялъ именованныя числа и перешелъ къ высшимъ частямъ математики; скоро достигъ до многосложной теоріи астролябіи; въ нѣсколькихъ словахъ показалъ, какъ можно ею «собрать» или измѣрить поле, изучилъ подробности сооруженія крѣпостей, затвердилъ всѣ иностранные термины фортификаціи, вычислилъ размѣры орудій и опредѣлилъ, при какихъ условіяхъ, въ какомъ разстояніи можетъ пасть на данную точку бомба.

ФРАНЦЪ ТИММЕРМАНЪ.
(Соврем. гравюра Шхонебека).

Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ учебной тетради, гдѣ Петръ набрасывалъ правила по артиллеріи.

Гърадусы которые въ низу.

Когда сътрелять, отвѣдать перва такъ: сколко положишь пороху записать, такъ же, на сколкихъ гърадусахъ мартиръ поставишь записать же, потомъ съмѣрять съколь далече бомба (на опыту) пала. Потомъ когда хочешь на уреченное мѣсто сътрелять, тогда възяѳь дистанцию, потомъ възять цыркалемъ на таблице тѣ гърадусы, которые при опыте на квадрантѣ были, і тою мѣрою іскать на таблице (съ правой сторoны) тово числа съколько (на опыте) далече бомба легла, і когда найдешь, тогда по той линеі іскать той долины, куда бросать хочешь, і възяѳъ ту мѣру поставить на гърадусы, і колко укажешь, сътолко і на квадранте сътаѳъ. Порохъ числомъ і силою бъ былъ ровенъ, какоѳъ былъ і при опыте.

Тиммерманъ сдѣлался съ того времени неразлучнымъ спутникомъ и собесѣдникомъ Петра; съ нимъ царь охотнѣе всего проводилъ время, и онъ же еще тѣснѣе сблизилъ государя съ жителями и нравами «Нѣмецкой слободы». Здѣсь, въ этой слободѣ, раскрывались передъ пятнадцатилѣтнимъ царемъ, полнымъ энергіи и жажды жизни, мало-по-малу не только необъятные горизонты знанія и просвѣщенія, но тутъ же находилъ онъ полную волю-волюшку, широкій просторъ своимъ рвущимся наружу богатырскимъ силамъ, которымъ тѣсно и не понутру было подъ строгимъ присмотромъ благочестивой матушки, въ кругу скучныхъ родныхъ и въ душныхъ палатахъ царскихъ дворцовъ. Нѣтъ, не сюда тянуло его, не здѣсь лежало его сердце! И онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, спѣшилъ скорѣе вонъ изъ материнскаго дома на свободную пирушку пріятелей-нѣмцевъ, гдѣ въ облакахъ табачнаго дыма подъ звуки веселой музыки, за стаканомъ добраго заморскаго вина, можно было вести весело бесѣды, поболтать о политикѣ, о дѣлахъ управленія, о жизни за границею, о новостяхъ дня. Здѣсь герой-богатырь, нарушая скучные дѣдовскіе обычаи и завѣты русской сѣдой старины, отводилъ душу нараспашку, веселился до утренней зари въ кругу молодежи, среди бойкихъ и словоохотливыхъ нѣмокъ, старательно завлекавшихъ молодого царя въ танцы, въ замысловатыя игры и непринужденные разговоры. Сюда же, за нимъ вослѣдъ, спѣшили и его сослуживцы по Преображенскому полку, которымъ нельзя было отставать отъ царственнаго бомбардира, подававшаго имъ примѣръ не только одного упорнаго труда, но и шумнаго веселья.

Такимъ образомъ, если «Нѣмецкая слобода» оказала громадныя услуги умственному развитію Петра, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, она внесла и нѣкоторую порчу его

нрава, слишкомъ рано пріучивъ сына Натальи Кирилловны къ излишествамъ, которымъ онъ остался не чуждъ въ дальнѣйшей своей жизни и которыя несомнѣнно значительно содѣйствовали ослабленію его богатырскаго здоровья и сокращенію дней его жизни. Наталья Кирилловна съ грустью смотрѣла на сына, но оказать какое-нибудь серьезное вліяніе на него она не могла: орелъ

ПЕТРЪ УЧИТСЯ ОБРАЩЕНІЮ СЪ АСТРОЛЯБІЕЙ У ТИММЕРМАНА.
(Съ гравюры Шульца).

уже почувствовалъ крѣпость своихъ крылъ, и не ей слабыми женскими силами и узкимъ кругомъ древнерусскихъ интересовъ было удержать его мощный полетъ.

А молодому орлу теперь становилось тѣсно даже на берегу Яузы, даже въ «Нѣмецкой слободѣ». Его потянуло дальше, къ тѣмъ невѣдомымъ еще удовольствіямъ и забавамъ, въ которыхъ опять-таки современемъ суждено было Россіи найти великія сокровища, предназначено было извлечь изъ нихъ неоцѣненныя богатства.

IX.

Гуляя однажды со своимъ новымъ другомъ, Тиммерманомъ, въ селѣ Измайловѣ по лѣсному двору, Петръ случайно спросилъ проводниковъ, указывая на старый амбаръ, стоявшій въ сторонѣ:

— Что это за строеніе?

— Кладовая, — послѣдовалъ отвѣтъ, — тамъ сложенъ всякій хламъ, оставшійся послѣ жившаго здѣсь нѣкогда Никиты Ивановича Романова.

— Отоприте ворота.

Приказаніе было немедленно исполнено, и передъ взорами царя предстала куча мусора, въ которомъ, однако, онъ замѣтилъ нѣчто, остановившее его вниманіе.

— Что это такое?

— Это, по всей видимости, англійскій ботъ,—спѣшитъ опредѣлить привычнымъ и бывалымъ глазомъ голландецъ Тиммерманъ.

— Куда онъ пригоживается? Чѣмъ онъ лучше нашихъ гребныхъ судовъ?

— Онъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.

— Какъ противъ вѣтра? Можетъ ли это быть?

— Вѣрно такъ.

— Ну, такъ поѣдемъ.

— Нельзя: онъ поврежденъ, — отвѣтилъ Тиммерманъ, осмотрѣвъ ботъ со всѣхъ сторонъ, — его надо прежде починить, умѣючи, поставить мачту, натянуть паруса...

— Нѣтъ ли такого человѣка, который умѣлъ бы все это сдѣлать и показать ходъ?

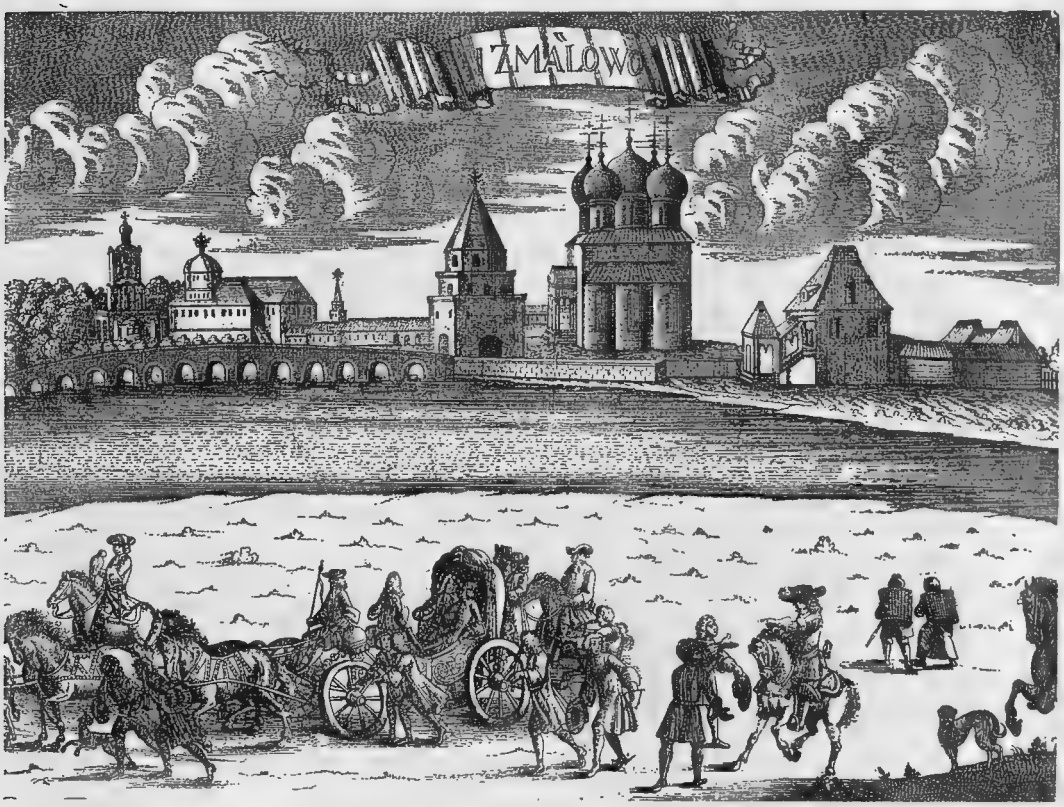
— Есть.

— Кто такой?

— Голландецъ Карштенъ Брантъ, живущій въ «Нѣмецкой слободѣ».

— Приведи его ко мнѣ.

На слѣдующее утро Брантъ уже стоялъ передъ



ВИДЪ СЕЛА ИЗМАЙЛОВА.
(Съ гравюры Зубова).

нетерпѣливымъ Петромъ, дававшимъ ему порученіе какъ можно скорѣе исправить найденное сокровище. Для Бранта это было пустымъ дѣломъ: онъ происходилъ изъ тѣхъ иностранцевъ, которые были вызваны еще царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, сдѣлавшимъ первую попытку въ Россіи создать парусный флотъ и прика-

завшимъ соорудить морскія суда на Каспійскомъ морѣ. Но изъ этой попытки тогда ничего не вышло: первый выстроенный ими корабль, «Орелъ», былъ сожженъ Стенькой Разинымъ, послѣ чего Брантъ вернулся въ Москву, поселился здѣсь въ «Нѣмецкой слободѣ» и началъ промышлять столярною работою. И вотъ теперь, черезъ двадцать съ лишкомъ лѣтъ, знанія и искусство старика-голландца вновь пригодились, и ему суждено было стать созидателемъ нынѣшняго русскаго флота, имѣющаго своимъ прародителемъ такимъ образомъ починеннаго и воскрешеннаго Брантомъ къ жизни «ботика Петра Великаго», бережно хранящагося и понынѣ на Петербургской Сторонѣ, въ Домикѣ Петра Великаго.

Работа новаго царскаго знакомца изъ числа жителей «Нѣмецкой слободы» вскорѣ была готова; ботикъ былъ спущенъ на тихія воды Яузы и началъ плавать внизъ и вверхъ по рѣкѣ и оборачиваться направо и налѣво. Конечно Петръ, по живости характера, недолго оставался простымъ зрителемъ. Онъ приказалъ Бранту остановиться, причалить къ берегу, вскочилъ на лавку ботика и началъ кататься вмѣстѣ съ голландскимъ мастеромъ, управляя лично, подъ его руководствомъ, парусами и рулемъ.

Восторгъ бушевалъ въ его горячемъ сердцѣ; но вотъ, неловкимъ движеніемъ, ботикъ повертывается, упирается въ берегъ и останавливается.

— Отчего это такъ?—спрашиваетъ любознательный Петръ.

— Отъ того, что здѣсь вода мелка, и рѣка узка.

— Гдѣ же бы найти пошире?

— Ну, да вотъ хоть на Просяномъ прудѣ.

— Ѣдемъ туда.

Но скоро и Просяной прудъ оказался тѣсенъ, и настойчивый Петръ сталъ допытывать у окружающихъ,

гдѣ можно найти большій просторъ своей новой потѣхѣ. И ему указали на обширное озеро, верстъ десять въ длину и пять въ ширину, расположенное за Троице-Сергіемъ, подъ Переяславлемъ.

Петръ тутъ же рѣшилъ побывать на этомъ озерѣ; вопросъ заключался только въ томъ, подъ какимъ пред-

СПУСКЪ БОТИКА ВЪ ЯУЗУ.

логомъ отпроситься туда у матушки, какъ отлучиться за сто съ лишкомъ верстъ отъ Москвы? Предлогъ скоро былъ отысканъ: 25-го іюня праздновалось въ Троице-Сергіевской лаврѣ обрѣтеніе мощей святого Сергія, и молодой царь, съ согласія Натальи Кирилловны, отправился туда, подъ видомъ благочестиваго путешествія, въ сопутствіи, однако, неразлучнаго съ нимъ Карштена Бранта.

Отстоявъ литургію, поклонившись мощамъ св. угодника, Петръ немедленно помчался въ Переяславль. Увидавъ широкое и привольное озеро, онъ объявилъ Бранту:

— Вотъ, гдѣ намъ плавать съ тобою, старикъ!

— Хорошо бы, да на чемъ?

— Развѣ нельзя настроить здѣсь судовъ?

— Конечно, можно...

— А можно, такъ и настроимъ.

Слово и дѣло у молодого царя шли всегда объ руку. Возвратившись въ Москву, онъ тотчасъ же изложилъ Натальѣ Кирилловнѣ свое желаніе временно обосноваться въ Переяславлѣ для постройки кораблей, но встрѣтилъ новой затѣѣ рѣшительный отпоръ: мать испугалась мысли сына, опасаясь за его жизнь, и отнеслась съ полнымъ несочувствіемъ къ нестаточному для царя занятію, какъ плотничество, да, вдобавокъ, въ примѣненіи къ невѣдомому и страшному водному дѣлу. Но Петръ оставался непреклоненъ; Наталья Кирилловна должна была уступить его мольбамъ и настояніямъ и послѣ 29 іюня, дня его ангела, отпустила неугомоннаго сына, въ обществѣ ненавистныхъ ей нѣмцевъ, въ дальнюю дорогу.

Прибывъ на Переяславское озеро, Петръ, при содѣйствіи и по указаніямъ Бранта и другого обывателя «Нѣмецкой слободы», мастера Корта, первымъ дѣломъ выбралъ удобное для постройки и оснастки будущихъ кораблей мѣсто. Такимъ мѣстомъ былъ назначенъ берегъ Трубежа, близъ церкви Знаменія, которая вслѣдствіе этого и понынѣ еще носитъ именованіе «что на корабляхъ», и гдѣ доселѣ еще сохранились вбитыя въ дно крѣпкія сваи, какъ памятники славнаго прошлаго. Послѣ выбора мѣста, приступили къ заготовкѣ корабельнаго матеріала—досокъ, веревокъ, парусины, гвоздей,

ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЛИЗЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ.
(Фотографія съ натуры).

скобокъ, а также начали сгонять сюда рабочихъ, которыхъ въ виду спѣшности задуманныхъ построекъ, потребовалось не малое количество. Вскорѣ работа дружно закипѣла надъ зеркальной поверхностью озера, и воздухъ наполнился визгомъ пилъ, стукомъ молотковъ и неизбѣжной при работахъ бодрящей русской пѣсней...

Но вотъ наступила осень, и къ 26 августа, дню ангела Натальи Кирилловны, Петру надлежало вернуться въ Москву. Жалко было ему разставаться съ полюбившимся его сердцу раздольемъ деревенской глуши, гдѣ ничье наблюдательное око не могло мѣшать работать вдосталь и, въ видѣ отдыха, пировать съ пріятелями; но дѣлать было нечего, и Петръ простился съ рабочими, оставивъ на мѣстѣ своимъ замѣстителемъ по руководительству постройками Карштена Бранта. Возвращеніе въ Москву, впрочемъ, сулило ему не одну скуку и праздное бездѣлье. Онъ получилъ извѣстіе, что земляной городъ на берегу Яузы уже готовъ, что набраны уже полностью цѣлыхъ два полка,—знакомый уже намъ Преображенскій и новый Семеновскій, по имени села Семеновскаго, гдѣ производилась главная вербовка солдатъ. Новобранцы оставались безъ дѣла: пора было сдѣлать имъ рѣшительный смотръ и повести ихъ, подъ грохотъ барабановъ и гулъ выстрѣловъ, на приступъ потѣшныхъ стѣнъ Пресбурга...

X.

Возвращеніе Петра въ Москву сопровождалось шумными военными потѣхами, которыя все болѣе и болѣе смущали правительницу Софью и ея приближенныхъ, начинавшихъ понемногу усматривать въ дѣйствіяхъ молодого царя тѣ невольныя и случайныя черты, въ кото-

рыхъ могла сказаться современемъ для нихъ серьезная опасность. У Петра было въ неотъемлемомъ распоряженіи собственное правильно обученное и дисциплинированное войско, а въ 120 верстахъ отъ Москвы строился уже флотъ, который также легко могъ быть приспособленъ къ военному дѣлу. Князь Василій Голицынъ, самый близкій къ Софіи Алексѣевнѣ человѣкъ, начинаетъ съ того времени неохотно выдавать вытребываемыя царемъ для своихъ солдатъ воинскія принадлежности; но это не смущаетъ Петра, и онъ продолжаетъ посылать одно за другимъ требованіе—пороха, дроби, барабановъ. Такимъ образомъ, осенью 1688 г., онъ окончательно сформировалъ два полка, Преображенскій и Семеновскій, а весною 1689 г. два корабля, не вполнѣ однако еще оснащенныхъ, красовались уже на веселыхъ водахъ Переяславскаго озера. Петръ былъ въ восторгѣ отъ успѣховъ своихъ начинаній, не чувствуя, что надъ его головою уже собираются тучи и бури, которымъ суждено совершить полный переворотъ въ его пока радостной и веселой жизни. Онъ дѣлитъ отнынѣ свое сердце и привязанности между селомъ Преображенскимъ и Переяславлемъ, находясь постоянно въ движеніи и дѣятельности.

Эта подвижная жизнь приводитъ въ отчаяніе Наталью Кирилловну, видящую въ занятіяхъ сына опасность для его жизни и здоровья: жизни — со стороны враговъ, пріютившихся подъ защитою Софіи, здоровью— со стороны шумныхъ пировъ и близости къ опасному занятію, какимъ она считала мореплаваніе. Да и преданные ей люди, какъ, напримѣръ, князь Борисъ Голицынъ, постоянно настаивали на томъ, что пора уже Петру Алексѣевичу ближе ознакомиться съ дѣлами государственнаго управленія, что время дѣтства и непрерывныхъ забавъ миновало.

Въ этихъ рѣчахъ была большая доля правды: Петръ взялъ изъ московской жизни, съ одной стороны, и жизни «Нѣмецкой слободы», съ другой, все то, чему онѣ его могли научить. Своимъ развитіемъ и знаніями онъ уже переросъ требованія, которыя предъявлялись тогда къ монарху, и, возсѣвъ на прародительскій престолъ, рѣшительно ничѣмъ не уступилъ бы своему дѣду и отцу въ первые годы ихъ царствованій. Недоставало опытности. Но развѣ у его дѣда и отца эта опытность была спервоначалу, развѣ они въ своихъ дѣяніяхъ не руководились указаніями приближенныхъ? Конечно, да А вокругъ Петра Алексѣевича уже образовался кружокъ лицъ, могшій въ серьезныхъ вопросахъ жизни и управленія дать ему необходимые совѣты и указанія. Такими лицами были: князь Борисъ Голицынъ, человѣкъ умный, вліятельный и не безъ образованія, и Андрей Матвѣевъ, просвѣщенный и развитой 22-хъ лѣтній бояринъ, цѣнившій европейскую образованность, много видавшій и испытавшій уже на своемъ вѣку. Наконецъ, къ Петру тяготѣли всѣ иностранцы Москвы, безъ которыхъ и правительство Софіи не могло уже обходиться особенно въ дѣлахъ военныхъ. Такими сочувствовавшими молодому царю иностранцами-военноначальниками были Гордонъ и Лефортъ, съ которыми въ теченіе 1688—1689 годовъ

КАПИТАНЪ ПОТРИНЪ ГОРДОНЪ.
(Оригиналъ въ Петровской галлереѣ въ Эрмитажѣ).

Петръ Алексѣевичъ успѣлъ коротко сблизиться и сдружиться. Такимъ образомъ, въ 1689 году, обстоятельства сложились настолько благопріятно для Петра, что онъ съ лихвою могъ располагать всѣмъ тѣмъ, что требовалось отъ Московскаго самодержавнаго вѣнценосца. Онъ былъ

ФРАНЦЪ ЛЕФОРТЪ.
(Портретъ П. Шпека, гравюра Д. Сорникъ).

даже женатъ, по выбору матери, на смирной и благочестивой дѣвушкѣ изъ семейства Лопухиныхъ, Авдотьѣ Ѳеодоровнѣ.

Свадьба Петра была задумана Натальей Кирилловной немедленно по его возвращеніи изъ Переяславля; этимъ она надѣялась прикрѣпить своего непосѣдливаго сына

къ мѣсту, остепенить его и побудить отвернуться отъ пріятелей изъ «Нѣмецкой слободы».

Но расчеты любящей матери оказались невѣрными: «Нѣмецкая слобода» и тѣ начинанія, которыми онъ тамъ

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ѲЕОДОРОВНА.
(Съ портрета, принадлежащаго И. И. Воронцову-Дашкову).

запасся, настолько срослись со всѣмъ его существомъ, что ими уже онъ не въ состояніи былъ поступиться даже ради любящей и молодой жены. «Нѣмецкая слобода», такимъ образомъ, пересилила дворцовый теремъ!

Не прошло и мѣсяца послѣ свадьбы (27 января 1689 года), какъ Петръ умчался на Переяславское озеро

поглядѣть, что дѣлаютъ тамъ старые пріятели—Брантъ и Кортъ; а во второй половинѣ апрѣля онъ снова обосновывается здѣсь уже на болѣе продолжительное

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ЭПОХУ ПОСЛѢ БРАКА СЪ ЕВДОКІЕЙ ѲЕОДОРОВНОЙ.
(Съ гравюры Смита, сдѣланный съ портрета, писаннаго съ натуры Кнеллеромъ въ 1697 г.)

время, весь поглощенный интересами мореплаванія и судоходства.

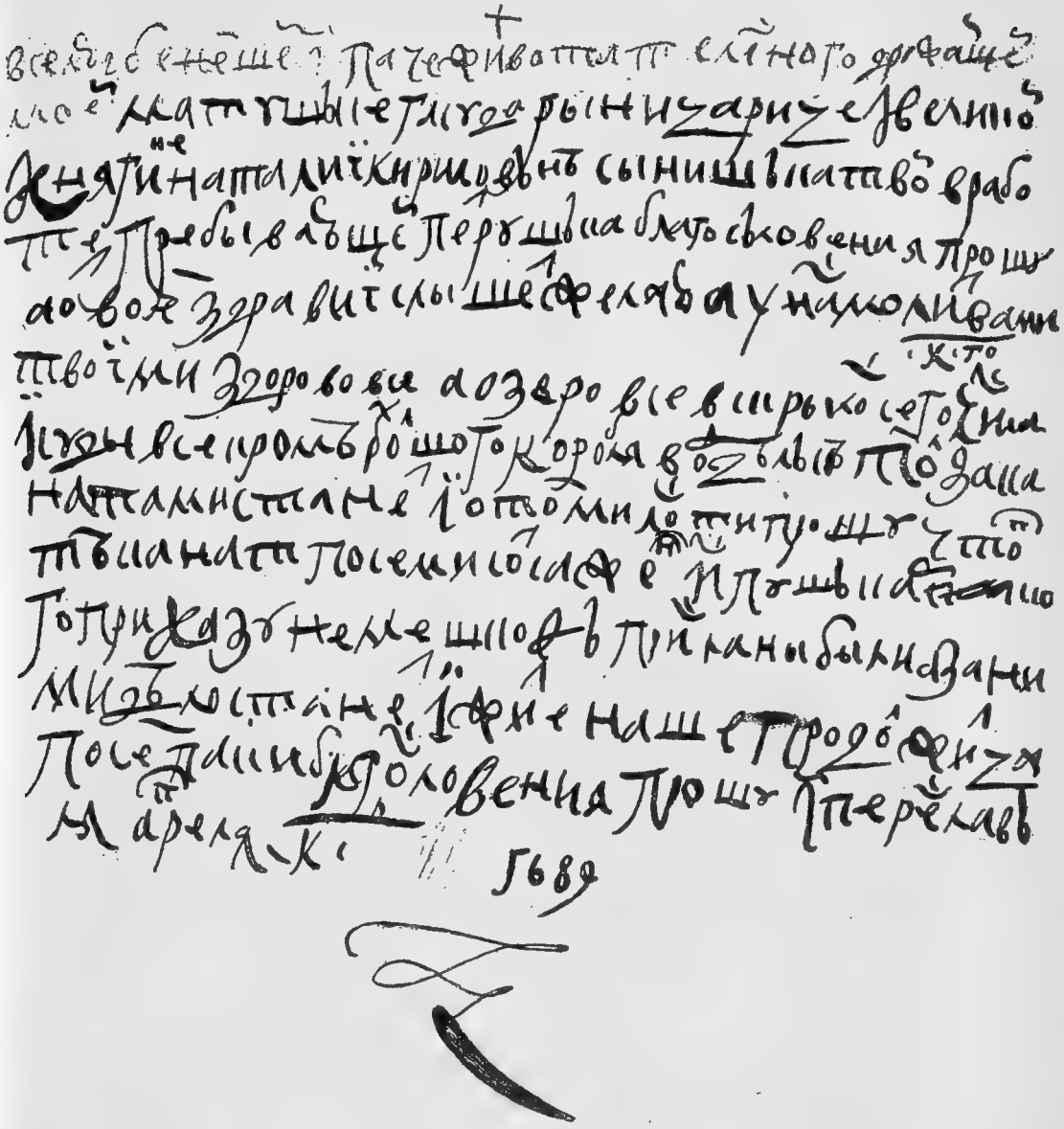
Вотъ его письма къ матушкѣ съ отчетомъ о времяпровожденіи:

«Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, Государынѣ Царицѣ и великой Княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій Петрушка, благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю, а у насъ молитвами твоими здоровы всѣ. А озеро все вскрылось сего 20

ПЕТРЪ ОБЪЯСНЯЕТЪ СВОИМЪ ТОВАРИЩАМЪ МОДЕЛЬ КОРАБЛЯ.
(Съ гравюры Ванперга).

числа, и суды всѣ, кромѣ корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семисотъ саженъ, изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится. Посемъ паки благословенія прошу».

Матушка, видя, что сынъ снова погрузился въ свои прежнія занятія, шлетъ съ нарочнымъ ему приказъ



ПИСЬМО ПЕТРА ВЕЛИКАГО КЪ ЦАРИЦѢ ПАТАЛИИ КИРИЛЛОВНѢ.

вернуться къ годовщинѣ смерти брата Ѳеодора; но Петру не до панихидъ, не до придворныхъ обрядовъ, и онъ спѣшитъ отвѣтомъ:

«Вселюбезнѣйшей и дражайшей моей матушкѣ, Государынѣ Царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, недостойный сынишка твой, Петрушка, о здравіи твоемъ присно слышати желаю. А что изволила ко мнѣ приказывать чтобъ мнѣ быть въ Москвѣ, и я быть готовъ; только гей-гей, дѣло есть. И то присланный самъ видѣлъ, извѣститъ яснѣе, а мы молитвами твоими во всякой цѣлости пребываемъ».

Къ просьбамъ матери возвратиться скорѣе въ Москву присоединилась и молодая царица, писавшая мужу:

«Государю моему радости, Царю Петру Алексѣевичу. Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ! Просимъ милости, пожалуй, Государь буди къ намъ, не замѣшкавъ. А я при милости матушкиной жива, женишка твоя Дунька челомъ бьетъ».

Такая переписка между Москвою и Переяславлемъ возобновлялась неоднократно. Мать, чуя своимъ любящимъ сердцемъ, что надъ головою сына скопляется гроза, усиленно зоветъ его домой, а онъ, не вѣдая заботъ и тревогъ, веселый и радостный, шлетъ ей извѣстія о корабляхъ.

«Гей, о здравіи слышать желаю и благословенія прошу, — пишетъ онъ ей, — а у насъ все здорово, а о судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ, и о о томъ Тихонъ Никитичъ *) самъ извѣститъ. Недостойный Petrus».

Скоро, однако, царственному плотнику-подмастерью пришлось внять голосу матери, временно устраниться отъ любимыхъ занятій и любезныхъ ему мастеровъ «Нѣмецкой слободы» и дѣйствительно подумать о своей дальнѣйшей судьбѣ. Притязаніямъ Софіи наступила пора

*) Бояринъ Стрешневъ, посланный матерью за Петромъ.

дать отпоръ, и настало время промѣнять топоръ, пилу и барабанъ на единодержавный скипетръ, для котораго семнадцатилѣтняя рука его уже достаточно окрѣпла.

Осенью 1689 года у него произошелъ окончательный разрывъ съ сестрою, которую, по настояніямъ близкихъ ко двору Натальи Кирилловны лицъ, онъ рѣшилъ устранить отъ незаконнаго участія въ управленіи дѣлами государства.

Придя къ такому рѣшенію, онъ писалъ старшему брату, царю Ивану Алексѣевичу:

«Братецъ государь царь Иванъ Алексѣевичъ съ невѣстушкою, и съ своею супругою, и съ рожденіемъ своимъ въ милости Божьей здравствуйте. Извѣсно тебѣ, государю, чиню купно же и соізволенія твоего прошу о семъ, что милостию Божиею врученъ намъ двумъ особамъ скипетръ правленія пародительнаго нашего Росіскаго царствія, якоже о семъ свидѣтельствуетъ матери нашие восточные церкви соборное дѣйство 190 году, также и братиемъ нашимъ, окреснымъ государемъ, о государствованіи нашемъ ізвѣсно, а о третьей особѣ, чтобъ съ нами быти въ равенственномъ правленіи, отнюдь не воспоминалось. А какъ сестра наша царевна Софія Алексѣевна государствомъ нашимъ учела владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное и народу тягость и наше терпѣние, о томъ тебѣ, государю ізвѣсно. А нынѣ злодѣі наши Ѳетка Шакловитой съ товарыщы, не удоволяся милостию нашею, преступя обещанія свои, умышлялъ с ыными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровіемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь братецъ, настопть время нашимъ обоимъ особямъ Богомъ врученное намъ царствие править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей ц. с. а. *), с нашими двѣмя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ: на то бъ и твоя бъ государя моего брата воля склонилося, потому что учела она въ дѣла вступать і въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволения, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчатца. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрасте

*) Т. е. царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ.

тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ. Тебѣ же, государю братцу, объявляю и прошу: поволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволениемъ, для лутшие ползы нашей и для народнаго успокоения, не обсылаясь к тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а не приличныхъ переменить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣре. А я тебя, государя брата яко отца почитать готовъ. А о иномъ къ тебѣ, государю, приказано словесно донести вѣрному нашему боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому и противъ сего моего писания и словеснаго приказу учинить мнѣ отповѣдь.

Писавыі в печалехъ братъ вашъ царь Петръ здравия вашего желаю и челомъ бью».

Столкновеніе съ сестрою повело за собою открытую борьбу, въ которой Софія Алексѣевна, опиравшаяся исключительно на приверженцевъ старины, должна была уступить брату. За послѣдняго встала молодая Москва, представители «Нѣмецкой слободы», къ которымъ присоединилась и вся Россія: въ сентябрѣ 1689 г. царевна Софія была отстранена отъ правленія, заключена въ монастырь, и Петръ принялъ въ единоличное вѣдѣніе судьбу государства. Но онъ былъ еще слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы на самомъ дѣлѣ управлять тяжелымъ кормиломъ правленія. На первое время все дѣлалось, согласно указаніямъ его дяди, Льва Кирилловича Нарышкина; самъ же молодой государь, немедленно по окончаніи борьбы съ сестрою, снова обратился къ излюбленнымъ военнымъ упражненіямъ, но уже теперь въ присутствіи и при участіи всего двора.

Жители «Нѣмецкой слободы», иностранцы, проживавшіе въ Москвѣ, снова выступили на первый планъ, изъ коихъ любимцемъ Петра и человѣкомъ наиболѣе при немъ вліятельнымъ становится Лефортъ, дѣлающійся отнынѣ его неразлучнымъ товарищемъ, вѣрнымъ участникомъ всѣхъ царскихъ предпріятій и затѣй. Этотъ бле-

ФРАНЦЪ ЛЕФОРТЪ.
(Съ голландской гравюры 1698 г.).

стящій представитель «Нѣмецкой слободы» въ короткое время успѣваетъ убѣдить своего царственнаго друга, что время науки *исключительно въ слободѣ* миновало, что за этимъ временемъ остается лишь преданіе славнаго прошедшаго, но что путь истинной славы молодого монарха лежитъ не въ окрестностяхъ Москвы, а за предѣлами государства. Лефортъ раскрываетъ передъ Петромъ двери Европы, и юный государь, первый изъ всѣхъ русскихъ царей, по совѣту своего друга, рѣшается, въ цѣляхъ самообразованія, переступить порогъ отечества. Такимъ образомъ, въ лицѣ Лефорта, Россія находитъ живое звено, соединяющее ее со всѣмъ остальнымъ просвѣщеннымъ міромъ, котораго она такъ долго доселѣ чуждалась.

II. Преемники Петра Великаго.

I.

ПЕТРЪ I, поглощенный замыслами и работой на благо Россіи, мало заботился о своемъ здоровьи и все отлагалъ день ото дня, за недосугомъ, вопросъ о духовномъ завѣщаніи. Поэтому, когда смерть внезапно приблизилась къ его изголовью, то оказалось, что Великій Преобразователь не успѣлъ сдѣлать никакого распоряженія относительно наслѣдія престола. Правда, за нѣсколько часовъ до смерти, онъ потребовалъ было аспидную доску и грифель, чтобы начертать свою волю, но быстро наступившее параличное состояніе лишило его дѣйствія языкомъ и рукою, такъ что намѣренія государя остались тайною для присутствовавшихъ. Еще послѣднее дыханіе не успѣло вырваться изъ груди умиравшаго перваго русскаго императора, какъ въ одной изъ комнатъ дворца собравшіеся вельможи и сановники вступили въ обсужденіе вопроса, кому передать государственное наслѣдіе Великаго Петра.

Вопросъ этотъ не такъ то легко было рѣшить. Дѣло въ томъ, что еще за три почти года передъ тѣмъ им-

ператоръ закономъ установилъ, что царствующій государь имѣетъ право избрать себѣ преемника, по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь правомъ первородства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уже сказано выше, Петръ не успѣлъ назначить себѣ желаннаго преемника.

Такимъ образомъ, когда стало очевидно, что государю осталось жить всего нѣсколько часовъ или даже минутъ, вопросъ о престолонаслѣдіи явился самымъ настоятельнымъ и неотложнымъ. Голоса сановниковъ при совѣщаніи раздѣлились: старинные вельможи, люди знатныхъ родовъ, высказались въ пользу несовершеннолѣтняго внука умирающаго государя, великаго князя Петра Алексѣевича; они надѣялись, что великій князь Петръ Алексѣевичъ вернетъ Россію къ старинѣ и отмѣнитъ всѣ новшества, установленныя дѣдомъ. Лица же, вышедшія въ люди собственнымъ дарованіемъ и милостями Петра, подали голосъ за овдовѣвшую вторую супругу Петра, государыню Екатерину Алексѣевну. Въ числѣ этихъ лицъ наиболѣе вліятельными были Меньшиковъ и Остерманъ, сановники опытные въ дѣлахъ управленія, ближайшіе помощники Петра; за нихъ, въ случаѣ надобности, могла заступиться и молодая гвардія. Меньшиковъ и Остерманъ взяли верхъ надъ старыми боярами, и Екатерина Алексѣевна была провозглашена первою русскою государынею и *императрицею* подъ именемъ *Екатерины Первой*, съ тою же неограниченною властью, какую имѣлъ и ея супругъ.

Первая русская императрица происходила не изъ царскаго рода, а изъ бѣдной литовской католической семьи Сковорощенковъ (или по другому Сковороцкихъ), бѣжавшей изъ Литвы въ Ливонію. Здѣсь она была взята на воспитаніе однимъ добрымъ нѣмецкимъ пасторомъ и жила въ городѣ, пока чума не прекратила дней этого добраго человѣка.

Умная и добрая отъ природы, Екатерина, ставъ супругою Петра Великаго, всегда являлась передъ императоромъ заступницей и ходатайницей за провинившихся. Природный умъ давалъ ей возможность легко усвоивать взгляды своего державнаго супруга и являться подчасъ его совѣтницей и помощницей. Но отсутствіе

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.
(Съ гравюры Губракена, сдѣланной съ портрета Моора).

образованія и широкаго умственнаго развитія не позволяло ей быть самостоятельной руководительницей кормила государственнаго управленія.

Когда высокій жребій вручилъ въ ея руки судьбу Россіи, Екатерина, сознавая свои слабыя силы, уступила настоящую власть *Меньшикову*, который отъ ея имени и вершилъ государственныя дѣла.

Екатерина не совершила блестящихъ дѣяній въ свое царствованіе; зато она была нѣжною матерью и бабушкой, непрестанно пекущейся о воспитаніи и образованіи какъ своихъ родныхъ дочерей, Анны и Елизаветы, такъ и внука, Петра, сына несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, лишеннаго престола за приверженность къ старинѣ и казненнаго грознымъ родителемъ (1718 г.)

МЕДАЛЬ НА ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I.

II.

Великій Преобразователь Россіи, по словамъ поэта, —

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Вотъ эта - то «вѣчная работа», когда приходилось

постоянно ѣздить по странѣ, изъ конца въ конецъ, то строить города и корабли, то собирать войска и вступать въ борьбу съ сосѣдями, то самому обучаться разнымъ наукамъ и заводить школы, этотъ то неустанный и непрерывный трудъ и не позволялъ Петру удѣлять

ПЕТРЪ И ЕКАТЕРИНА I.
(Съ рѣдкой гравюры изъ собранія П. Я. Дашкова).

много времени на присмотръ за воспитаніемъ своихъ дѣтей.

Такое положеніе дѣлъ привело государя къ печальному разладу съ сыномъ, Алексѣемъ. Царевичъ оставался подъ вліяніемъ матери, первой жены Петра, Евдокіи Ѳеодоровны, и, не достигнувъ еще девятилѣтняго

возраста, былъ уже возстановленъ противъ преобразовательныхъ стремленій державнаго родителя. По заключеніи Евдокіи Ѳеодоровны въ монастырь, царевичъ былъ отданъ на попеченіе тетки, Натальи Алексѣевны, и къ нему были приставлены наставники-иностранцы (сначала Нейгебауеръ, а потомъ Гюйссенъ); но первоначальное вліяніе матери и ея приближенныхъ, воспитывавшихъ ребенка по старинѣ, оставило такой глубокій слѣдъ въ его душѣ, что иностранные гувернеры не могли уже пересилить первоначальнаго вліянія. Алексѣй Петровичъ сохранилъ непріязнь къ наукѣ, нелюбовь ко всему иноземному, къ тяжелому труду и дѣятельному образу жизни и всѣмъ складомъ своихъ убѣжденій, всей жизнью и дѣйствіями представлялъ собою полную противоположность державному родителю, «вѣчному работнику на тронѣ».

Отправленный для довершенія образованія за границу, царевичъ Алексѣй познакомился близъ Карлсбада съ принцессою Шарлоттою Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою, на которой въ 1711 году и женился. Черезъ четыре года послѣ свадьбы у нихъ родился сынъ Петръ, а черезъ десять дней послѣ рожденія младенца Шарлотта скончалась. Такимъ образомъ, маленькій Петръ Алексѣевичъ, сразу по своемъ появленіи на свѣтъ, остался сиротою, лишеннымъ материнской ласки и заботъ. Первое время о немъ заботилась гувернантка, нѣмка Роо, а впослѣдствіи попеченіе о немъ взяла на себя Екатерина Алексѣевна. Въ 1718 г. маленькій царевичъ Петръ лишился и отца, котораго впрочемъ почти не зналъ, такъ какъ въ первое время по рожденіи сына Алексѣю Петровичу приходилось безпрестанно разъѣзжать съ государевыми порученіями по Россіи, а потомъ, страшась гнѣва родительскаго, онъ проживалъ тайно за границей, во владѣніяхъ австрійскаго императора.

Великій Преобразователь не хотѣлъ, чтобы его великое дѣло, которое было для него всего дороже, погибло отъ руки его наслѣдника-сына: Алексѣя Петровича при-

КН. АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНЬШИКОВЪ.
(Современный портретъ).

везли въ Россію, гдѣ грозный родитель назначилъ надъ нимъ судъ, и участь царевича была рѣшена...

Послѣ смерти царевича Алексѣя Петровича, государыня Екатерина Алексѣевна приняла на себя заботу о его сиротахъ, сынѣ Петрѣ и дочери Наталіи, и оказывала имъ всяческое вниманіе. Прежній гнѣвъ Петра

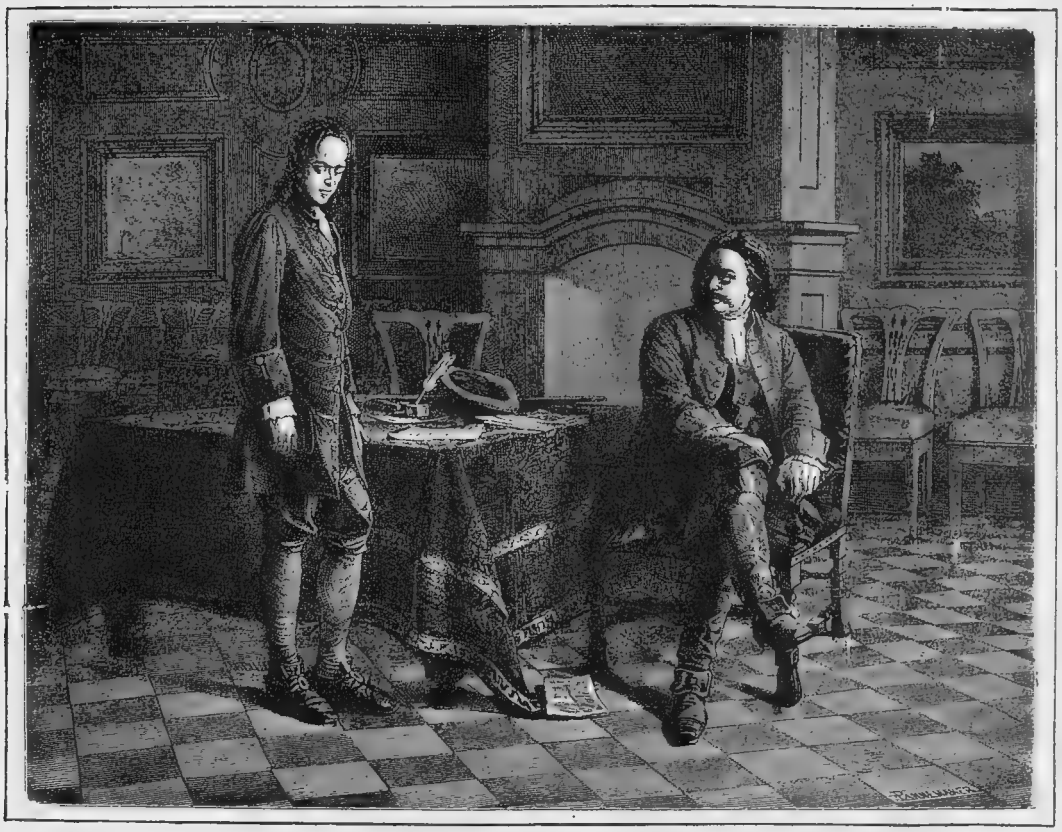
не простирался на дѣтей несчастнаго сына. Екатерина даже торжественно праздновала въ Петербургѣ день рожденія маленькаго Петра, хотя самъ государь никогда не принималъ участія въ этомъ торжествѣ, такъ какъ этотъ

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.
(Гравюра на стали Гритбаха).

день совпадалъ съ днемъ одной изъ его побѣдъ, и это празднество онъ справлялъ ежегодно въ Шлиссельбургѣ.

Маленькій Петръ былъ прелестный ребенокъ—живой, веселый и здоровый. Наружностью онъ чрезвычайно походилъ на мать, хотя въ характерѣ его замѣчались

наслѣдственныя черты отъ дѣда: стремленіе къ самостоятельности, любовь къ воинскимъ занятіямъ, энергичность и вспыльчивость. Всѣ эти свойства характера очень нравились Петру Великому, и онъ съ удоволь-



ИМП. ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ И ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.
(Картина Н. Н. Ге. въ Русск. Музеѣ Императора Александра III).

ствіемъ смотрѣлъ, какъ его внукъ постоянно возился съ ружьями, строилъ батареи и самъ стрѣлялъ изъ небольшихъ игрушечныхъ орудій. Всѣ эти дѣтскія игры напоминали государю его собственное дѣтство, когда онъ, на глазахъ своего родителя, наполнялъ воинскимъ шумомъ и гамомъ вмѣстѣ съ «робятками» покои кре-

млевскаго дворца. Петръ для поощренія подарилъ даже внуку шпагу, которую маленькій царевичъ дорого цѣнилъ во всю свою кратковременную жизнь.

И Екатерина, и Петръ выказывали тѣмъ болѣе расположенія къ внуку, что въ 1723 г. лишились родного сына,—Петра Петровича и у нихъ оставались лишь три дочери—Анна, Елизавета и Наталія.

Послѣ смерти Петра I, а также по кончинѣ черезъ нѣсколько дней за нимъ его дочери Наталіи, Петръ Алексѣевичъ, десятилѣтній внукъ Екатерины, сталъ еще ближе ея сердцу, и заботы объ его воспитаніи не покидали вдовствующей императрицы. На него было обращено особенное вниманіе, и по поводу его въ 1726 г. шли даже совѣщанія въ основанномъ къ тому времени Екатериною высшемъ правительственномъ учрежденіи—Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Такъ, членъ Верховнаго Совѣта, *баронъ Остерманъ*, составилъ такой планъ: 1-е, чтобы дѣти покойнаго государя были ближайшими наслѣдниками престола, и, 2-е, чтобы примирить враждебныя партіи,—старую и новую, Остерманъ предлагалъ соединить бракомъ принцессу Елизавету Петровну съ великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, что совершенно противорѣчило установленіямъ нашей церкви.

Однако, этому плану не суждено было осуществиться, и малолѣтнему Петру вскорѣ перестала грозить опасность будущаго подневольнаго брака съ родной теткой, на шесть лѣтъ при томъ его старшей. Но если онъ освободился отъ одной опасности, зато судьба подготовила ему иную, еще горшую: всесильный при дворѣ Екатерины, Меньшиковъ, желая навсегда упрочить свое положеніе въ государствѣ, затѣялъ женить Петра на одной изъ своихъ дочерей.

III.

Въ этихъ видахъ Меньшиковъ настоялъ на томъ, чтобы Екатерина составила духовное завѣщаніе, по которому Петръ объявлялся наслѣдникомъ русскаго престола, при чемъ до его совершеннолѣтія, дѣлами государства долженъ былъ управлять Тайный Верховный Совѣтъ; въ случаѣ смерти Петра престолъ долженъ былъ перейти къ дочерямъ Петра Великаго, сначала къ царевнѣ Аннѣ, а потомъ Елизаветѣ. Царевнамъ же и Верховному Совѣту въ этомъ завѣщаніи вмѣнялось въ «обязанность» стараться о сочетаніи бракомъ молодого императора съ дочерью князя Меньшикова. И дѣйствительно, когда Екатерина I скончалась 6-го мая 1727 года, Петръ Алексѣевичъ былъ объявленъ императоромъ всероссійскимъ, подъ именемъ Петра II. И тутъ то Меньшиковъ далъ полную волю своимъ честолюбивымъ планамъ.

Какъ предсѣдатель Верховнаго Совѣта, онъ настоялъ на слѣдующемъ указѣ: такъ какъ Петръ II провозглашенъ императоромъ, то въ государствѣ не можетъ быть иной воли, кромѣ его, императорской, а слѣдовательно пунктъ завѣщанія, назначавшій регентство (т.-е. управленіе) въ лицѣ Верховнаго Совѣта, недѣйствителенъ, и императоръ долженъ быть объявленъ совершеннолѣтнимъ; но такъ какъ всякое его приказаніе, по законамъ россійской имперіи, дѣлалось указомъ, то очевидно, тотъ, кто могъ руководить этими приказаніями, и становился регентомъ государства. А чтобы получить постоянную возможность руководить этими приказаніями, Меньшиковъ, какъ будущій тесть государя, взялъ его въ свой домъ, на Васильевскомъ Островѣ.

Такимъ образомъ, Меньшиковъ самовольно сдѣлался опекуномъ малолѣтняго государя и почти всевластнымъ распорядителемъ судебъ нашего отечества. Конечно, одиннадцатилѣтній Петръ II не могъ лично править государствомъ, и все дѣлалось, какъ то угодно было всесильному опекуну-регенту. Къ чести Меньшикова нужно сказать, что онъ, ради корыстныхъ и властолюбивыхъ видовъ, не оставилъ въ пренебреженіи дѣла образованія молодого русскаго монарха. Какъ самъ Меньшиковъ, такъ равно и остальные приближенные понимали, что со времени Петра Великаго для правителя великой державы необходимо серьезное образованіе и всестороннія знанія.

Въ этихъ то видахъ, къ Петру II и былъ приближенъ *баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ*, на коего и возложена обязанность руководить научными занятіями одиннадцатилѣтняго русскаго самодержца. И должно отдать справедливость, что для такого труднаго и отвѣтственнаго дѣла никто другой, лучшій, не могъ быть найденъ. Остерманъ былъ воистину просвѣщенный для своего времени, умный и опытный сановникъ, который, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ въ жизни молодого государя, былъ бы въ состояніи принести ему неоцѣненную пользу.

Къ сожалѣнію, Остерманъ не могъ выполнить своей задачи: время было чрезвычайно смутное, и всякій приближенный ко двору только и думалъ о себѣ, о своемъ личномъ благѣ. Первый примѣръ подалъ Меньшиковъ, а его примѣру послѣдовали и другіе. Но во всякомъ случаѣ, Остерманъ, какъ наставникъ и руководитель научныхъ занятій царя-отрока, оставилъ по себѣ добрую память.

Генрихъ Іоганнъ Остерманъ родился въ Вестфаліи, въ семействѣ пастора Іоганна Остермана, и выросъ

подъ неусыпными и разумными попеченіями образованныхъ родителей умнымъ, любознательнымъ и прилежнымъ юношей. Онъ еще въ раннемъ возрастѣ удивлялъ

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.
(Современный портретъ).

всѣхъ остроуміемъ, тонкими замѣчаніями о прочитанныхъ книгахъ и знакомыхъ людяхъ, а также и обширными познаніями. На пятнадцатомъ году жизни, Остер-

манъ поступилъ въ Іенскій университетъ, гдѣ со всѣмъ пыломъ любознательной натуры посвятилъ себя наукамъ. На несчастіе, одинъ печальный случай прервалъ эти занятія, и молодой студентъ вынужденъ былъ покинуть отечество и переѣхать на жительство въ Голландію. Здѣсь онъ поступилъ на службу секретаремъ къ извѣстному мореходцу Корнилію Крюйсу, который въ тѣ дни уже готовился, по уговору лично знавшаго его Петра I, перейти на русскую службу. По прибытіи въ Россію, молодой Остерманъ прежде всего, со свойственнымъ нѣмцамъ, прилежаніемъ, занялся изученіемъ русскаго языка, которымъ въ теченіе двухъ лѣтъ, благодаря отличнымъ способностямъ овладѣлъ въ совершенствѣ, научившись не только свободно говорить по-русски, но и писать, что въ тѣ времена цѣнилось особенно высоко. Въ должности то секретаря Крюйса и узналъ его Петръ Великій и сразу призналъ въ немъ такого именно подходящаго человѣка, который своимъ знаніемъ шести европейскихъ языковъ и своимъ просвѣщеніемъ могъ явиться достойнымъ его сподвижникомъ по преобразованію Россіи.

— Я беру къ себѣ твоего секретаря, онъ мнѣ нуженъ, — таково было рѣшеніе Петра, высказанное Крюйсу.

Вслѣдъ за тѣмъ, Остерманъ былъ опредѣленъ въ посольскую канцелярію съ жалованьемъ по двѣсти рублей въ годъ; здѣсь своимъ трудолюбіемъ, благонравнымъ поведеніемъ, исполнительностью воли начальства онъ вскорѣ рѣзко видвинулся по службѣ и пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Его стали принимать въ богатые дома вельможъ и дѣлать участникомъ излюбленныхъ Петромъ ассамблей. На одной изъ такихъ ассамблей у князя Меньшикова, вдовствующая государыня Прасковья Ѳеодоровна, супруга покойнаго брата Петра,

Іоанна Алексѣевича, разговорилась со скромнымъ молодымъ нѣмцемъ.

— А какъ, батюшка, ваше имя?—спросила она.

— Генрихъ, ваше величество, — былъ почтительный отвѣтъ.

— Родителя вашего какъ звали?

— Іоанномъ.

— Такъ вамъ слѣдуетъ называться Андреемъ Ивановичемъ, — было простодушное рѣшеніе царицы Прасковьи.

Такое рѣшеніе царицы было немедленно сообщено Петру, который, отъ души посмѣявшись переименованію своего чиновника изъ Генриха въ Андрея, усвоилъ себѣ, однако, это переименованіе. Такимъ образомъ, и государь, а за нимъ и всѣ придворные начали звать Остермана Андреемъ Ивановичемъ, и это имя такъ тѣсно слилось съ его личностью, что и онъ самъ вскорѣ сталъ подписываться подъ всѣми правительственными бумагами новымъ своимъ именемъ — Андрей Остерманъ.

IV.

Государственная служба Андрея Ивановича Остермана нашла себѣ, въ лицѣ геніальнаго преобразователя Россіи, истиннаго цѣнителя, почему послѣдній быстро подвигалъ его по служебной и чиновной лѣстницѣ и черезъ десять лѣтъ службы произвелъ въ тайные совѣтники и бароны Россійской имперіи.

По заключеніи выгоднаго для Россіи Ништадтскаго договора, въ подписаніи котораго Остерманъ принималъ самое дѣятельное участіе, Петръ Великій, свидѣвшись со своимъ приближеннымъ, особенно благодарилъ его, обнялъ, расцѣловалъ и замѣтилъ:

— Все хорошо, Андрей Ивановичъ, ты теперь знатенъ и богатъ, но ты въ Россіи человѣкъ чужой, не имѣешь родственныхъ связей. Я хочу посватать тебѣ невѣсту.

Остерманъ, конечно, благодарилъ царя за попеченіе о немъ и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, по желанію Петра и съ его благословенія, женился на Марѳѣ Ивановнѣ Стрѣшневой, богатой дѣвушкѣ изъ дома, состоявшаго даже въ родствѣ съ царственнымъ родомъ Романовыхъ.

Мы уже знаемъ, что, при кончинѣ государя, Остерманъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто подалъ свой вліятельный голосъ за провозглашеніе Екатерины преемницей Петра. Какъ бы въ благодарность за это, новая императрица, по ходатайству Меньшикова, пожаловала Остерману высшій чинъ — дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, андреевскую звѣзду, званіе вице-канцлера и мѣсто главнаго начальника надъ почтами. Въ 1727 г., когда былъ учрежденъ Верховный Тайный Совѣтъ, Остерманъ былъ также назначенъ въ число немногихъ членовъ этого высшаго государственнаго учрежденія; онъ же участвовалъ и въ составленіи духовнаго завѣщанія государыни, а послѣ ея кончины былъ приставленъ, въ качествѣ руководителя научныхъ занятій, къ молодому Петру II.

Меньшиковъ держалъ Петра II подъ строгой опекой, слѣдилъ за каждымъ его шагомъ и дѣйствіемъ, распоряжался всевластно его денежными средствами, его временемъ и даже намѣреніями. Самой излюбленной его мечтой, осуществить которую онъ торопился, было— какъ можно скорѣе женить вѣнценоснаго ученика на своей дочери. Такимъ образомъ, не ученіе государя, не его развитіе, не благо русскаго народа составляли предметъ главной думы всесильнаго регента, но его

бракъ съ дочерью, бракъ несовершеннолѣтняго юноши, еще не успѣвшаго окрѣпнуть физически и умственно. Отсюда становится понятною вся трудность задачи, возложенной на Остермана. Ему предстояло, съ одной стороны, приготовить Россіи монарха, способнаго отправлять сложныя обязанности правителя, а съ другой стороны, приходилось дѣлать постоянныя уступки Меньшикову, который, своими честолюбивыми замыслами, отвлекалъ царственнаго отрока отъ ученія. Настаивать же на необходимости усиленныхъ классныхъ занятій и отстранять отъ государя все то, что могло вредить его учебнымъ успѣхамъ, Остерманъ не смѣлъ и не могъ. Это было бы равносильно личной гибели, такъ какъ честолюбивый Меньшиковъ никогда и никого не допустилъ бы до вмѣшательства въ его дѣйствія. При такихъ условіяхъ, учебныя занятія наставника не могли принести желаемаго благого плода и сводились на нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, Остерманъ, строго выполняя возложенную на него задачу, представилъ Верховному Совѣту программу занятій съ государемъ, каковая программа и была, послѣ обсужденія ея въ Совѣтѣ, утверждена въ слѣдующемъ порядкѣ:

Прежде всего Совѣтъ постановилъ: «Понеже часы къ наукамъ и забавамъ всегда перемѣняться имѣютъ, того ради въ раздѣленіи оныхъ надлежитъ наипаче смотрѣть предъ полудня. И такъ, ежели Его Императорское Величество обыкнетъ порядочно отъ 9 или 10 часа почивать ложиться, то можетъ паки отъ 7 или 8 часа вставать. И понеже ничто благословенно быть не можетъ, что не съ Богомъ начато, произведено и совершено бываетъ, то бъ первое и найважное было, чтобъ Его Императорское Величество, коль скоро встанетъ, прежде всего чинить имѣлъ, чтобъ Богу обратился и

умиленною молитвою себя ему найприлежнѣйше поручилъ. Потомъ, отдохнувъ немного, можно науки предвоспріять» Далѣе въ «предначертаніи» этихъ наукъ онѣ показаны въ слѣдующей постепенности:

Понедѣльникъ. Отъ 9 до 10 часовъ читать исторію и «вкратцѣ главнѣйшіе случаи прежнихъ временъ, перемѣны, приращеніе и умаленіе разныхъ государствъ, причины тому, а особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдованною потомъ пользою и славою представлять». Такимъ способомъ Петръ II долженъ былъ «во время полугода» пройти ассирійскую, персидскую, греческую и римскую монархіи до самыхъ новыхъ временъ. Отъ 10 до 11 Его Величество долженъ былъ отдыхать, а отъ 11 до 12 вновь продолжалось прохожденіе древней исторіи, послѣ чего наступало до 2 часовъ время обѣда и покоя. Отъ 2 до 3 часовъ слѣдовали танцы и «концертъ», а отъ 3 до 4 уроки географіи «отчасти по глобусу, отчасти по ландкартамъ». Въ 4 часа кончались собственно научныя занятія, и ученику предоставлялось гулять, забавляться и «покоиться».

Во вторникъ, отъ 9 до 12 час., съ перерывомъ на часъ, шло преподаваніе новой исторіи, а отъ 2 до 3 часовъ государю предоставлялось «забавляться игрою въ воланъ»; въ 3 часа наступали занятія «математическими операціями, ариѳметикой и геометріей», а въ 4 часа позволялось забавляться стрѣльбою въ мишень.

Въ среду, до полудня, государь долженъ былъ присутствовать, для слушанія дѣлъ на засѣданіяхъ Верховнаго Совѣта; въ два часа онъ обучался игрѣ на бильярдѣ, а съ 3 до 4 шли занятія древней исторіей, послѣ чего государь шелъ «забавляться ловлею на острову».

Въ четвергъ, до 12 часовъ, съ перерывомъ на часъ, шли занятія географіей, отъ 2—3—танцы, отъ 3—4—новая исторія, отъ 4 до 5—«концертъ музыческій», а вечеръ посвящался прогулкамъ, поѣздкамъ и отдыху.

Въ пятницу, до 12, государь опять засѣдалъ въ Верховномъ Совѣтѣ; отъ 2 до 3 игралъ на бильярдѣ; отъ 3 до 4 проходилъ «прочія математическія части и искусства изъ механики, оптики» и проч., а послѣ 4-хъ катался, гулялъ, отдыхалъ.

Въ субботу, до полудня, рѣшено было «по изволенію то, что въ географіи и математикѣ, во всю недѣлю учинено, творить», и на этомъ заканчивались занятія недѣли.

Таковое распредѣленіе занятій науками было составлено на вторую половину 1727 года, при чемъ въ «предначертаніи» было сказано: «въ каждой наукѣ надлежитъ собственное краткое описаніе учинить, которое обученіе Его Императорскаго Величества особливо учреждено быть имѣетъ. Если же Е. И. В. въ вечеру, въ 7 часу, иль полъ-осьмого кушать изволитъ, то можетъ послѣ ужина, пока часъ къ почиванію придетъ, паки отъ божественной книги что-нибудь читать повелѣть, и потомъ, по совершеніи молитвы, во имя Божіе, на покой идти».

Кромѣ этого «предначертанія», Остерманомъ былъ представленъ подробнѣйшій планъ ученія на будущее время, составленный изъ XI отдѣленій,—объ ученіи вообще, о новой исторіи или статистикѣ, о политикѣ, о военномъ искусствѣ, о древней исторіи, объ ариѳметикѣ и геометріи, о космографіи, о физическихъ знаніяхъ, объ архитектурѣ, о наукѣ, отличность воспитанія обнаруживающихъ, о расположеніи дней и часовъ. Къ этой программѣ Остермана извѣстный проповѣдникъ и архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ присоединилъ также раз-

сужденіе, «какимъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставлять въ Христіанскихъ законахъ».

V.

Приведенная программа обученія двѣнадцатилѣтняго императора не отличается особенной послѣдовательностью занятій и полнотою. Такъ изученіе древней исторіи идетъ объ руку съ новой, на языки не обращено никакого вниманія. Нѣтъ въ ней и плана прохожденія военныхъ наукъ.

Въ программѣ встрѣчаются такіе странные часы занятій, какъ игра на бильярдѣ, игра въ воланъ, уженье рыбы. Но если мы вспомнимъ уроки Зотова Петру I, полное отсутствіе образованія у Екатерины I, то нельзя не признать, что просвѣщеніе въ Россіи, твердое начало которому положилъ ея Великій Преобразователь, уже несомнѣнно сдѣлало значительные успѣхи. Умный иностранецъ Остерманъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, дѣлаетъ попытку дать своему царственному ученику болѣе или менѣе полное образованіе, въ духѣ иностранной жизни начала прошлаго столѣтія. Онъ желаетъ развить въ своемъ ученикѣ ловкость, любовь къ искусствамъ и пониманіе всемірной исторіи. Въ этихъ то видахъ онъ и отводитъ въ программѣ обученія мѣсто физическимъ упражненіямъ—танцамъ, играмъ, какъ равно требуетъ отъ него не простого запоминанія историческихъ событій и притомъ преимущественно военнаго характера, но объясняетъ ему «перемѣны, прирощеніе и умаленіе разныхъ государствъ, причины тому, а особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдованною потомъ пользою и славою».

И дѣйствительно, мы видимъ, на первыхъ порахъ, что старанія просвѣщеннаго наставника не пропадаютъ даромъ. Государь имѣетъ здоровый видъ, не по лѣтамъ силенъ, ловокъ и безстрашенъ; не пропадаютъ даромъ и уроки исторіи, и государь, при содѣйствіи Андрея Ивановича, умѣетъ извлекать изъ опыта прежнихъ народовъ достойные образцы для подражанія. Такъ однажды, присутствуя, въ самомъ началѣ своего царствованія, на засѣданіи Верховнаго Совѣта, юный государь обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующею рѣчью:

— Послѣ того, какъ Богъ изволилъ меня, въ малолѣтствѣ, всея Россіи императоромъ учинить, настоящее мое стараніе будетъ, чтобы исполнить должность добраго императора, то-есть, чтобъ народъ, мнѣ подданный, съ богобоязненностію и правосудіемъ управлять; чтобъ бѣдныхъ защищать, убогихъ и неправедно отягощенныхъ отъ себя не отгонять, но веселымъ лицомъ жалобы ихъ выслушивать, и по похвальному императора Веспасіана примѣру, никого отъ себя печальнаго не отпускать.

Эта рѣчь, съ ссылкой на историческій примѣръ добраго римскаго императора Веспасіана, внѣ всякаго сомнѣнія, отражаетъ на себѣ вліяніе уроковъ Остермана и, по всей вѣроятности, даже цѣликомъ была продиктована ему наставникомъ. Во всякомъ случаѣ, изъ словъ молодого императора мы можемъ убѣдиться, что онъ былъ преисполненъ самыхъ добрыхъ намѣреній и воодушевленъ доблестными историческими примѣрами, учившими его любить и заботиться о благѣ ввѣреннаго ему народа.

Въ своемъ стремленіи оказать благотворное вліяніе на умъ и сердце отрока-императора, Остерманъ находилъ значительную поддержку въ сестрѣ Петра II, ве-

ликой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, бывшей на годъ старше брата и отличавшейся удивительной сердечностью, высокимъ для своего времени умственнымъ развитіемъ и нѣжной, разумной любовью къ брату. Она, подобно наставнику, понимала, что государю надлежитъ учиться и трудиться, окружать себя достойными людьми и избѣгать всякихъ развлеченій не по возрасту. И нужно отдать справедливость обоимъ этимъ лицамъ, Наталіи Алексѣевнѣ и Андрею Ивановичу, что въ первое время вступленія на престолъ Петръ II охотно занимался науками, какъ равно проводилъ большую часть времени въ домѣ Меньшикова, играя въ карты съ сестрою и великими княжнами, Анною и Елизаветою, а также упражняясь въ воинскихъ занятіяхъ съ приходившими къ нему для этого кадетами. Этихъ кадетъ для него была набрана цѣлая рота, и обученіе ея воинскимъ артикуламъ происходило три раза въ недѣлю. Домосѣдству и учебнымъ занятіямъ государя въ значительной степени способствовало и стѣсненное его положеніе въ домѣ Меньшикова.

Петръ II былъ ограниченъ будущимъ своимъ тестемъ во всемъ—и въ своихъ денежныхъ средствахъ, и въ выборѣ знакомыхъ, и въ распредѣленіи времени. Если молодой императоръ въ первое время терпѣлъ такую опеку, то лишь потому, что еще недостаточно сознавалъ свои силы и не имѣлъ подъ рукою людей, на коихъ могъ бы опереться въ желаніи отстранить тягостное вмѣшательство въ его жизнь постороннихъ лицъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что когда Меньшиковъ перешелъ всякія границы въ своихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ планахъ, Петръ Алексѣевичъ сталъ къ нему охладѣвать и началъ показывать явное желаніе освободиться отъ опеки регента. На несчастіе послѣдняго, онъ еще не поссорился съ Остерманомъ, который.

будучи обиженъ временщикомъ, пересталъ ему оказывать поддержку во вліяніи на воспитанника.

Вскорѣ около Петра II объявился и молодой другъ, который явно сталъ его настраивать противъ Меньшикова. Этимъ другомъ оказался князь Иванъ Долгорукій, 18-тилѣтній юноша, уже успѣвшій много пожить въ свой краткій вѣкъ, человѣкъ вѣтреный, проводившій легкомысленно время, обращавшій ночь въ день и день въ ночь, любившій болѣе всего кататься и охотиться съ борзыми. Долгорукій обладалъ, впрочемъ, добрымъ сердцемъ и, дѣйствуя вредно на молодого императора примѣромъ своей жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, способенъ былъ оказывать и хорошее вліяніе на его поступки.

Такъ, когда Петру II предложили, однажды, подписать какой-то смертный приговоръ, и молодой государь уже обмакнулъ перо въ чернила, чтобы дать свое согласіе на смертную казнь, Долгорукій укусилъ своего вѣнценоснаго друга за ухо, желая этимъ показать, какъ должно быть больно тому, кому отрубаютъ голову.

За исключеніемъ этого случая, мы не знаемъ слѣдовъ добраго вліянія на юношу-императора со стороны его вѣтренаго друга; обратныхъ же примѣровъ можно указать не мало. Сблизившись съ Долгорукимъ, Петръ Алексѣевичъ сталъ пренебрегать занятіями съ Остерманомъ, все чаще пропускалъ уроки, посвящая свое время увеселительнымъ прогулкамъ за городъ, катаньямъ по улицамъ, а всего больше—охотѣ. Охота на зайцевъ, лисицъ и волковъ стала его любимымъ занятіемъ и, въ противоположность своему великому дѣду, онъ находилъ въ этомъ препровожденіи времени излюбленное примѣненіе своимъ не по возрасту кипѣвшимъ и развившимся физическимъ силамъ.

Отвлекая государя отъ занятій науками, Долгорукій, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣлъ настолько вооружить Петра противъ Меньшикова, что скоро послѣдній долженъ былъ уступить мѣсто инымъ, болѣе вліятельнымъ, лицамъ. Меньшиковъ сначала получилъ отставку, а вслѣдъ затѣмъ былъ сосланъ въ отдаленный и глухой городъ Березовъ вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ, а въ томъ числѣ и съ нарѣченной невѣстой государя.

Съ паденіемъ Меньшикова, семейство Долгорукихъ всецѣло овладѣло государемъ, что во всякомъ случаѣ не послужило послѣднему на пользу. Петръ II окончательно забросилъ научныя занятія и, преждевременно выйдя изъ опеки, попалъ во власть новыхъ приближенныхъ.

Долгорукіе рѣшили, подобно Меньшикову, упрочить свое положеніе, при помощи брачныхъ узъ, и уговорили императора обвѣнчаться съ сестрою Ивана Долгорукаго, княжною Екатериною Алексѣевною, бывшею на нѣсколько лѣтъ старше своего вѣнценоснаго жениха.

Обрученіе съ княжною Долгорукою, поѣздка на коронацію въ Москву отдалили Остермана отъ государя, и доброму вліянію наставника наступилъ слишкомъ быстро конецъ. Тщетно, со слезами на глазахъ, совѣтовалъ и умолялъ Андрей Ивановичъ ученика подумать о будущемъ Россіи, о своемъ здоровьи и духовномъ развитіи, грозилъ отказаться даже отъ самой обязанности наставника. Въ отвѣтъ Петръ II обнималъ только наставника, обѣщалъ исправиться, но потомъ снова принимался за пиры съ Долгорукимъ, за охоту и веселье.

Вскорѣ Остерманъ лишился и послѣдней поддержки при особѣ государя: великая княжна Наталія Алексѣевна скончалась, и Петръ II оказался во власти семей-

ства Долгорукихъ. Тогда наставнику не осталось ничего какъ, спасая самого себя, совершенно устраниться отъ воспитанія и цѣликомъ погрузиться въ заботы о дѣлахъ государственнаго управленія, которыя, къ тому времени, пришли въ значительный упадокъ. Дѣлу Петра Великаго, его преобразованіямъ, грозила большая опасность, и умный иностранецъ съ грустью замѣчалъ, что, съ усиленіемъ вліянія Долгорукихъ, не только наступилъ послѣдній часъ его добраго воздѣйствія на государя, но и самому преобразованному государству начинаетъ грозить опасность возвращенія къ прежнему до-петровскому порядку вещей.

Этому, однако, не суждено было исполниться, и, какъ ни сильны были Долгорукіе, они не смогли предупредить своей горькой участи: не успѣвъ повѣнчать государя съ представительницей ихъ рода, они внезапно лишились своего мощнаго покровителя.

Петръ II, не достигнувъ и пятнадцатилѣтняго возраста, скончался 18 января 1729 года. Онъ заразился оспою и, пострадавъ около двухъ недѣль, умеръ на рукахъ дѣйствительно любившаго его воспитателя—Андрея Ивановича Остермана.

VI.

Смерть юнаго Петра Алексѣевича сильно встревожила членовъ Верховнаго Совѣта. Кому быть наслѣдникомъ престола?—вотъ вопросъ, который требовалъ немедленнаго рѣшенія. Князья Долгорукіе попытались было объявить наслѣдницею-невѣсту Петра II, княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую, но замыслъ ихъ не встрѣтилъ сочувствія остальныхъ государственныхъ сановниковъ. Вскорѣ Долгорукіе даже были лишены за-

нимаемыхъ ими государственныхъ должностей и сосланы въ Сибирь, въ городъ Березовъ.

Члены Верховнаго Совѣта, желая сохранить свою власть, рѣшили устранить отъ престола и дочь Петра I, Елизавету Петровну, а также его внука, Петра Ѳеодоровича, сына Анны Петровны, жившаго при Гольштинскомъ дворѣ, почему и остановили свое вниманіе на герцогинѣ Курляндской, Аннѣ Іоанновнѣ, племянницѣ Петра Великаго, дочери его покойнаго брата Ивана Алексѣевича. Въ этомъ рѣшеніи они руководились тѣмъ соображеніемъ, что Анна Іоанновна охотно согласится на ограниченіе своей самодержавной власти, лишь бы только быть возведенной на русскій престолъ. И дѣйствительно, когда Аннѣ Іоанновнѣ были объявлены условія ея избранія, она приняла эти условія безъ возраженій.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ДОЛГОРУКАЯ.
(Съ современнаго портрета изъ собранія П. Я. Дашкова).

Однако, впослѣдствіи, планы «верховниковъ» не осуществились: Анна Іоанновна, подъ вліяніемъ Остермана, объявила себя, по примѣру предшественниковъ,

АННА ІОАННОВНА, ГЕРЦОГИНЯ КУРЛЯНДСКАЯ.
(Съ современной нѣмецкой гравюры).

самодержавною императрицею. Руководительство государственными дѣлами, впрочемъ, государыня предоставила своему приближенному изъ курляндскихъ дворянъ,

Іоганну Эрнесту Бирону, который устранилъ отъ власти и вліянія русскихъ людей и далъ преобладающее значеніе въ нашемъ отечествѣ иностранцамъ.

Посмотримъ-же, при какихъ обстоятельствахъ протекло дѣтство новой императрицы.

Царевна Софія Алексѣевна, желая, въ свое время, устранить брата Петра отъ престолонаслѣдія и нанести ударъ Нарышкинымъ, рѣшила женить болѣзненнаго и косноязычнаго Ивана Алексѣевича. Выборъ ея остановился на Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой, которая и объявлена была государевой невѣстой. Женихъ и невѣста мало чѣмъ походили другъ на друга: 18-тилѣтній женихъ вызывалъ всеобщее чувство сожалѣнія хилымъ и болѣзненнымъ видомъ; 22-лѣтняя же невѣста поражала своимъ пышущимъ здоровьемъ, миловидностью и ласковостью обращенія. Она была высока, стройна, полна; волосы длинными густыми косами ниспадали на ея плечи; круглый подбородокъ, ямки на щекахъ, косички, красиво завитыя на невысокомъ лбу, — все это придавало ей привлекательный видъ. Въ супружествѣ съ царемъ Иваномъ Алексѣевичемъ Прасковья Ѳеодоровна имѣла пять дочерей, изъ коихъ одной, а именно четвертой ея дочери, Аннѣ, высокій жребій сулилъ стать второю самодержавною императрицею въ Россіи.

По смерти (въ 1696 году) Ивана Алексѣевича, царица Прасковья съ тремя оставшимися въ живыхъ дѣтьми поселилась въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, гдѣ ей въ собственность былъ отданъ государемъ дворецъ, земли же измайловскія считались за нею лишь въ пожизненномъ пользованіи. Кромѣ того, Петръ I назначилъ ей отъ казны деньгами и припасами приличное ея сану содержаніе.

Здѣсь, въ Измайловскомъ селѣ, царица Прасковья зажила совершенно особою отъ московскихъ порядковъ

ГЕРЦОГЪ ЭРНЕСТЪ-ІОГАННЪ БИРОНЪ.
(Съ современной гравюры Соколова).

того времени жизнью. Преобразованія, внесенныя Петромъ I въ тогдашнюю русскую жизнь, мало коснулись села Измайлова. Всѣ порядки здѣсь, времяпровожденіе

и обычаи — напоминали ту московскую былую старину, съ которой Великій Преобразователь вступилъ уже въ жестокую борьбу. Въ многочисленныхъ маленькихъ горницахъ дворца царили безпорядокъ, грязь, духота и ничегонедѣланіе. Царицу окружала цѣлая толпа богомолокъ и богомольцевъ, нищихъ, гадальщицъ, калѣкъ, карликовъ, шутовъ и скомороховъ. Эти приживальщики, въ грязныхъ изодранныхъ рубищахъ, или гнусливо тянули жалобныя пѣсни, или же кривлялись, плясали, забавляя тѣмъ невзыскательную на удовольствія измайловскую обитательницу и ея дочекъ. Особеннымъ расположеніемъ здѣсь пользовались разные предсказатели и юродивые.

Петръ I, ломавшій старые порядки Россіи и преслѣдовавшій все, что напоминало о невѣжественной старинѣ, относился, однако, къ образу жизни царицы Прасковьи и порядкамъ въ ея дворцѣ снисходительно. «Дворъ моей невѣстки,—говаривалъ Петръ, — госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ».

Прасковья Ѳеодоровна, въ дни пріѣзда Государя, все же убирала подальше своихъ приживальщиковъ и старалась подлаживаться подъ вкусы царя - преобразователя. Она даже ѣздила, по его желанію, на нѣмецкія ассамблеи, возила туда и дочерей, когда онѣ выросли, умѣла царя вкусно угостить, весело принять, и не позволяла себѣ осуждать его новшествъ. Она старалась выражать этимъ новшествамъ, въ бесѣдѣ съ царемъ, сочувствіе и повиновалась каждому его желанію и совѣту. Въ числѣ такихъ желаній государя было то, чтобы царица дала своимъ дочерямъ, сообразно требованіямъ новаго времени, приличное воспитаніе.

VII.

Когда дѣвочки—Екатерина, Анна и Прасковья—еще были малолѣтними, онѣ были окружены обширнымъ штатомъ мамушекъ и нянекъ, которыя гуляли съ своими воспитанницами въ тѣнистыхъ садахъ села Измайлова, посѣщали хозяйственныя заведенія, мѣстный стеклянный заводъ, молились съ ними по церквамъ, забавлялись на прудахъ, которыхъ въ Измайловѣ было до двадцати. Царевны пускали въ пруды щукъ и стерлядей съ золотыми сережками и сзывали рыбъ на кормъ по колокольчику. Дома ихъ обучали шитью и вышиванью шелкомъ и золотомъ.

Когда царевнамъ наступила пора серьезнаго ученія, Прасковья Ѳеодоровна приказала іеромонаху Кирiану Истомину, искусному составителю въ то время учебниковъ, доставить ей азбуку. Истоминъ преподнесъ царицѣ писаный золотомъ и красками «букварь словенороссійскихъ письменъ со образованіями вещей и со нравоучительными стихами». Букварь этотъ юныя ученицы стали перечитывать столько разъ, что онѣ, наконецъ, выучили по немъ грамоту и все содержаніе букваря наизусть. Покончивъ съ наукой чтенія, царевны прошли также и искусство письма, заключавшееся въ списываніи съ рукописныхъ прописей, состоявшихъ изъ краткихъ двустишій нравственнаго и божественнаго содержанія.

И наука чтенію, и искусство письма были пройдены царевнами, согласно требованіямъ тогдашней педагогики, при помощи обычныхъ наказаній, безъ коихъ, какъ полагали наши предки, никакая наука не можетъ укрѣ-

питься въ головахъ учениковъ. Въ тогдашнихъ стихахъ польза наказаній такъ была воспѣта:

«Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ,
«Розга убо ниже мало здравію вредитъ,
«Розга разумъ во главу дѣтямъ вгоняетъ,
«Учитъ молитвѣ и злыхъ всѣхъ истязаетъ;
«Розга родителямъ послушны дѣти творитъ,
«Розга божественнаго писанія учитъ».

По обученіи царевенъ чтенію и письму, Прасковья Ѳеодоровна пригласила, въ качествѣ воспитателя и учителя нѣмецкаго языка, старшаго брата знакомаго уже намъ Андрея Ивановича Остермана, — Іоганна Христофора-Дитриха. Это былъ очень важный, напыщенный нѣмецъ, но ограниченный и мало образованный. Несмотря на то, что Іоганнъ Остерманъ былъ мало пригоденъ къ отвѣтственной должности воспитателя дѣтей, царица Прасковья врядъ ли сознавала всѣ его недостатки и рада была, угождая великому царю, принять въ свой домъ даже и такого иностранца. Кромѣ учителя изъ нѣмцевъ, къ царевнамъ былъ приглашенъ и преподаватель-французъ, на обязанности котораго лежало, за 300 р. въ годъ, дочерей Прасковьи Ѳеодоровны «танцу учить и показывать зачало и основаніе языка французскаго». Стефанъ Рамбурхъ,—такъ звали француза,—не особенно выдавался педагогическими способностями, и въ теченіе пяти лѣтъ царевны не овладѣли не только французскимъ письмомъ, но даже — французской разговорной рѣчью.

Впрочемъ, преподаватели не особенно усердствовали въ своемъ дѣлѣ: скупая царица неаккуратно платила имъ положенное жалованье, и Рамбурхъ только черезъ много лѣтъ послѣ своего приглашенія получилъ расчетъ отъ самого государя. Равнымъ образомъ не пошли царевнамъ въ прокъ и уроки танцевъ, и

только одна Екатерина Ивановна достигла въ танцовальномъ искусствѣ нѣкоторыхъ успѣховъ, благодаря природной рѣзвости и ловкости.

Такимъ образомъ мы видимъ, что образованіе царевенъ было скудное, и онѣ не могли похвастаться особенными научными успѣхами и умственнымъ развитіемъ. Образованность коснулась ихъ болѣе своей внѣшней стороной, по существу же онѣ мало отличались отъ прежнихъ царевенъ до-петровскаго времени, вынеся изъ дѣтства склонность къ праздности, привязанность къ шутамъ и скоморохамъ и недостатокъ уваженія къ человѣческой личности. Родительскій домъ не выработалъ въ нихъ сильныхъ характеровъ, требующихъ самодѣятельности и разумнаго примѣненія природныхъ силъ. Все ихъ дѣтство протекло въ страхѣ передъ грознымъ царемъ, въ вѣчномъ стремленіи угодить ему.

По желанію Петра и согласно его выбору, Анна Іоанновна была обручена съ герцогомъ Курляндскимъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ, предварительно, однако, никогда въ жизни не видавъ своего суженаго. Узнавъ отъ дяди о своемъ заочномъ сговорѣ съ герцогомъ, Анна, послушная волѣ преобразователя, писала жениху: «Изъ любезнѣйшаго письма вашего высочества, отправленнаго 11-го іюля, я съ особеннымъ удовольствіемъ узнала объ имѣющемся быть по волѣ Всевышняго и ихъ царскихъ высочествъ, моихъ милостивѣйшихъ родственниковъ, бракѣ нашемъ. При семъ не могу не удостовѣрить ваше высочество, что ничто не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ услышать ваше объясненіе въ любви ко мнѣ. Со своей стороны, увѣряю ваше высочество совершенно въ тѣхъ чувствахъ, что при первомъ, сердечно желаемомъ, съ Божьею помощью, счастливомъ личномъ свиданіи, предоставляю себѣ повторить лично, оставаясь между тѣмъ, свѣтлѣй-

шій герцогъ, вашего высочества покорнѣйшею услужницею».

Равнымъ образомъ и герцогъ Курляндскій не особенно разсуждалъ при выборѣ себѣ подруги жизни и вполнѣ подчинился въ этомъ отношеніи волѣ русскаго государя, почему выборъ его и остановился вмѣсто бойкой, румяной и полной царевны Катерины, на смуглой, угрюмой и рябоватой Аннѣ, которую рѣшено было Петромъ Великимъ выдать замужъ первою.

Свадьба состоялась 31 октября 1710 года, а 9-го января 1711 года молодой герцогъ уже скончался на мызѣ Дудергофъ, по дорогѣ изъ Петербурга въ Митаву, куда онъ везъ на постоянное жительство свою молодую супругу. Овдовѣвъ такъ рано и неожиданно, Анна Іоанновна, однако, изъ политическихъ соображеній дяди, не вернулась въ домъ матери, а поселилась въ Митавѣ, куда ей черезъ двадцать лѣтъ скучной, однообразной и скромной вдовьей жизни было совершенно неожиданно привезено радостное извѣстіе объ избраніи ея Верховнымъ Совѣтомъ на всероссійскій престолъ съ ограничительными правами управленія Россіей, начертанными княземъ Голицынымъ въ духѣ аристократической шведской конституціи.

Жизнь среди нѣмцевъ мало измѣнила вкусы и привычки Анны Іоанновны; она даже не выучилась говорить на нѣмецкомъ языкѣ, основательно забывъ при этомъ и скудные уроки Остермана и Рамбурха. Привыкнувъ къ лишеніямъ и въ материнскомъ домѣ, и при курляндскомъ дворѣ, новая русская императрица вела чрезвычайно скромный домашній образъ жизни, но зато тратила очень много денегъ на торжественные выѣзды и пріемы: этимъ она какъ бы вознаграждала себя за прежніе годы лишеній. Во дворцѣ она въ значительной степени привила привычки Измайловской усадьбы: мы ви-

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА.
(Съ гравюры Вортмана 1736 г.).

димъ вокругъ Анны Іоанновны постоянно массу карликовъ, шутовъ и скомороховъ, встрѣчаемъ государыню, вѣчно занятою или рукодѣльемъ, или игрою въ карты,

или развлекающею себя музыкою, а всего чаще—пустыми кривляньями придворныхъ шутовъ.

Какъ нѣкогда ея матушка въ селѣ Измайловѣ довѣрила все хозяйство стольному Юшкову, который и распоряжался неограниченно ея средствами, такъ и Анна Іоанновна, ставъ русскою императрицею, довѣрила управленіе государствомъ своему любимцу Бирону, извлекавшему изъ такого положенія неисчислимыя для себя выгоды. Подобно матери, будучи по природѣ не злою женщиною, она однако часто давала полную волю гнѣву; подобно же матери, она была чрезвычайно благочестива. Оставаясь вдовою, Анна Іоанновна чувствовала недостатокъ въ семьѣ и приблизила къ себѣ поэтому племянницу, дочь сестры Екатерины, извѣстную впослѣдствіи въ исторіи правительницу Анну Леопольдовну.

VIII.

Екатерина Іоанновна, старшая дочь царицы Прасковьи, была любимой дочерью матери и иначе не называлась ею какъ «свѣтъ-Катюшка». Воспитанная, какъ мы видѣли выше, наравнѣ съ сестрою Анною, она отличалась отъ послѣдней привлекательной наружностью, веселымъ, непринужденнымъ нравомъ, любовью къ обществу. Это была дѣвушка, не привыкшая къ дѣлу и помышлявшая только о весельи, о гостяхъ и развлеченіяхъ. Дядя ея, Великій Петръ, однако любилъ свою веселую и болтливую племянницу и былъ всегда радъ, когда она безъ устали, отъ всей души, отплясывала на нѣмецкихъ ассамблеяхъ и оглашала танцовальныя комнаты остротами, шутками и смѣхомъ. Въ 1716 году, когда ей минуло уже 25 лѣтъ, дядя, по собственному

выбору, выдалъ ее замужъ за герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, Карла-Леопольда. У нихъ родилась дочь, ставшая впослѣдствіи правительницей Россіи, подъ именемъ Анны Леопольдовны.

Самъ герцогъ имѣлъ было намѣреніе жениться на вдовствующей герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ, но Петръ нашелъ для себя болѣе удобнымъ выдать за него засидѣвшуюся уже въ дѣвицахъ «свѣтъ-Катюшку». Карлъ-Леопольдъ не посмѣлъ спорить и рѣшилъ:

— Что дѣлать! Такъ судьба назначила; надобно быть довольнымъ: Катерина, по крайней мѣрѣ, любимица царицы.

Шесть лѣтъ «свѣтъ-Катюшка» прожила съ мужемъ, и нельзя сказать, чтобы счастливо: супругъ ея былъ необразованъ и отличался грубымъ, вспыльчивымъ и сварливымъ характеромъ, такъ что мужъ и жена постоянно ссорились и не ладили между собою. Наконецъ Екатеринѣ Іоанновнѣ невмоготу стала эта жизнь и она, покинувъ чужіе края, къ великой радости обожавшей ее матушки, вернулась въ родное село Измайлово вмѣстѣ съ дочерью, Елизаветой-Христиной-Екатериной, родившейся въ 1718 году. Екатерина Іоанновна уже со дня рожденія дочери начала хлопотать черезъ Прасковью Ѳеодоровну передъ государемъ о разрѣшеніи ей вернуться въ Россію, но только черезъ четыре года, т.-е. въ 1722 году, ей удалось осуществить свое завѣтное желаніе.

Неудачное замужество дочери чрезвычайно огорчало царицу Прасковью, и она посылала ей частыя письма съ совѣтами, утѣшеніями и лаской. Трогательно-нѣжно относилась бабушка и къ малолѣтней внучкѣ, неоднократно посылая и ей свои посланія, полныя любви, шутокъ и заботы. Эти бабушкины посланія, писанныя тщательными каракульками на маленькихъ листочкахъ, бе-

режно и красиво обрѣзанныхъ, доставляли, конечно немалое утѣшеніе дочери на чужбинѣ. Вотъ два образчика этихъ писемъ.

«Другъ мой сердечный внучка, здравствуй съ батюшкою и съ матушкой. Пиши ко мнѣ о своемъ здоровьи, и про батюшкино, и про матушкино здоровье своею ручкою. Да поцѣлуй за меня батюшку и матушку: батюшку въ правый глазокъ, а матушку — въ лѣвый. Да посылаю тебѣ, свѣтъ мой, гостинцы: кафтанецъ теплый, для того, чтобы тебѣ тепленько ко мнѣ ѣхать. Да послана къ тебѣ баулочка, а въ ней сто золотыхъ,— и ты изволь ими тѣшиться, да досконца. Утѣшай, свѣтъ мой, батюшку и матушку, чтобъ они не надсажались въ своихъ печаляхъ, и позови ихъ ко мнѣ въ гости, и сама съ ними пріѣзжай; и я чаю, что съ тобою увижусь, что ты у меня въ умѣ непрестанно. При семъ отдай поклонъ отцу и матери отъ меня. Да посылаю я тебѣ свои глаза ⊙ ⊙ старые; уже чуть видятъ свѣтъ; бабушка твоя старенькая хочетъ тебя, внучку маленькую, видѣть».

Въ томъ же (1722) году Прасковья Ѳеодоровна опять писала внучкѣ: «Внучка, свѣтъ мой, желаю я тебѣ, другъ мой сердечный, всякаго блага отъ всего моего сердца; да хочется, хочется, хочется тебя, другъ мой внучка, мнѣ, бабушкѣ старенькой, видѣть тебя, маленькую, и подружиться съ тобою: старый съ малымъ очень живутъ дружно. Да позови ко мнѣ батюшку и матушку въ гости и поцѣлуй ихъ за меня, и чтобы они привезли и тебя, а мнѣ съ тобою о нѣкакихъ нуждахъ тайныхъ подумать и переговорить. При семъ еще здравствуй».

Бабушка, посылая подарки внучкѣ, заботилась, однако, не только объ однихъ увеселеніяхъ ея, но начинала уже помышлять объ умственномъ развитіи «махо-

точки-внучки». Въ этихъ видахъ она обучила одну изъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ грамотѣ, дабы та въ свою очередь, когда настанетъ время, могла передать

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ ѲЕОДОРОВНА, СУПРУГА ЦАРЯ ІОАННА АЛЕКСѢЕВИЧА.
(Со старинной литографіи Грейда).

эту книжную мудрость маленькой Мекленбургской герцогинѣ. «Которая у меня дѣвушка грамотѣ умѣетъ,—писала она дочери,—посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобъ внучку учить русской грамотѣ».

IX.

Переѣхавъ на постоянное жительство въ родное Измайлово, Екатерина Іоанновна заняла здѣсь отдѣльное помѣщеніе, при чемъ ея дочка спала вмѣстѣ съ нею, въ одной комнатѣ. Жизнь герцогини Мекленбургской потекла отнынѣ по-старому, какъ это было до переѣзда ея за границу; жизнь на чужбинѣ, среди иностранцевъ, не оставила на Екатеринѣ Іоанновнѣ никакого значительнаго слѣда. Она проводила цѣлый день безъ дѣла, въ вѣчномъ приниманіи и кормленіи гостей до отвала. Обстановка ея отличалась неряшливостью; окружена она была юродивыми, шутами, калѣками. Такимъ образомъ, первые годы жизни маленькой Елизаветы-Екатерины-Христины протекли при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не обѣщавшихъ ей въ будущемъ ничего хорошаго. Несмотря на малолѣтство, она уже четырехъ лѣтъ, однако, принимала участіе въ веселяхъ матери, танцовала на ея вечеринкахъ и присутствовала на устраиваемыхъ Екатериною Іоанновною спектакляхъ и концертахъ.

По смерти царицы Прасковьи, герцогиня Мекленбургская переѣхала въ Петербургъ, а съ воцареніемъ ея сестры, Анны Іоанновны, придворное положеніе Екатерины Іоанновны сдѣлалось особенно благопріятнымъ. Вдовствующая императрица была бездѣтна и рѣшила приблизить къ себѣ племянницу, дочь Екатерины Іоанновны, съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ передать престолъ ея потомству. Малолѣтняя герцогиня была разлучена съ матерью и переведена въ императорскій дворецъ, гдѣ ея воспитаніе поручили надзору прусской уроженки, — вдовѣ генерала, г-жѣ Адеркасъ. Въ 1733 году, съ

пріѣздомъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, юная Елизавета-Екатерина-Христина была мvропомазана и наречена Анною.

Пятнадцатилѣтняя Анна Карловна или Леопольдовна,—(такъ ее принято именовать въ исторіи), — не могла получить, какъ мы уже видѣли, правильнаго воспитанія и образованія; вмѣстѣ съ тѣмъ, она и не унаслѣдовала бойкаго и общительнаго характера Екатерины Іоанновны. Въ ней скорѣе проглядывали отцовскія черты: она была строптива, угрюма и замкнута въ себѣ. На ряду съ такимъ характеромъ, она соединяла, однако, довольно привлекательную наружность: была средняго роста, полная, съ темными волосами и черными глазами. Но природная безпечность пріучила ее слишкомъ мало обращать вниманія на свою внѣшность, не заботиться о туалетѣ, прическѣ и пр.

Что касается г-жи Адеркасъ, то это была чрезвычайно почтенная, пожилая женщина, много видавшая на своемъ вѣку, побывавшая вмѣстѣ съ мужемъ во Франціи, Германіи и Испаніи. Умная, любознательная и начитанная гувернантка успѣла, при всѣхъ недостаткахъ своей воспитанницы, дать ей хорошее знаніе иностранныхъ языковъ — французскаго и нѣмецкаго, а также развить въ ней любовь къ чтенію. Анна Леопольдовна очень много читала съ г-жею Адеркасъ, при чемъ ея любимымъ чтеніемъ были драматическія произведенія, гдѣ дѣйствующими лицами являлись угнетенныя принцессы, выражающія свои чувства угнетателямъ. Склонность къ такого рода чтенію являлась въ значительной степени результатомъ положенія царственной племянницы въ домѣ Анны Іоанновны, гдѣ ей постоянно приходилось подчиняться своевластію и распоряженіямъ любимца государыни, герцога Бирона. Какъ бы то ни было, однако, на примѣрѣ Анны Леопольдовны мы наглядно

АНТОНЪ-УЛЬРИХЪ, ПРИНЦЪ БРАУНШВЕЙГЪ - БЕВЕРНСКІЙ, СУПРУГЪ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ.
(Съ современной нѣмецкой гравюры).

видимъ, что книга уже проникаетъ во дворецъ, и свѣтское чтеніе иностранныхъ произведеній получаетъ здѣсь

ПРАВИТЕЛЬНИЦА АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА.
(Съ современной гравюры Вортмана).

право гражданства, что въ до-петровское время считалось предосудительнымъ для женщинъ.

Бирономъ лелѣялъ мысль современемъ женить своего

сына на Аннѣ Леопольдовнѣ; но послѣдняя рѣшительно воспротивилась этому, и императрица, наперекоръ временщику, дала согласіе на бракъ съ принцемъ Брауншвейгскимъ, Антономъ-Ульрихомъ, воспитывавшимся вмѣстѣ съ нею во дворцѣ Анны Іоанновны. Хорошенькій принцъ, съ длинными бѣлокурыми, вьющимися локонами по плечи, былъ выписанъ на 14 году жизни императрицею изъ Германіи, въ качествѣ будущаго супруга наслѣдницы русскаго престола. Но молодые люди не сошлись характерами, и Анна Леопольдовна не взлюбила жениха; только планы ненавистнаго ей Бирона понудили ее дать согласіе на бракъ съ принцемъ Брауншвейгскимъ, каковой и состоялся въ 1739 году. Отъ этого брака родился принцъ Іоаннъ, который и долженъ былъ стать наслѣдникомъ Анны Іоанновны.

Болѣзненный ребенокъ, Иванъ Антоновичъ, былъ, немедленно по рожденіи, отнятъ бабушкой у матери и всецѣло взятъ на ея попеченіе. Вдовствующая бездѣтная императрица страстно полюбила новорожденнаго младенца, ходила за нимъ, и только одной женѣ Бирона позволялось прикасаться къ крошечному внуку.

Но государыня недолго наслаждалась своею привязанностью: тяжкая болѣзнь свела ее въ могилу, и въ октябрѣ 1740 года сынъ Анны Леопольдовны, согласно волѣ почившей императрицы, былъ объявленъ императоромъ подъ именемъ Іоанна VI. Регентомъ же, за малолѣтствомъ императора, былъ назначенъ, согласно тому же духовному завѣщанію, ненавистный всѣмъ Бирон. Но дни его регентства продолжались недолго: Анна Леопольдовна, при содѣйствіи фельдмаршала Миниха, вскорѣ арестовала регента, лишила его всѣхъ должностей и почестей и отправила въ дальнюю ссылку.

Съ момента ареста всесильнаго прежде регента, Анна Леопольдовна объявила себя, за малолѣтствомъ

сына, правительницей Россіи, что на первыхъ порахъ было встрѣчено всѣми радостно. Но правительница по воспитанію, по характеру и привычкамъ не была склонна къ сложнымъ занятіямъ управленія: она не занималась государственными дѣлами, не внимала совѣтамъ опытныхъ людей и вскорѣ возстановила противъ себя какъ русскихъ людей, такъ и иностранцевъ. Ею были недовольны и войско, и сановники, которые, въ концѣ-концовъ соединились дружно вокругъ законной наслѣдницы русскаго престола, дочери Петра Великаго, Елизаветы Петровны, которая такъ долго, злою волею временщиковъ и иностранцевъ, была устранена отъ власти.

При помощи обожавшей ее гвардіи, Елизавета Петровна рѣшила, что пора положить конецъ власти иноземцевъ, а потому арестовала правительницу Анну Леопольдовну съ мужемъ и малолѣтнимъ сыномъ, объявила послѣдняго лишеннымъ престола и, при всеобщемъ ликованіи войска и народа (25 ноября 1741 года), вступила на родительскій престолъ.

Съ этого времени можетъ считаться прекратившимся домъ Ивана Алексѣевича, и на русскій престолъ вступаютъ законные наслѣдники Петра Великаго.

III. Законные наслѣдники Петра Великаго.

I.

Изъ предыдущихъ двухъ очерковъ намъ извѣстно, какимъ образомъ законная наслѣдница преобразователя Россіи, Елизавета Петровна, оказалась устраненною отъ власти и престола своего державнаго родителя. Со дня смерти Екатерины I и кончая послѣдними днями правленія Анны Леопольдовны, положеніе Елизаветы при дворѣ было чрезвычайно неопредѣленное. Вначалѣ ее намѣревались обвѣнчать съ несовершеннолѣтнимъ Петромъ II, затѣмъ ей прочили въ женихи нѣкоторыхъ иностранныхъ принцевъ, наконецъ, въ царствованіе Анны Іоанновны и въ правленіе Анны Леопольдовны она впала въ совершенную немилость и одно время обрѣталась даже совсѣмъ вдали отъ двора. Въ силу неблагопріятныхъ обстоятельствъ жизни, она проводила время то въ селѣ Покровскомъ, подъ Москвою, то въ селѣ Александровѣ, Владимірской губерніи; здѣсь одно время дошли до нея слухи о желаніи правительства постричь ее въ монастырь, но отъ этой печальной участи ее спасъ знаменитый временщикъ Бирономъ.

Въ дни правленія Анны Леопольдовны положеніе дочери Петра Великаго особенно ухудшилось. Хотя сама правительница и не желала обижать Елизавету Петровну, но приближенныя къ ней лица (Минихъ, Остерманъ), болѣе ея дальнозоркія, справедливо видѣли въ ней опасную соперницу, къ которой рано или поздно перейдетъ родительскій престолъ. Кромѣ права наслѣдства, за ней было то преимущество передъ Анной Леопольдовной, что ее любилъ народъ, къ ней лежали чувства гвардіи, которую Елизавета не скупилась осыпать денежными наградами изъ своего скуднаго содержанія; къ ней же были расположены многіе изъ сановниковъ, русскихъ по происхожденію и чувствамъ, которые надѣялись, что, съ восшествіемъ на престолъ дочери Петра Великаго, настанетъ конецъ владычеству иностранцевъ въ нашемъ отечествѣ. На сторонѣ же обиженной Елизаветы Петровны стоялъ и вліятельный французскій посолъ Де-ла-Шетарди, который, преслѣдуя интересы своего правительства, желалъ видѣть скорѣйшій конецъ днямъ правленія Анны Леопольдовны и ея министровъ.

Елизавета Петровна, несмотря на часто дѣлаемые ей намеки и даже предложенія вступиться въ защиту своихъ наслѣдственныхъ правъ, долго не рѣшалась перейти въ открытую борьбу съ правительствомъ. Она не чувствовала себя способной и достаточно подготовленной къ званію правительницы обширной монархіи; больше всего въ жизни она любила покой, веселье и забавы, почему и избѣгала настойчивыхъ бесѣдъ о своихъ законныхъ правахъ на родительскій престолъ.

Но обстоятельства сложились такъ, что Елизаветѣ надо было рѣшиться на безповоротный шагъ къ перемѣнѣ правительства. И она, наконецъ, рѣшилась: поддерживаемая гвардейскими гренадерами, Елизавета Пе-

тровна ночью, 25 ноября 1741 г., арестовала правительницу, малолѣтняго императора Іоанна Антоновича и остальныхъ членовъ дома Анны Леопольдовны, объявила ихъ лишенными власти, провозгласила себя самодержавною русскою императрицею. Нечего и говорить, конечно, какъ велика была радость народа, увидѣвшаго послѣ долгаго смутнаго времени на престолѣ Петра I его дочь, съ именемъ которой связывались надежды на лучшее будущее для нашего отечества.

Устранивъ отъ престола сына Анны Леопольдовны, отправивъ всю семью бывшей правительницы въ почетную ссылку (въ г. Ригу), Елизавета Петровна такимъ образомъ безповоротно кончила съ наслѣдственными правами на власть рода Ивана Алексѣевича и возвратила утраченный престолъ роду Петра Великаго. Посмотримъ же теперь, что вынесла изъ родительской семьи новая русская императрица, какъ провела она свою юность и поскольку она была подготовлена образованіемъ къ выпавшему на ея долю высокому жребію.

II.

Петръ Великій хотя и не успѣлъ дать надлежащаго воспитанія своему несчастному сыну, Алексѣю Петровичу, тѣмъ не менѣе достигъ полнаго преобразованія дѣла воспитанія царскихъ дѣтей вообще. Если ему удалось заставить даже царицу Прасковію дать хоть нѣкоторое подобіе образованія дочерямъ въ духѣ новаго времени, тѣмъ болѣе имъ было обращено вниманіе, чтобы его родныя дочери, Анна и Елизавета, получили лучшее образованіе и не походили на безграмотныхъ княженъ и боярынь невѣжественной старины. Въ этомъ отношеніи его второй бракъ съ Екатериной Алексѣев-

ной былъ чрезвычайно удаченъ: въ ея лицѣ, несмотря на отсутствіе у нея всякаго образованія, онъ не встрѣтилъ не только какого-нибудь противодѣйствія правильному воспитанію дочерей, каковое онъ нѣкогда видѣлъ со стороны Евдокіи Ѳеодоровны, но даже находилъ полную поддержку и безусловное послушаніе своей волѣ.

Отъ брака съ Екатериной Алексѣевной у него родилось нѣсколько дѣтей, но изъ нихъ достигли зрѣлаго возраста только дочери Анна и Елизавета, появившіяся на свѣтъ еще до офиціальнаго объявленія Екатерины русскою царицею. Между дѣвочками была небольшая разница лѣтъ—Анна родилась въ февралѣ 1708, а Елизавета—въ декабрѣ 1709 года, поэтому онѣ и воспитывались при одинаковыхъ условіяхъ и имѣли при себѣ однихъ и тѣхъ же учителей. Любимицей Петра была Анна; ей, какъ сохранилось преданіе, государь даже хотѣлъ передать наслѣдіе престола, но это обстоятельство не наложило никакой тѣни на родительскія чувства ко второй дочери, и она въ дѣтствѣ пользовалась всѣми благами, предоставленными старшей сестрѣ.

Извѣстіе о рожденіи Елизаветы было преподнесено Петру I въ моментъ его тріумфальнаго въѣзда въ Москву, послѣ пораженія шведовъ подъ Полтавою. Обрадованный этой вѣстью, государь сказалъ приближеннымъ:

— Господь Богъ усугубилъ радость торжества въ честь Полтавской побѣды рожденіемъ мнѣ дочери. Того ради, отложимъ празднество и поспѣшимъ поздравить со вшествіемъ въ міръ дочь мою, яко со счастливымъ предвозвѣщаніемъ вожделѣннаго мира.

Помолившись въ Успенскомъ соборѣ, Петръ поспѣшилъ къ родительницѣ въ село Коломенское, гдѣ и послѣдовали, одинъ за другимъ, роскошные пиры въ честь новорожденной и ея матери.

Послѣ переѣзда въ Петербургъ, обѣ дочери, Анна и Елизавета, жили при родителяхъ въ только что выстроенномъ тогда Зимнемъ дворцѣ, имѣя каждая для себя отдѣльныя комнаты, отдѣльный штатъ прислуги, но собираясь къ обѣду за общій дѣтскій столъ. Когда Екатеринѣ Алексѣевнѣ, по желанію мужа, приходилось сопровождать его въ походахъ и путешествіяхъ, то главный надзоръ за дѣвочками возлагался на сестру государя, Наталію Алексѣевну, а когда послѣдняя скончалась (1716 г.), то на состоявшую при государынѣ княжну Марію Ѳеодоровну Вяземскую. Княжна Вяземская прекрасно исполняла свои обязанности, и Екатерина считала даже нужнымъ посылать ей изъ-за границы благодарности за труды. «Увѣдомились мы,—писала она княжнѣ,—что вы за дѣтками нашими надсматриваете и не оставляете ихъ, за что вамъ благодарствуемъ, и впредь о семъ просимъ, и пребываемъ вамъ доброжелательною».

Непосредственный присмотръ за царевнами имѣла нѣкто Авдотья Ильинична, мама Анны Петровны; къ ней и адресовала Екатерина свои распоряженія по дѣламъ дочерей. Авдотья Ильинична не всегда, однако, умѣла угождать своей госпожѣ и получала отъ нея выговоры за упущенія. Такъ, изъ того же заграничнаго путешествія государыня писала ей: «Авдотья Ильинична, слышала я, что вы царевенъ стали кормить не за однимъ столомъ, чему зѣло дивлюся, для чего не такъ дѣлаете, какъ при насъ было. Такъ, и вы разны столъ имѣете, что впредь не дѣлайте. Такъ же какъ тебѣ, также же Лискине и мамѣ Магрете хорошенько смотрѣть». А въ письмѣ къ княгинѣ Меншиковой Екатерина Алексѣевна просила, чтобъ она не допускала впредь «самовольства Евдошкѣ».

Вмѣстѣ съ Авдотьей Ильиничной при дѣтяхъ со-

стояли мама Елизаветы Петровны, Лискина Андреевна и Магретъ (Маргарита), мама Натальи Алексѣевны. Штатъ прислуги при дѣвочкахъ былъ обширный; при Аннѣ Петровнѣ состояло семь дѣвушекъ; при Елизаветѣ, какъ меньшой,—пять. Кромѣ того, у каждой цесаревны было по двѣ кормилицы, а у обѣихъ вмѣстѣ еще четверо дворянъ, два лакея и шесть калмыковъ. Впослѣдствіи, когда дѣвочки подросли, въ ихъ штатъ вошли докторша Пеликала, господинъ Глюкъ, «мастеръ», т-е. учитель нѣмецкаго языка, три гайдука, кухмистеръ съ поварами и четыре конюха. Въ 1722 году къ цесаревнамъ была опредѣлена жена французскаго дворянина Латуръ-Лануа, обучавшая ихъ французскому языку. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Петръ Великій, самъ лично избѣгавшій всякой роскоши и излишества, допускалъ ихъ по отношенію своихъ дочерей.

Государь воспитывалъ цесаревенъ въ полномъ довольствѣ, какъ богатыхъ невѣстъ, на коихъ современемъ будетъ обращено серьезное вниманіе иностранныхъ принцевъ-жениховъ. Родители баловали дочерей, посылали имъ изъ своихъ путешествій подарки и внимательно слѣдили за добрымъ вліяніемъ старшей сестры на младшую. Такъ, когда тринадцатилѣтняя Анна прислала родителямъ письмо на нѣмецкомъ языкѣ, то они, въ видѣ поощренія, съ своей стороны, послали обѣимъ дочерямъ въ подарокъ по кольцу и еще ящикъ померанцевъ и лимоновъ, только что привезенныхъ въ Ригу съ открытіемъ навигаціи, при чемъ старшей дочери былъ предоставленъ выборъ кольца и право отъ своего имени уже подарить меньшой оставшееся другое кольцо. Обращаясь къ старшей дочери въ своихъ письмахъ, Екатерина Алексѣевна поручала ея вниманію младшую и просила ее обучать Елизавету Петровну испанскимъ танцамъ. Любовь и вниманіе къ дочерямъ выразились и въ

другомъ случаѣ: такъ, художнику Людвигу Караваку было поручено написать масляными красками портретъ дѣвочекъ, гдѣ онѣ должны были быть изображены въ видѣ геніевъ, съ развѣвающимися драпировками и эфирными крылышками мотыльковъ за плечами.

III.

Обѣ дочери составляли истинное счастіе родителей, радуя ихъ своимъ прекраснымъ здоровьемъ, красотой и успѣхами въ занятіяхъ. Только въ 1717 г., во время отсутствія Петра и Екатерины изъ Петербурга, послѣдніе были испуганы извѣстіемъ объ опасной болѣзни, постигшей дѣтей. На нихъ появилась оспа; сначала заболѣла, и особенно сильно, Елизавета, а отъ нея заразилась и Анна, у которой, впрочемъ, болѣзнь протекла очень легко. Дѣвочки перенесли оспу благополучно и послѣ болѣзни встали съ постелей выросшими, окрѣпшими и еще болѣе похорошѣвшими; оспа не оставила слѣдовъ на ихъ прелестныхъ личикахъ.

Обѣ царевны обращали на себя всеобщее вниманіе красотой, и иностранцы, чьи записки дошли до нашего времени, рѣшительно не знали, какой изъ нихъ дать предпочтеніе. Анна была брюнетка, а Елизавета—блондинка. Французскій посланникъ Ла-Ви, видѣвшій вторую дочь Петра, когда ей минуло всего 10 лѣтъ, такъ отзывается о ней:—«Княжна эта прелестна, очень стройна и могла бы считаться совершенно красавицей, если бъ цвѣтъ ея волосъ не былъ немного рыжеватъ... Она умна, добродушна и сострадательна». А, десять лѣтъ спустя, испанскій посолъ, Дукъ де-Лиріа, рисовалъ такой портретъ царевны: «Принцесса Елизавета такая красавица, какихъ я рѣдко видѣлъ. У нея удивитель-

ный цвѣтъ лица, прекрасные глаза и ротъ, превосходная шея и несравненный станъ. Она высока ростомъ, чрезвычайно жива, хорошо танцуетъ и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Она не лишена ума, граціозна и очень кокетлива, но честолюбива и имѣетъ слишкомъ нѣжное сердце».

Брюнетка Анна Петровна была чрезвычайно похожа на отца и также отличалась замѣчательной миловидностью, хотя уступала меньшой сестрѣ въ живости и граціи.

О нарядахъ дочерей Екатерина Алексѣевна чрезвычайно заботилась. Онѣ появлялись на гуляньяхъ, въ ассамблеяхъ, то въ испанскихъ платьяхъ, то въ костюмахъ, сдѣланныхъ изъ дорогихъ матерій и отдѣланныхъ золотыми и серебряными вышивками. Особенно было обращено вниманіе на ихъ прически: волосы царевенъ причесывались лучшимъ тогдашнимъ парикмахеромъ и обильно украшались, согласно модѣ того времени, массою драгоцѣнныхъ камней—брилліантами, жемчугами и алмазами.

Петръ I рано задумывался о судьбѣ дочерей, при чемъ обязательно связывалъ ихъ будущность съ интересами государства. Когда Елизаветѣ минуло всего 10 лѣтъ, уже тогда намѣчался ей въ женихи французскій дофинъ Людовикъ XV; за Анну же сватали одного изъ нѣмецкихъ принцевъ. Въ связи съ этими планами государя, и въ образованіи царевенъ замѣчалась нѣкоторая разница: въ то время, какъ старшую направляли на особенно внимательное изученіе нѣмецкаго языка, младшую заставляли усиленно заниматься французскимъ.

Заботы о раннемъ бракѣ дочерей побуждали царственныхъ родителей пріучать дѣтей къ обществу и торжественнымъ выходамъ. Перестраивая весь общественный складъ, Петръ I требовалъ, чтобъ и его семья

подчинялась, наравнѣ съ остальными подданными, новымъ порядкамъ: и Екатерина Алексѣевна, и обѣ его малолѣтнія дочери должны были обязательно посѣщать всѣ пиры, вечеринки, гулянья и ассамблеи, гдѣ танцовали до упаду съ шумными и веселыми кавалерами. На этихъ ассамблеяхъ царевны обращали на себя всеобщее вниманіе граціей, легкостью и искусствомъ въ характерныхъ танцахъ. Ассамблеи, заведенныя Петромъ на иностранный манеръ, начинались въ 3 часа пополудни; къ 5 ч. пріѣзжалъ государь, а за нимъ—Екатерина съ дочерьми, одѣтыми въ лучшіе костюмы. Балъ открывался церемоніальными танцами, при чемъ музыка играла монотонный, скучный маршъ. Каждая пара, по очереди, дѣлала реверансы; затѣмъ слѣдовалъ польскій, которымъ и заканчивались степенные церемоніальные танцы. Дирижеръ (маршалъ) ударялъ жезломъ и объявлялъ, что каждый можетъ танцовать, какъ и что ему вздумается. Вотъ въ этихъ-то танцахъ и сказывалось нѣкоторое различіе характеровъ цесаревенъ. Между тѣмъ, какъ тринадцатилѣтняя Анна особенно отличалась въ танцахъ церемоніальныхъ, одиннадцатилѣтняя Елизавета вызывала всеобщее удивленіе исполненіемъ характерныхъ танцевъ: польскаго, нѣмецкаго минуэта, англійской кадрили. Она вносила въ веселье всю свою дѣтскую душу, выдумывала новыя фигуры и являлась настоящей царицей бала.

Кромѣ танцевъ на ассамблеяхъ, дочери Петра принимали постоянное участіе и въ любимыхъ отцомъ катаньяхъ по Невѣ, при чемъ на эти морскія прогулки онѣ являлись въ костюмахъ женъ саардамскихъ плотниковъ, т.-е., одѣтыя въ канифасовыя кофточки, въ юбки изъ грубой красной матеріи и въ небольшихъ круглыхъ шляпкахъ.

Участвовали цесаревны Анна и Елизавета также и

въ торжественныхъ выходахъ государя, а иногда даже выступали на семейныхъ и общественныхъ праздникахъ въ роляхъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ, когда Петръ возвратился изъ заграничнаго путешествія въ 1717 г. въ Петербургъ, то обѣ царевны выѣхали ему навстрѣчу, одѣтыя въ роскошныя испанскія платья. Въ сопровожденіи сановниковъ и придворныхъ, государь всту-

АССАМБЛЕЯ.

пилъ въ Зимній дворецъ, и здѣсь, на глазахъ обширной публики, обѣ дочери сказали ему сочиненное архимандритомъ Ѳеоѳаномъ Прокоповичемъ привѣтствіе на славянскомъ языкѣ. Вслѣдъ за ними также сказалъ привѣтствіе на французскомъ языкѣ трехлѣтній Меньшиковъ отъ имени двухлѣтняго государя, Петра Петровича, важно въ это время сидѣвшаго въ передней комнатѣ дворца на деревянномъ конѣ.

Ознакомившись съ этой показной стороной жизни царевенъ, посмотримъ, поскольку это возможно, по дошедшимъ до насъ скуднымъ свѣдѣніямъ, какъ и чему учились дочери преобразователя Россіи.

IV.

Программа образованія тогдашнихъ женщинъ была очень ограниченная. Отъ нихъ требовалось, чтобъ онѣ, входя въ комнаты, умѣли непринужденно кланяться, дѣлать реверансы, знали бы наиболѣе распространенные танцы—церемоніальные и характерные, а также владѣли бы двумя иностранными языками,—французскимъ и нѣмецкимъ. Дѣвушка, удовлетворявшая этимъ требованіямъ, считалась уже образованною, хорошо воспитанною. По сравненію съ тѣмъ, что представляли собою до-петровскія княжны и боярышни, конечно, и эта программа образованія была большимъ шагомъ впередъ.

Дочери Петра Великаго стояли не только на уровнѣ тогдашнихъ требованій, но безусловно превосходили своихъ сверстницъ знаніями и умственнымъ развитіемъ. Танцовальнымъ искусствомъ онѣ владѣли въ совершенствѣ; посѣщеніе ассамблей пріучило ихъ держаться непринужденно въ обществѣ. Кромѣ того, имъ знакомы были языки нѣмецкій, французскій, итальянскій и шведскій, не говоря, конечно, о русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ.

Уже въ раннемъ возрастѣ къ нимъ былъ прикомандированъ «мастеръ» нѣмецкаго языка Глюкъ и француженка Латуръ-Лануа; впослѣдствіи для нихъ была выписана итальянка, графиня Маріана Маніяни и «дохтурица», гречанка Лавра Паликала. Что касается шведскаго языка, то ему онѣ, вѣроятно, обучились у тѣхъ

боннъ, шведокъ по происхожденію, которыя окружали дѣтей съ младенчества. Мы уже знаемъ, что изъ языковъ Аннѣ Петровнѣ велѣно было обращать особенное вниманіе на нѣмецкій, а Елизаветѣ Петровнѣ—на французскій. Девятилѣтняя Анна уже настолько владѣла нѣмецкимъ языкомъ, что могла даже переписываться съ родителями на этомъ языкѣ. Отвѣчая на посланіе дочери, Екатерина уговаривала ее: «для Бога, потщиться писать хорошенько, чтобъ похвалить за оное можно и вамъ послать въ презентъ прилежанія вашего гостинцы, на что бъ смотря и маленькая сестричка такъ же тщилась заслуживать гостинцы». Такимъ образомъ, добрый примѣръ прилежанія одной сестры долженъ былъ дѣйствовать на другую. Что касается непосредственно Елизаветы, то ей государыня Екатерина Алексѣевна постоянно твердила, что отъ нея ничего такъ не требуется, какъ совершенное знаніе французскаго языка и что на это существуютъ серьезныя причины.

Петръ внимательно слѣдилъ за успѣхами дочерей, интересовался ихъ выборомъ чтенія и поощрялъ къ занятіямъ. Войдя къ нимъ однажды во время урока и заставъ Елизавету за чтеніемъ французскихъ писемъ г-жи Ламбертъ, онъ попросилъ перевести ему одну страницу. Когда дочь выполнила это желаніе, государь, приласкавъ ее, сказалъ:

— Счастливы вы, дѣти, счастливы вы, что васъ воспитываютъ, что въ молодыхъ годахъ пріучаютъ васъ къ чтенію полезныхъ книгъ... Ахъ! если бъ меня въ дѣтствѣ учили такъ, какъ слѣдуетъ, я охотно отдалъ бы теперь палецъ съ руки моей!..

Елизавета Петровна оправдала желаніе отца. Она овладѣла прекрасно всѣми новыми языками, которые ей преподавались, полюбила чтеніе и даже могла сама очень недурно писать стихи тѣмъ самымъ размѣромъ, кото-

рый только впослѣдствіи первый ввелъ въ нашу литературу Ломоносовъ.

Елизаветѣ Петровнѣ народная молва приписываетъ пѣсню, гдѣ описывается ея грустное житье въ селѣ Покровскомъ, во время правленія Анны Іоанновны.

Во селѣ—селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась—расплясалась
Красна дѣвица душа,
Красна дѣвица душа,
Авдотьюшка хороша.

***

Разыгравшись, взговорила:
«Вы, подруженьки мои!
«Поиграемте со мною,
«Поиграемте теперь:
«Я со радости—съ веселья
«Поиграть съ вами хочу.

***

«Пріѣзжалъ ко мнѣ дѣтинка
«Изъ Санктпитера сюда;
«Онъ меня, красну дѣвицу,
«Подговаривалъ съ собой,
«Серебромъ меня дарилъ,
«Онъ и золото сулилъ:

***

«Поѣзжай со мной, Дуняша,
«Поѣзжай,—онъ говорилъ,—
«Подарю тебя парчею
«И на шею жемчугомъ;
«Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
«А тамъ будешь госпожа:
«И во всемъ этомъ уборѣ
«Будешь вдвое пригожа.

***

«Я сказала, что поѣду,
«Да опомнилась опять:
«—Нѣтъ, сударикъ, не поѣду»,—
«Говорила я ему.
«Я крестьянкою родилась,
«Такъ нельзя быть госпожей:
«Я въ деревнѣ жить привыкла,
«А тамъ надо привыкать!

***

«Я совѣтую тебѣ
«Имѣть равную себѣ.
«Въ вашемъ городѣ обычай,—
«Я слыхала ото всѣхъ:—
«Вы всѣхъ любите словами,
«А на сердцѣ никого.
«А у насъ-то вѣдь въ деревнѣ
«Здѣсь прямая простота:
«Словомъ мы кого полюбимъ,
«Тотъ и въ сердцѣ вѣкъ у насъ!

***

«Вотъ чему я веселюся,
«Чему радуюсь теперь:
«Что осталась жить въ деревнѣ,
«А въ обманъ не отдалась!»

Эта пѣсня показываетъ ясно, что вторая дочь Петра Великаго, несомнѣнно, унаслѣдовала отъ отца его даровитость, талантливость, но только, къ сожалѣнію, этимъ свойствамъ не дано было, по обстоятельствамъ жизни, широко развернуться и получить серьезное направленіе. Отцу некогда было слѣдить шагъ за шагомъ за образованіемъ дочерей; мать, съ своей стороны, мало что могла имъ дать, такъ какъ сама нуждалась въ руководителѣ; поэтому обѣ дѣвочки, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, несмотря на приставленныхъ къ нимъ гувернантокъ, главнымъ образомъ, испытали на себѣ невѣже-

ственное вліяніе разныхъ мамокъ, нянекъ и необразованныхъ пріятельницъ государыни.

Это обстоятельство наложило неизгладимый слѣдъ на всю жизнь Елизаветы: она до конца дней своихъ была суевѣрна, полна предразсудковъ, старинныхъ привычекъ и ложныхъ страховъ. Такъ, ложась спать, она требовала, чтобъ ей разсказывали сказки, при чемъ сказки—непремѣнно страшныя, съ разнымъ содержаніемъ изъ выдумокъ невѣжественныхъ торговокъ съ базарныхъ площадей! Кромѣ того, спать одна она не могла, а въ ея комнатѣ, на полу, непремѣнно долженъ былъ лежать кто-нибудь изъ приближенныхъ. Она была внѣшне благочестива, религіозна, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрила въ лѣшихъ, домовыхъ, русалокъ и тому подобныя измышленія народной фантазіи. Ранніе выѣзды на отцовскія ассамблеи развили въ ней излишнюю любовь къ веселью, праздникамъ, баламъ, нарядамъ, пріучили ее слишкомъ легко смотрѣть на обязанности жизни и на права людей. Такимъ образомъ, въ Елизаветѣ Петровнѣ, какъ женщинѣ, мирно уживались рядомъ и добрыя стороны, привитыя къ ней слабымъ подобіемъ европейской жизни, и темныя черты невѣжественной родной старины. Она является въ исторіи нашего отечества представительницей переходнаго времени, когда люди того времени отстали уже отъ стараго берега, но не пристали къ новому,

Смутные дни ея жизни во время царствованія Анны Іоанновны и правленія Анны Леопольдовны заставили Елизавету Петровну, конечно, о многомъ передумать и многое перечувствовать, но, тѣмъ не менѣе, не послужили хорошей школой, гдѣ бы она успѣла подготовиться къ отвѣтственной роли вершительницы судьбы русскаго народа. Живя въ селѣ Александровскомъ, она главнымъ образомъ отдавала себя всецѣло псовой охотѣ

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.
(Съ гравюры Э. Чемесова 1761 г.)

на зайцевъ, при чемъ всегда выѣзжала на эти охоты верхомъ въ красиво сшитомъ мужскомъ костюмѣ. Въ селѣ Покровскомъ она проводила время болѣе тихо и скромно, и любимымъ ея развлеченіемъ было — сближаться съ народомъ, ходить наравнѣ съ крестьянскими дѣвушками въ хороводахъ, пѣть съ ними пѣсни, сидѣть на посидѣлкахъ. Здѣсь она глубоко прониклась духомъ народной русской жизни, что спасло ее отъ того онѣмеченія, которому подверглись Анна Іоанновна и Анна Леопольдовна.

Вступивъ на престолъ, Елизавета Петровна устранила отъ первенства иностранцевъ и дала главное мѣсто природнымъ русскимъ людямъ, въ родѣ Бестужева, Шуваловыхъ, Воронцова и др., отличавшимся дѣйствительно выдающимися способностями и ставившимъ выше всего благо Россіи и интересы русскихъ подданныхъ. Сама править государствомъ она, конечно, не могла, — для этого она была и слишкомъ мало подготовлена, и нѣсколько лѣнива; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она, слѣдуя завѣтамъ родителя, стремилась насаждать у насъ просвѣщеніе, поощряя представителей литературы, науки и искусства. Въ частной своей жизни Елизавета Петровна была чрезвычайно доступна, проста и снисходительна. Не имѣя возможности выйти замужъ по собственному выбору, когда была цесаревною, она такъ и осталась до конца дней своихъ лишенной радостей семейной жизни и всей душой привязалась сначала къ своему племяннику, Петру Ѳеодоровичу, сыну старшей сестры Анны Петровны, а затѣмъ—къ внуку, Павлу Петровичу. Ихъ воспитаніемъ она близко интересовалась, стремилась готовить изъ нихъ людей, которые, въ качествѣ законныхъ ея наслѣдниковъ, могли бы достойно занять русскій престолъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ личнаго серьезнаго образованія мѣшалъ ей, какъ воспитатель-

ницѣ, стоять на высотѣ задачи, что, несомнѣнно, печально отразилось на складѣ умовъ и на выработкѣ характеровъ обоихъ царственныхъ отроковъ.

V.

Иначе сложилась судьба цесаревны Анны, старшей сестры Елизаветы Петровны.

Анна Петровна еще при жизни отца была просватана за герцога Голштинскаго, Карла Фридриха, съ коимъ и вступила въ бракъ 21 мая 1725 года. Бракъ этотъ, однако, не былъ вполнѣ счастливымъ, и супружеству ихъ не суждено было долго длиться. По рожденіи первенца $^{10}/_{21}$ февраля 1728 г., Анна Петровна, еще не оправившаяся отъ болѣзни, вскорѣ простудилась и скончалась въ г. Килѣ, оплакиваемая всѣми, близко знавшими эту прекрасную женщину. Штеллинъ, воспитатель ея сына, описываетъ обстоятельства ея смерти такъ: «Между прочими удовольствіями по случаю рожденія герцога Карла-Петра-Ульриха, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ новорожденный принцъ былъ окрещенъ евангельскимъ придворнымъ пасторомъ, докторомъ Хоземаномъ, сожженъ былъ передъ дворцомъ фейерверкъ. При этомъ загорѣлся пороховой ящикъ, отъ чего нѣсколько человѣкъ было убито, многіе ранены, и нашлись люди, которые объясняли этотъ случай въ радостномъ событіи, какъ зловѣщее предзнаменованіе для новорожденнаго принца. Вскорѣ случилось еще бо́льшее несчастіе. Герцогиня пожелала видѣть фейерверки и иллюминацію, встала съ постели и стала у открытаго окна, при сыромъ и холодномъ ночномъ воздухѣ. Нѣкоторые изъ придворныхъ дамъ хотѣли удержать ее и убѣдительно просили ее закрыть

окно и болѣе беречь себя въ настоящемъ положеніи. Но она засмѣялась и сказала: «Мы, русскіе, не такъ изнѣжены, какъ вы, и не знаемъ ничего подобнаго». Между тѣмъ эта прелестная принцесса простудилась, занемогла горячкою и скончалась на десятый день. Ея тѣло набальзамировали и на слѣдующее лѣто отвезли для погребенія въ Петербургъ, на томъ же русскомъ фрегатѣ, на которомъ герцогъ съ герцогинею прибыли изъ Россіи». Въ честь этой принцессы герцогъ учредилъ орденъ св. Анны.

ГЕРЦОГЪ КАРЛЪ ФРИДРИХЪ ГОЛЬШТИНСКІЙ. (Съ совр. грав. портрета).

Такимъ образомъ, новорожденный Карлъ-Петръ-Ульрихъ, съ первыхъ же дней своего появленія на свѣтъ, былъ лишенъ материнскихъ заботъ и ласки и остался всецѣло на попеченіи чуждыхъ ему по крови лицъ, составлявшихъ свиту Голштинскаго герцога. Дворъ Карла Фридриха, не поддерживаемый теперь денежными средствами изъ Россіи, испытывалъ большія лишенія, нуждался даже въ самомъ необходимомъ, что, несомнѣнно, отражалось и на судьбѣ сына Анны Петровны. Несмотря на то, что со смертью Анны Петровны и съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны, отношенія герцога Голштинскаго къ Россіи были очень натянутыя и даже враждебныя, Карлъ Фридрихъ все же твердо помнилъ, что сынъ его, какъ родной внукъ Петра Великаго,—единственный, послѣ Елизаветы Петровны, законный наслѣдникъ русскаго престола, почему, утѣ-

шая и ободряя окружающихъ, часто говаривалъ имъ:

— *Онъ* выручитъ насъ изъ нужды и поправитъ наши дѣла!

ЦЕСАРЕВНА АННА ПЕТРОВНА.

Иначе смотрѣли на дѣло въ Петербургѣ. Императрица Анна, вступившая на престолъ, помимо законныхъ наслѣдниковъ Петра, постоянно опасалась ихъ, вслѣдствіе чего держала Елизавету подъ неустаннымъ надзо-

ромъ и вспоминала о существованіи Голштинскаго наслѣдника съ неудовольствіемъ и озлобленіемъ, называя его даже заочно не иначе, какъ «чертушка въ Голштиніи».

До семилѣтняго возраста внукъ Петра I находился на попеченіи женщинъ, а потомъ къ нему были приставлены придворные чины изъ военныхъ—Адлерфельдъ, Вольфъ, Бремзенъ, которые поспѣшили посвятить маленькаго принца во всѣ тайны военнаго искусства, доступныя и даже недоступныя его уму. Онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры; учился ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ, ходилъ на караулы и дежурства наравнѣ съ другими придворными молодыми людьми и разговаривалъ съ ними только о внѣшнихъ формахъ военной службы, отчего съ малолѣтства такъ къ этому пристрастился, что ни о чемъ другомъ и слушать не желалъ. Парады и разводы войскъ были его настоящимъ праздникомъ, поэтому, когда его наказывали, то, въ видѣ высшаго лишенія, закрывали нижнюю часть окна, откуда можно было видѣть происходившій парадъ. Съ нимъ вообще грубые голштинскіе офицеры, подражавшіе во всемъ внѣшнемъ шведскому королю Карлу XII, обращались безъ церемоній и подчасъ жестоко, ставя, напримѣръ, колѣнями на горохъ; отъ такого получасового стоянія ноги ребенка распухали и краснѣли. Впрочемъ, къ такимъ наказаніямъ по отношенію его прибѣгали лишь послѣ смерти отца, когда онъ находился на попеченіи дяди, епископа Эйтенскаго.

Мальчикъ, воспитываемый односторонне, рано огрубѣлъ въ голштинской военной средѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно проникся исключительными интересами этой службы. Онъ на всю жизнь, напримѣръ, сохранилъ воспоминаніе о томъ днѣ, какъ наисчастливѣйшемъ, когда его произвели изъ унтеръ-офицеровъ въ секундъ-лейте-

нанты, считая этотъ день самымъ радостнымъ и знаменательнымъ изъ всего, что ему даже впослѣдствіи пришлось испытать. Послѣ этого производства онъ еще болѣе сталъ сближаться со старшими товарищами по оружію, требуя отъ нихъ даже, чтобъ они говорили ему *ты*.

Герцогъ Голштинскій, копируя во всѣхъ мелочахъ Карла XII, являвшагося въ глазахъ разныхъ нѣмецкихъ принцевъ идеаломъ воина, желалъ, чтобъ и сынъ его обладалъ тѣми же знаніями, что и шведскій король. Поэтому его усиленно обучали богословію и латинскому языку; но что легко далось нѣкогда талантливому Карлу XII, то съ трудомъ усвоивалъ нерасположенный къ умственнымъ занятіямъ Петръ-Ульрихъ. Богословіе ему преподавалъ пасторъ Хоземанъ, а латинскій языкъ — ректоръ кильской латинской школы, г. Юль. Этотъ Юль вызывалъ глубочайшую ненависть принца и служилъ для него предметомъ постоянныхъ заочныхъ насмѣшекъ.

Латинскій языкъ, подъ руководствомъ нелюбимаго сухого педанта-преподавателя, опротивѣлъ Петру на всю жизнь, такъ что даже впослѣдствіи, будучи уже объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола и достигнувъ совершеннолѣтія, онъ не выносилъ въ своей библіотекѣ книгъ на латинскомъ языкѣ и рѣшительно запрещалъ таковыя покупать себѣ.

По смерти отца (1738 г.), десятилѣтній принцъ былъ взятъ подъ опеку дядей, принцемъ Адольфомъ, епископомъ Эйтенскимъ, возведеннымъ впослѣдствіи на шведскій престолъ. Въ домѣ дяди воспитаніе сироты было поставлено въ еще худшія условія для его умственнаго развитія, при чемъ носило на себѣ усиленно-грубый солдатскій характеръ, каковымъ отличались въ то время всѣ маленькіе нѣмецкіе дворы. Но здѣсь ему пришлось прожить недолго.

Въ 1741 г., когда Елизавета Петровна заняла родительскій престолъ, она немедленно вызвала къ себѣ изъза границы родного племянника, котораго рѣшила подготовить къ обязанностямъ будущаго правителя русскаго государства и возвести его на престолъ Петра Великаго. Благодаря этому событію, четырнадцатилѣтній Петръ явился одновременно кандидатомъ на два престола: по родственнымъ связямъ и договорамъ отца онъ считался кандидатомъ на шведскій тронъ, а по крови матери и желаніямъ родной тетки онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола.

VI.

Встрѣча царственной тетки съ племянникомъ была очень трогательная. Елизавета Петровна, какъ женщина добраго и нѣжнаго сердца, была несказанно рада видѣть около себя сына сестры и единственнаго представителя рода ея незабвеннаго родителя. Ее огорчалъ только болѣзненный, хилый видъ прибывшаго принца, а также поразило то обстоятельство, что мальчикъ до сихъ поръ ничему серьезно не научился. Поэтому она съ перваго же раза поручила своимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ доставить ей нѣсколько новѣйшихъ плановъ европейскаго воспитанія. Одинъ изъ такихъ плановъ, составленный академикомъ Штеллинымъ, былъ ею одобренъ, и она поручила этому ученому заняться образованіемъ племянника. Представляя Штеллина Петру, государыня сказала:

— Я вижу, что его высочество часто скучаетъ и долженъ еще научиться многому хорошему: и потому приставляю къ нему человѣка, который займетъ его полезно и пріятно.

На первыхъ порахъ было обращено особенное вниманіе на изученіе русскаго и французскаго языковъ. Замѣтивъ въ воспитанникѣ особенное пристрастіе ко всему военному, Штеллинъ, чтобы пріучить его въ первое время къ процессу занятій, поступалъ такъ. Онъ прочитывалъ съ нимъ книги съ картинами, въ особенности, — съ изображеніемъ крѣпостей, осадныхъ и инженерныхъ орудій; дѣлалъ разныя математическія модели въ маломъ видѣ и на большомъ столѣ устраивалъ изъ нихъ полные опыты. На урокъ, по временамъ, онъ приносилъ старинныя русскія монеты, при чемъ наставникъ объяснялъ ученику древнюю русскую исторію, а по медалямъ Петра I— новѣйшую исторію государства. Два раза въ недѣлю Штеллинъ читалъ ему иностранныя газеты и незамѣтно знакомилъ его съ исторіей европейскихъ державъ; при этомъ занималъ его ландкартами иностранныхъ государствъ и показывалъ положеніе ихъ на глобусѣ; знакомилъ съ планами, чертежами и проч., разсматривалъ планъ комнатъ наслѣдника и всего дворца съ прочими

ЯКОВЪ ШТЕЛЛИНЪ.

строеніями, далѣе планъ Москвы вообще и Кремля въ особенности. Когда Петръ уставалъ, Штеллинъ разгуливалъ съ нимъ по комнатамъ, стараясь въ то же время наполнить время какими-нибудь полезными разговорами.

Методъ и пріемы воспитанія, выбранные для будущаго наслѣдника профессоромъ, могли принести несомнѣнную пользу, если бы онъ встрѣчалъ въ своихъ задачахъ поддержку со стороны окружающихъ. Къ сожалѣнію, этого не было. Слишкомъ шумная, наполненная весельемъ и забавами жизнь тогдашняго двора, постоянно разлучала воспитателя съ воспитанникомъ, который, по желанію тетки, обязательно долженъ былъ принимать участіе во всѣхъ балахъ, маскарадахъ и празднествахъ. Кромѣ Елизаветы Петровны, не умѣвшей стоять на высотѣ воспитательной задачи, Штеллинъ встрѣчалъ для себя помѣху и въ другихъ, приставленныхъ къ великому князю, лицахъ, прибывшихъ съ нимъ изъ Голштиніи, въ особенности, — со стороны гофмаршала Брюммера. Этотъ чванный и надменный нѣмецъ, заправлявшій всѣмъ воспитаніемъ молодого принца, не умѣлъ расположить его къ себѣ, оскорблялъ его самолюбіе, обижалъ и не прилагалъ никакого старанія сдѣлать что-нибудь полезное племяннику Елизаветы. У послѣдняго не было никакого хорошаго общества сверстниковъ, и все свое время, свободное отъ уроковъ или придворныхъ увеселеній, онъ проводилъ въ обществѣ лакеевъ, карлика Андрея и егеря Бастіана, который обучалъ его игрѣ на скрипкѣ. Чтеніе, занятія науками не привлекали малоразвитаго и малоспособнаго голштинскаго принца, и онъ, по воспоминаніямъ и привычкѣ прежнихъ лѣтъ, всему предпочиталъ игру въ оловянные солдатики, въ фантастическія кукольныя военныя упражненія и таковыя же войны. Эти игры продолжались даже послѣ его женитьбы и по достиженіи имъ совершеннолѣтія.

Профессоръ, не имѣя возможности устранить эти странныя упражненія внѣ учебныхъ занятій, чтобъ представить ихъ смѣшными для четырнадцатилѣтняго юноши, составилъ имъ списокъ и, по прошествіи полугода, прочитавъ ихъ принцу, спросилъ его: — «Что подумаетъ свѣтъ о его высочествѣ, если прочтетъ этотъ списокъ его времяпрепровожденія?» Это, однако, не устранило пустыхъ игрушекъ, и забавы продолжались по временамъ съ разными измѣненіями. Едва можно было спасти отъ нихъ утренніе и послѣобѣденные часы, назначенные для ученія. Послѣднее шло поперемѣнно,—то съ охотою, то безъ охоты, то со вниманіемъ, то съ разсѣянностью. Вотъ, краткая выдержка изъ дневника классныхъ занятій, который велъ аккуратно Штеллинъ, и изъ коего всего нагляднѣе видно, куда направлялись вниманіе и симпатіи царственнаго ученика.

1743		УРОКИ	Отмѣтки
Окт. дня	Часы		
6	до обѣда	. . . . .	. . . . .
	послѣ —	составили профиль по данной линіи на планѣ	очень хорошо
7	до обѣда	начали читать о Даніи	съ нуждой
	послѣ —	еще рисовали по старо-голландскому плану профили, чтобъ исполнить прежнюю ошибку	неутомимо
8	до обѣда	. . . . .	. . . . .
	послѣ —	продолжали исторію самозванцевъ съ показаніемъ выгодъ, какія хотѣли себѣ извлечь изъ Россіи сосѣднія державы, и частію извлекли	совершенно легкомысленно
9	. . . . .	. . . . .	. . . . .
10	до обѣда	по случаю поздняго начатія занимались съ полчаса древнею исторіею Даніи до Вольдемара III	буйно
	послѣ —	профиль съ плана по Когорну	прекрасно

Этотъ дневникъ явно свидѣтельствуетъ, что науки гражданскія рѣшительно не удовлетворяли вкусамъ ученика, и его исключительныя симпатіи лежали на сторонѣ наукъ военныхъ.

Уроки практической математики, напримѣръ, фортификаціи и проч. инженерныхъ укрѣпленій, шли еще правильнѣе прочихъ, потому что отзывались военнымъ дѣломъ. Въ прочіе же дни, когда преподавались исторія, нравственность, статистика и государственныя науки, Петръ былъ невнимателенъ, разсѣянъ и капризенъ.

Въ тотъ годъ, впрочемъ, изъ коего приведенъ выше отрывокъ учебнаго дневника, уроки были болѣе упорядочены, и особенно было обращено вниманіе на уроки закона Божія и русской словесности, коимъ начали посвящать всякій день по два часа, отъ 8 до 10 утра. Іеромонаху Тодорскому было приказано торопиться въ видахъ предстоящаго мѵропомазанія Петра съ обученіемъ его православному катехизису. Чтобъ покончить счеты съ Голштинскимъ происхожденіемъ и проистекающими отсюда его правами на шведскій престолъ, Елизавета Петровна, рѣшивъ сдѣлать племянника своимъ наслѣдникомъ, пріобщила его къ православной церкви и такимъ образомъ узаконила его права на дѣдовскій престолъ. Карлъ-Петръ-Ульрихъ, по смерти матери, былъ воспитываемъ, какъ кандидатъ на шведскій тронъ, въ лютеранствѣ, а теперь, по желанію тетки, изъ видовъ политическихъ, снова былъ возвращенъ православной церкви. Прямымъ слѣдствіемъ этого было то, что, когда по смерти короля шведскаго, представители отъ тамошнихъ государственныхъ чиновъ привезли великому князю предложеніе принять корону Швеціи, такое предложеніе оказалось уже запоздалымъ и несбыточнымъ: племянникъ Елизаветы оказался уже мѵропомазаннымъ

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.
(Современный портретъ).

въ православіе, съ нареченіемъ имени Петра Ѳеодоровича, и объявленнымъ прямымъ наслѣдникомъ русской государыни.

VII.

Кромѣ русскаго языка и закона Божія, остальные предметы распредѣлялись въ программѣ обученія такъ: по глобусу проходили математическую географію, учили исторію сосѣднихъ государствъ; два раза въ недѣлю объяснялись хронологія и положеніе текущихъ государственныхъ дѣлъ, по указанію ея величества и канцлера Бестужева; изучали любимѣйшіе предметы великаго князя—фортификацію и основанія артиллеріи, съ обозрѣніемъ существующихъ европейскихъ укрѣпленій. Елизавета Петровна, поощряя занятія племянника, сдѣлала ему чрезвычайно любопытный подарокъ. Для него былъ заказанъ фортификаціонный кабинетъ, въ которомъ въ 24 ящикахъ (въ родѣ англійскаго бюро) находились всѣ роды и методы укрѣпленій, начиная съ древнихъ римскихъ до современныхъ, съ подземными ходами, минами, частью во всемъ протяженіи, частью въ многоугольникахъ. Для ознакомленія съ укрѣпленіями русскаго государства великому князю выдавалась большая тайная книга, подъ названіемъ «Сила Имперіи», гдѣ были изображены всѣ наши крѣпости, отъ Риги до турецкихъ, персидскихъ и китайскихъ границъ, въ планѣ и профиляхъ, съ обозначеніемъ ихъ положенія и окрестностей. Въ связи съ изученіемъ содержанія этой книги, Штеллинъ тутъ же давалъ ему свѣдѣнія по исторіи и географіи Россіи. По вечерамъ, когда во дворецъ не было съѣзда, что́, впрочемъ, случалось рѣдко, наставникъ знакомилъ великаго князя съ сочиненіями и любопытными рисунками гражданской и военной архитектуры, какъ равно со взятыми изъ академіи наукъ математическими и физическими инструментами, моделями

изъ кунсткамеры, естественными предметами изъ трехъ царствъ природы. Иногда для удовольствія великаго князя устраивали маленькую охоту. Онъ выучился при этомъ стрѣлять изъ ружья и дошелъ до того, что могъ, хотя болѣе изъ самолюбія, чѣмъ изъ удовольствія, застрѣлить на лету ласточку. Пріучали его и къ пушечному огню; но онъ всегда чувствовалъ страхъ при стрѣльбѣ и охотѣ, особенно когда долженъ былъ подходить ближе. Его нельзя было принудить подойти или пройти мимо, поближе другихъ, къ медвѣдю, лежащему на цѣпи, которому каждый безъ опасности давалъ изъ рукъ хлѣба.

Не отличаясь смѣлостью и неустрашимостью, онъ не сумѣлъ развить въ себѣ ловкости и гибкости. Его члены тѣла огрубѣли въ маршировкѣ еще на родинѣ, и танцмейстеру Лауде стоило немалыхъ трудовъ обучить его хоть какъ-нибудь характернымъ и балетнымъ танцамъ, въ которыхъ была такая мастерица его тетка. Онъ рѣшительно не годился въ свѣтскіе кавалеры, и дворцовые балы не доставляли ему никакого удовольствія; онъ предпочиталъ имъ военные парады и церемоніальные марши.

Не особенно успѣшно шли и занятія языками: преподаватель русскаго языка, Исаакъ Веселовскій, почему-то ходилъ на уроки рѣдко, а потомъ и совсѣмъ прекратилъ свои посѣщенія. Это обстоятельство послужило къ тому, что Петръ Ѳеодоровичъ очень плохо усвоилъ себѣ русскую рѣчь, не любилъ этого языка, предпочитая, даже будучи русскимъ императоромъ, читать, писать и вообще вести бесѣды на болѣе ему родственномъ нѣмецкомъ языкѣ.

До насъ дошла одна работа 15-тилѣтняго Петра, написанная сначала по-нѣмецки и затѣмъ переведенная по-русски; отсюда можно наглядно убѣдиться, какъ

слабъ былъ молодой наслѣдникъ въ русской орѳографіи и съ какимъ трудомъ давалась ему русская рѣчь. Вотъ отрывокъ изъ этой работы:

Краткие Вѣдомости
о путешествіи Ея Императорскаго величества въ Кронстадтъ.
1743. Мѣсяца Майя.

Переводилъ изъ немецкаго на русское Петръ.

«Впрошлую середу в четвертомъ день сего месеца, Ея Императорское Величество изволила въ препровожденіемъ моемъ и великаго числа снатнихъ двора особъ такожде детошементомъ конной гвардіи отъ суда ехать въ свои увеселительной замокъ Петергофъ.

«И когда Ея Величество въ дороге къ некоторомъ приморскомъ дворѣ съ часъ времени пробыть изволила то потомъ во второмъ часу по полудни въ Петергофъ прибыла и изъ 51 тамошнихъ пушекъ поздравствована.

«Ея Императ: вел: изволила сама пересматривать комнаты и квартеры разделить. Въ 3-мъ часу, она изволила публично кушать и после того выпочивавшись во дворц. съ прочими забавлялась.

«На другой день по утру все были къ руки Ея Импер: вел:, и после обеда для непокойной погоды ни гдѣ не гуляли и опять для препровождение времяни играли в карты.

«Въ Пятницу, после обѣда государиня изволила утешатся гуленіемъ въ садахъ и павилионахъ и вечеру играниемъ въ карты во дворце.

«Въ Суботу очень рано все готово было къ отъѣзду Ея Вел: въ Кронстатъ. Въ девятомъ часу Ея Импер: вел: изволила изъ Петергофу въ Ораниенъ Боумъ поѣхать. Тамъ изволила сесть въ шлупку двенадцать веселною и щастливо въ Кронстату переѣхать»

и т. д.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ III.
(Съ современной гравюры).

Начавъ учиться на тринадцатомъ году отъ рожденія, когда лучшее время ученія уже было упущено, Петръ Ѳеодоровичъ медленно и слабо подвигался въ своемъ развитіи. Кромѣ отсутствія хорошихъ природныхъ способностей, не малымъ препятствіемъ къ успѣшному ученію служилъ и самый порядокъ жизни, установленный при дворѣ Елизаветы Петровны, а еще болѣе слабость юношескаго организма и склонность къ частымъ заболѣваніямъ; доктора, къ нему приставленные, слишкомъ произвольно и безъ достаточной нужды кормили великаго князя сильно-дѣйствующими лекарствами, которыя изнуряли и ослабляли его тщедушное тѣло. Наслѣдникъ перенесъ въ самое короткое время нѣсколько изнурительныхъ болѣзней—продолжительную лихорадку, оспу, грозившія каждый разъ даже прекращеніемъ его дней. Елизавета Петровна, любившая племянника, несмотря на всѣ его недостатки и слабости, чрезвычайно тревожилась его болѣзненнымъ состояніемъ, ходила за нимъ, лечила сама старинными способами и дѣлала распоряженія о прекращеніи на долгое время всякихъ занятій. Оставаясь въ эти перерывы отъ уроковъ внѣ добраго вліянія просвѣщеннаго наставника, Петръ Ѳеодоровичъ снова сближался съ людьми грубыми и терялъ пріобрѣтенныя съ такимъ трудомъ знанія. Удаленіе на продолжительное время отъ занятій имѣло и иныя печальныя послѣдствія,—у великаго князя слишкомъ сильно и односторонне развивались воображеніе и фантазія, что ставило его подчасъ въ фальшивое положеніе по отношенію окружающихъ. Такъ, онъ неоднократно принимался разсказывать имъ о своемъ участіи вмѣстѣ съ голштинскими войсками въ какихъ-то сраженіяхъ, не имѣвшихъ себѣ, однако, оправданія и подтвержденія въ фактахъ исторіи.

Неблагопріятно вліяли на характеръ Петра и при-

ближенные къ нему гофмаршалъ фонъ-Брюммеръ и камергеръ фонъ-Берхгольцъ, которые привезли съ собою изъ Голштиніи грубые пріемы обращенія, надменность и презрѣніе ко всему русскому. Эти господа содѣйствовали развитію въ великомъ князѣ вспыльчивости, раздражительности и крайней нервности. Такимъ образомъ, великій князь по условіямъ жизни, съ самаго ранняго дѣтства, и въ своемъ первоначальномъ отечествѣ, и по пріѣздѣ въ Россію, постоянно наталкивался на неблагопріятныя обстоятельства, которыя препятствовали правильному ходу развитія всѣхъ его душевныхъ способностей. Доброе вліяніе и полезныя начинанія Штеллина постоянно разбивались о безпечное и недоброе отношеніе къ молодому великому князю другихъ приближенныхъ лицъ. Нельзя, однако, не отмѣтить, что, съ своей стороны, Елизавета Петровна, въ предѣлахъ пониманія и силъ, старалась поощрять учебныя занятія племянника и каждый разъ, видя его успѣхи или заставая его за работой, считала долгомъ приласкать, похвалить и наградить племянника.

Въ 1745 г. онъ былъ обвѣнчанъ съ принцессою Ангальтъ-Цербстскою, Софіей-Августой, нареченной при переходѣ въ православіе Екатериной Алексѣевной, отъ какового брака черезъ нѣсколько лѣтъ у него родился цесаревичъ Павелъ.

Въ декабрѣ 1761 г. Елизавета Петровна скончалась, передавъ права на престолъ племяннику, который и принялъ бразды правленія, подъ именемъ императора Петра III. Но его царствованіе продолжалось не долго. Въ концѣ іюня 1762 года онъ отрекся отъ престола и вслѣдъ затѣмъ скончался. Государыней была объявлена его супруга, Екатерина Алексѣевна, которая и вступила на престолъ подъ именемъ Екатерины II.

IV. Екатерина II и ея сынъ.

I.

21 АПРѢЛЯ 1729 года въ нѣмецкомъ городѣ Штетинѣ, у командира прусскаго пѣхотнаго № 8 полка, принца Ангальтъ-Цербстскаго, Христіана-Августа и его жены, Голштинъ-Готторпской принцессы, Іоганны-Елизаветы, родилась дочь, нареченная при св. крещеніи именемъ Софіи-Августы-Фредерики. Это событіе въ свое время не привлекло ничьего особеннаго вниманія, и никому въ голову не приходило, что новорожденной дочкѣ бѣднаго нѣмецкаго принца, — прусскаго генерала, суждено будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ вступить въ родство съ представителями власти обширнѣйшей монархіи, стать у кормила правленія и пріобрѣсти въ исторіи европейскихъ народовъ громкое и славное имя просвѣщеннѣйшей государыни.

Дѣтство Софіи-Фредерики прошло довольно блѣдно, и будущность, повидимому, не сулила ей ничего заманчиваго. Когда отецъ ея получилъ мѣсто коменданта Штетинской крѣпости и губернатора этого города, семья переѣхала на жительство въ мѣстный старинный

замокъ, гдѣ маленькая Софія-Фредерика была помѣщена, вмѣстѣ съ няней и гувернанткою, въ трехъ комнатахъ, рядомъ съ колокольнею придворной церкви. Мать ея мало обращала вниманія на воспитаніе дочери, раза два-три въ день, ненадолго, видѣла ее, и Софія-Августа росла всецѣло на попеченіи своей гувернантки, г-жи Кардель, живой и умной француженки. Принцесса Іоганна-Елизавета держала дочь въ совершенной простотѣ, относилась къ ней сурово, требуя отъ нея безусловнаго повиновенія, преслѣдуя проявленія въ ней заносчивости и гордости, а въ особенности — лжи. Въ свободное отъ занятій время, будущая русская императрица играла въ городскомъ саду съ дѣтьми простыхъ горожанъ и отъ души и въ волю рѣзвилась со сверстницами на городскихъ гуляньяхъ. Во время игръ она всегда стремилась брать на себя роль коновода и предводителя, при чемъ любимымъ ея занятіемъ была стрѣльба.

Наружность принцессы въ то время тоже не представляла ничего выдающагося: она была хорошо сложена, отличалась благородною осанкою, ловкостью и высокимъ, не по годамъ, ростомъ. Выраженіе лица не было красиво, но очень пріятно, при чемъ открытый взглядъ и ласковая улыбка придавали ей особую привлекательность.

Надзоръ и обученіе Софіи-Фредерики были поручены француженкѣ Кардель, придворному проповѣднику Перору, учителю рисованія Лорану, учителю нѣмецкаго языка Вагнеру, лютеранскому законоучителю, пастору Дове, и учителю музыки Реллигу; кромѣ этихъ лицъ, при ней состоялъ еще французъ, учитель танцевъ. Наибольшимъ расположеніемъ принцессы и вліяніемъ на нее пользовалась г-жа Кардель. Очень начитанная женщина, но сама серьезно ничему не учившаяся, гувер-

нантка сумѣла пріохотить свою воспитанницу къ чтенію французскихъ классиковъ-драматурговъ, Расина, Корнеля, Мольера, а также выработала въ ней вѣжливость и привѣтливость обращенія. Успѣшно шли равнымъ образомъ занятія принцессы съ учителемъ чистописанія, но за то уроки музыки у Реллига не пошли ей въ прокъ, и будущая Екатерина II до конца дней своихъ такъ и осталась чужда этой области искусства.

Софія-Фредерика относилась къ занятіямъ прилежно, вникала въ смыслъ бесѣдъ преподавателей, но всегда стремилась дѣлать изъ пріобрѣтаемыхъ знаній самостоятельные выводы. Это заслужило ей въ глазахъ педагоговъ репутацію дѣвушки, что называется, — «себѣ на умѣ», относящейся ко всему критически и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

Скудная программа образованія принцессы нашла себѣ, однако, нѣкоторое дополненіе въ случайныхъ путешествіяхъ съ родителями, которыя и имѣли безспорно благотворное вліяніе на развитіе ея мыслительныхъ способностей и на расширеніе ея умственнаго кругозора. Такихъ путешествій, имѣвшихъ особенное вліяніе на ея образовательное развитіе, ей пришлось въ дѣтствѣ сдѣлать нѣсколько: въ Эйтенъ, Гамбургъ и Берлинъ. Въ Эйтенѣ она, будучи десяти лѣтъ отъ роду, познакомилась при дворѣ епископа, со своимъ троюроднымъ братомъ, одиннадцатилѣтнимъ герцогомъ Голштинскимъ, Петромъ-Ульрихомъ, будущимъ русскимъ императоромъ и своимъ супругомъ, Петромъ III. Маленькій герцогъ не вызвалъ особыхъ симпатій Цербстской принцессы. Онъ поразилъ ее своимъ болѣзненнымъ, хилымъ видомъ.

Въ Гамбургѣ на нее обратилъ особенное вниманіе племянникъ шведскаго министра, графъ Гюлленборгъ,

который, видя, какъ принцесса Іоганна-Елизавета посвящаетъ мало времени своей дочери, сказалъ ей, что Софія-Фредерика—дѣвочка выдающаяся, развитая не по лѣтамъ, и что она заслуживаетъ большихъ родительскихъ попеченій. Но, несмотря на такой отзывъ, никто, однако, не думалъ, что маленькая Цербстская принцесса современемъ возвысится надъ всею роднею своимъ положеніемъ и своими природными способностями. Въ ней видѣли лишь холодный умъ, нѣкоторую наблюдательность, но, въ общемъ, считали ее натурою обыкновенною, которой, вѣроятно, суждено будетъ сдѣлаться доброю женою какого-нибудь мелкопомѣстнаго нѣмецкаго принца и окончить жизнь въ неизвѣстности. Впрочемъ, тогда еще одинъ каноникъ—Менгденъ—предсказалъ ей славную будущность, заявивъ матери, что онъ видитъ, по гаданію, на лбу ея дочери цѣлыхъ три короны. Но никто, конечно, не придалъ этимъ предсказаніямъ серьезнаго значенія, пока сама судьба не сложилась, дѣйствительно, въ пользу маленькой Ангальтъ-Цербстской принцессы.

II.

Въ очеркѣ «Законные наслѣдники Петра I» было разсказано, какимъ образомъ Голштинскій принцъ Петръ-Ульрихъ занялъ, по волѣ тетки, престолъ своего великаго дѣда. Вскорѣ по прибытіи племянника въ Россію, Елизавета Петровна, обдумывавшая необходимость его будущаго брака съ одною изъ дочерей царскаго рода кого-либо изъ сосѣднихъ державъ, пожелала, чтобы Ангальтъ-Цербстская принцесса съ дочерью пожаловала къ ея двору. Русская императрица, считавшаяся въ свое время невѣстою безвременно угасшаго брата Іоганны-Елизаветы, заочно переносила на сестру своего покой-

наго жениха чувство нѣжности, почему и сдѣлала распоряженіе о доставленіи ей портрета тринадцатилѣтней Софіи-Фредерики. Наружность послѣдней пришлась по душѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и она, несмотря на многочисленные происки приближенныхъ, рѣшила повѣнчать племянника съ его троюродной сестрой, бѣдной Цербстской принцессой.

Вызовъ ко двору могущественной русской императрицы, какъ нельзя болѣе, обрадовалъ честолюбивую Іоганну-Елизавету, и она, поощряемая родными, а еще болѣе — прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, окруженная скромною свитою, зимою 1744 г., прибыла въ Россію. Здѣсь, сначала въ Петербургѣ, а потомъ—въ Москвѣ, гдѣ въ то время пребывалъ дворъ Елизаветы Петровны, она была принята воистину по-царски и породственному: и она сама, а въ особенности ея дочь, скромная, благовоспитанная и миловидная Софія-Фредерика, понравились государынѣ, и судьба внука Петра I была рѣшена, безъ всякаго спроса и воли его. Несмотря на то, что ни Петръ Ѳеодоровичъ не чувствовалъ никакого влеченія къ пріѣзжей невѣстѣ, нареченной при мѵропомазаніи по принятіи православія, Екатериной, ни послѣдняя—къ своему жениху, бракосочетаніе ихъ было совершено 25 августа 1745 г., когда Петру шелъ 18-й, а Ангальтъ-Цербстской принцессѣ—17-й годъ.

Это раннее супружество во всѣхъ отношеніяхъ было несчастливымъ, хотя сердце Елизаветы Петровны и было порадовано рожденіемъ внука Павла, въ лицѣ котораго родъ Петра Великаго окончательно упрочился на русскомъ престолѣ. Молодые супруги имѣли мало между собою общаго и сильно различались, какъ по характеру и воспитанію, такъ и по умственному развитію и наклонностямъ. Въ то время, какъ наслѣдникъ

Елизаве́ты Петровны, къ вящшему огорченію любившей его тетки, рѣшительно не желалъ подумать о будущемъ предстоявшемъ ему положеніи, — иначе относилась къ дѣлу своего самообразованія и самовоспитанія его молодая жена.

Сознавая всю недостаточность полученнаго ею образованія, она, съ пріѣзда въ Россію и вплоть до вступленія на престолъ, употребляла всѣ силы къ тому, чтобы стать достойною выпавшаго ей жребія и стремилась при помощи серьезнаго самообразованія, восполнить тѣ пробѣлы, которые оставили въ ея развитіи и знаніяхъ скудные уроки прежнихъ учителей и гувернантки Кардель. Успѣхи, достигнутые Екатериною, наглядно убѣждаютъ насъ, что человѣкъ, при напряженіи сильной воли и энергіи, можетъ всегда воспитать самого себя и расширить свой умственный кругозоръ, не прибѣгая для того къ чужой помощи и чужому труду. Подобно тому, какъ нѣкогда Петръ I, сознавъ свое невѣжество, употребилъ всѣ силы, чтобы выйти изъ мрака къ свѣту, такъ и Екатерина, предоставивъ своему супругу времяпрепровожденіе посреди забавъ и веселья, прилежно садится за книгу и, ко времени принятія на себя обязанностей самодержавной правительницы, успѣваетъ сдѣлаться одною изъ самыхъ просвѣщенныхъ женщинъ не только Россіи, но и цѣлой Европы.

Поэтому, хотя въ настоящихъ очеркахъ рѣчь идетъ лишь о томъ возрастѣ царскихъ дѣтей, преимущественно несовершеннолѣтнемъ, когда складывался ихъ характеръ, подъ вліяніемъ ученія и классныхъ занятій, намъ, однако, о Екатеринѣ приходится говорить въ ея зрѣломъ уже возрастѣ, употребленномъ ею на саморазвитіе и самообразованіе, почти безъ всякихъ руководителей и наставниковъ. Но и въ этомъ процессѣ само-

образованія и самовоспитанія рѣзко отмѣчается нѣсколько періодовъ, имѣющихъ каждый особое значеніе и носящихъ различный характеръ.

Въ первый періодъ она, при помощи двухъ-трехъ компетентныхъ лицъ, знакомится съ русской жизнью, съ русскимъ языкомъ и православнымъ исповѣданіемъ. Во второй періодъ она страстно набрасывается на чтеніе западно-европейской беллетристики и, наконецъ, въ третій—знакомится съ выдающимися современными иностранными учеными—историками и философами—и на ихъ произведеніяхъ укрѣпляетъ свой умъ и расширяетъ свой духовный горизонтъ.

III.

Когда пятнадцатилѣтняя Софія-Фредерика покидала родительскій домъ, то отецъ ея, Христіанъ-Августъ, снабдилъ ее небольшою рукописью — «На память», гдѣ изложилъ нѣкоторыя наставленія, коими дочь должна руководиться въ жизни при дворѣ русской государыни и въ качествѣ будущей супруги наслѣдника престола.

Въ этой «запискѣ» Христіанъ-Августъ говоритъ прежде всего о придворныхъ отношеніяхъ дочери: «Такъ какъ жить и дѣйствовать въ чужой странѣ, управляемой государемъ, не имѣя близкаго довѣреннаго лица, есть дѣло весьма щекотливое,—пишетъ онъ,—то, послѣ старательной молитвы, болѣе всего слѣдуетъ рекомендовать дочери, чтобы она униженно оказывала ея императорскому величеству всевозможное уваженіе и, послѣ Господа Бога, величайшее почтеніе и готовность къ услугамъ, какъ вслѣдствіе ея неограниченной власти, такъ и ради признанія благодѣяній, хотя бы и съ пожертвованіемъ своей собственной жизни, главнымъ же

образомъ, по правилу: дѣлай то, что ты хочешь, чтобъ съ самимъ тобою случилось въ будущемъ. Послѣ ея императорскаго величества дочь моя болѣе всего должна уважать великаго князя, какъ господина, отца и повелителя, и при всякомъ случаѣ угодливостью и нѣжностью снискивать его довѣренность и любовь. Государя и его волю предпочитать всѣмъ удовольствіямъ и ставить выше всего на свѣтѣ; не дѣлать ничего, что ему неугодно или что можетъ причинить ему малѣйшее неудовольствіе, и не настаивать на собственномъ желаніи».

Остальныя нравоученія отца дочери имѣли то же назначеніе—пріучить ее къ повиновенію чужой волѣ, къ полнѣйшему отреченію отъ своего личнаго «я». Но обстоятельства жизни молодой принцессы сложились такъ, что наставленія отца оказались неприложимыми къ дѣлу. Хотя она, по своему положенію, въ значительной степени и подчинялась желаніямъ и распоряженіямъ Елизаветы Петровны, но, по отношенію великаго князя, вскорѣ очутилась въ положеніи главы дома и даже государства.

По пріѣздѣ въ Россію, наблюдательная принцесса Софія вскорѣ поняла всю трудность своего положенія при дворѣ Елизаветы. На первыхъ же порахъ, она усиленно начала готовиться къ принятію новой вѣры и къ овладѣнію трудной русской рѣчью. Къ ней приставляютъ тѣхъ же учителей, которые занимались и съ Петромъ Ѳеодоровичемъ, а именно: Ададурова—для уроковъ русскаго языка и Симона Тодорскаго — для православнаго Закона Божьяго. Ученица съ энергіей берется за изученіе этихъ предметовъ и, чтобы скорѣе достичь намѣченной цѣли, по ночамъ поднимается съ постели и, разгуливая на босу ногу по холодному полу, прилежно твердитъ замысловатую тогдашнюю азбуку и склады:

буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва и т. д. Слѣдствіемъ такихъ усиленныхъ ночныхъ занятій было,—что Екатерина сильно простудилась и слегла, больная, въ постель; но это же обстоятельство, т.-е. заболѣваніе отъ усиленныхъ занятій сослужило ей и добрую службу: всѣ окружающіе, не исключая и государыни, убѣдились, какъ энергично она стремится сблизиться съ новымъ отечествомъ и какъ серьезно и добросовѣстно относится къ своему положенію.

Больная сочла необходимымъ угодить Елизаветѣ Петровнѣ настолько, что когда въ день кризиса ей было предложено побесѣдовать съ нѣмецкимъ пасторомъ, она отказалась и пожелала, чтобы къ ней былъ приглашенъ о. Тодорскій. Такой поступокъ принцессы привелъ всѣхъ придворныхъ въ восхищеніе, и положеніе ея при дворѣ окончательно упрочилось. Съ этого времени о ней начали даже печатать въ тогдашней газетѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщенія, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Молодая принцесса показываетъ великую охоту къ знанію русскаго языка и на изученіе онаго ежедневно по нѣскольку часовъ употреблять изволитъ». Тутъ же было сказано о «неусыпной терпѣливости» невѣсты наслѣдника во время болѣзни.

Всѣ эти обстоятельства приносили желанные ей результаты, и вскорѣ всѣ стали смотрѣть на нее съ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ. Ознакомленіе ея съ православіемъ совершилось быстро, и вскорѣ она ясно и отчетливо могла произносить русскія молитвы и православный Символъ вѣры. Съ неменьшимъ успѣхомъ шли ея занятія и русскимъ языкомъ у Ададурова, чему не мало помогало то, что принцесса постоянно практиковалась въ русской разговорной рѣчи.

Въ іюнѣ 1744 г. принцесса Софія была торжественно мyропомазана, при чемъ, по полученіи отъ Новгород-

скаго архіепископа Амвросія, благословенія, она яснымъ и твердымъ голосомъ и чисто русскимъ языкомъ произнесла Символъ вѣры, не запнувшись ни на единомъ словѣ, и на всѣ вопросы архіепископа отвѣчала съ увѣренностью и твердостью. Своимъ поведеніемъ въ церкви, новонареченная великая княжна Екатерина Алексѣевна привела всѣхъ въ восторгъ и удостоилась въ тотъ же день полученія отъ Елизаветы Петровны богатыхъ подарковъ.

25 августа 1745 г. состоялось, при великолѣпной обстановкѣ, ея бракосочетаніе съ наслѣдникомъ русскаго престола, по церемоніальному образцу свадьбы французскаго дофина въ Версалѣ и польскаго, Августа II, въ Дрезденѣ. Но, вступивъ въ семью русскаго царственнаго дома, Екатерина Алексѣевна оставалась здѣсь одинокой; она замкнулась въ себя, и единственнымъ духовнымъ наслажденіемъ ея въ это время и явными, неразлучными друзьями сдѣлались *книги*, авторы тѣхъ многочисленныхъ произведеній иностранной словесности, которые приковывали къ себѣ вниманіе въ то время передового заграничнаго общества.

IV.

Въ первое время своего замужества Екатерина Алексѣевна читала исключительно беллетристическія произведенія французской словесности, изъ числа которыхъ на нее произвели особенное впечатлѣніе «Письма г-жи Савинье» своей правдивостью, веселостью и живостью изложенія. Отъ этихъ писемъ она перешла къ Вольтеру. Затѣмъ, въ теченіе 1747—48 гг., она прочитала два обширныхъ историческихъ труда — «Исторію Генриха Великаго» Перификса, «Исторію Германіи» о. Барра и записки Брантома.

Это историческое чтеніе поставило ее лицомъ къ лицу съ жизнью европейскихъ народовъ, познакомило съ галлереей портретовъ выдающихся людей Запада — королей, военноначальниковъ, знаменитыхъ дамъ. Ея любимымъ героемъ сдѣлался Генрихъ IV, котораго она считала и въ позднѣйшіе годы своей жизни величайшимъ полководцемъ, примѣрнымъ государемъ и умнѣйшимъ человѣкомъ; съ нимъ она мечтала встрѣтиться «на томъ свѣтѣ», усматривая въ этомъ величайшую себѣ награду. Послѣ этихъ историческихъ трудовъ Екатерина Алексѣевна съ замѣчательнымъ усердіемъ изучаетъ громаднѣйшій энциклопедическій словарь Беля, обнимающій собою послѣднее слово всѣхъ наукъ того времени—политическихъ, философскихъ и физико-математическихъ. Такимъ образомъ, при помощи указаннаго подбора чтенія, Екатерина успѣваетъ скопить обширный запасъ свѣдѣній по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія. Разобраться же въ этихъ свѣдѣніяхъ, привести ихъ въ порядокъ и систему, освѣтить ихъ свѣтомъ философской мысли помогаетъ ей знакомство съ твореніями французскихъ ученыхъ, чтенію которыхъ она посвящаетъ второй періодъ своего самообразованія.

Нѣкогда въ Гамбургѣ гр. Гюлленборгъ, въ бесѣдѣ съ Цербстской княгиней, упрекнулъ ее, что она обращаетъ слишкомъ мало вниманія на дочь, которая, по своему развитію и философскому складу ума, обнаруживаетъ даровитость натуры. Чрезъ пять лѣтъ тому же графу пришлось снова встрѣтиться съ когда-то маленькой принцессой, а нынѣ великой княгиней Екатериной Алексѣевной, но уже не въ Германіи, а въ Россіи. При встрѣчѣ, онъ поинтересовался, какъ идутъ ея занятія. Она сообщила ему программу своего чтенія и вообще умственнаго труда, на что онъ замѣтилъ ей:

— «Философъ въ 17 лѣтъ не можетъ познать са-

мого себя. Княгиня окружена такими рифами, среди которыхъ можно опасаться крушенія, если только душа не особо высокаго закала. Вашему высочеству необходимо питать душу возможно лучшимъ чтеніемъ, въ ин-

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

тересахъ котораго я беру на себя смѣлость рекомендовать вамъ прочесть «Жизнеописанія знаменитыхъ мужей Греціи и Рима» Плутарха, жизнь Цицерона и «Причины величія и паденія Римской республики» Монтескье».

Екатерина попросила Ададурова достать ей изъ

библіотеки Академіи Наукъ эти книги, но онѣ показались ей нѣсколько скучными и, во всякомъ случаѣ, малодоступными ея пониманію. Только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда она прошла уже обстоятельную школу беллетристическаго чтенія и легкаго историческаго, она обратилась къ сочиненіямъ, указаннымъ ей графомъ Гюлленборгомъ.

Прочитавъ одну серьезную книгу, великая княгиня поспѣшила обратиться къ другой, третьей, четвертой, почерпая въ каждомъ новомъ сочиненіи цѣлыя невѣдомыя откровенія, освѣщавшія ей яркимъ свѣтомъ значеніе событій всемірной исторіи. «Духъ законовъ» Монтескье, «Лѣтописи» Тацита, по собственному сознанію Екатерины, произвели совершенный переворотъ въ ея головѣ. Первое изъ этихъ произведеній она называла своей настольной книгой, какой оно должно быть, по ея мнѣнію, «для каждаго государя, обладающаго здравымъ смысломъ».

Не менѣе Монтескье произвелъ на нее сильное впечатлѣніе и Вольтеръ, сочиненіе котораго «Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ» окончательно уяснило ей ходъ исторической жизни народовъ. Вольтеръ надолго такъ сильно покорилъ ея умъ, что она считала себя ему обязанной чуть ли не всѣмъ своимъ образованіемъ. По этому предмету она однажды, даже впослѣдствіи, ставъ императрицею, писала нѣмецкому ученому, Гримму: «Вольтеръ—мой учитель; ему, или, вѣрнѣе, его сочиненіямъ, я обязана образованіемъ моего ума и головы. Я его ученица...» А самому Вольтеру, вскорѣ по своемъ вступленіи на престолъ, она такъ говорила въ письмѣ: «Могу васъ увѣрить, что съ 1746 года, когда я стала располагать своимъ временемъ, я чрезвычайно многимъ вамъ обязана. До того я читала одни романы, но случайно мнѣ попались ваши сочиненія; съ тѣхъ поръ я

не переставала ихъ читать и не хотѣла никакихъ книгъ, писанныхъ не такъ хорошо, и изъ которыхъ нельзя извлечь столько же пользы... Конечно, если у меня есть какія-нибудь свѣдѣнія, то ими я обязана вамъ».

Вообще Екатерина внимательно слѣдила за европейской серьезной литературой и спѣшила пріобрѣтать все, что тамъ выходило въ свѣтъ капитальнаго, изучая всѣ предметы настойчиво и серьезно.

ВОЛЬТЕРЪ.

На ряду съ этими занятіями, шло ея ознакомленіе и съ русской жизнью. Она сумѣла постичь въ совершенствѣ русскій языкъ, русскіе нравы, исторію нашего народа и ту скудную литературу, которая успѣла къ пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, однако, уже народиться.

V.

По счастію, никто не мѣшалъ великой княгинѣ пользоваться прелестью научнаго самообразованія и уходить всецѣло въ свѣтлый міръ идей и теорій. Мужъ ея почти все время былъ занятъ забавами, Елизавета

Петровна мало интересовалась ея внутреннимъ міромъ, новорожденный ребенокъ, Павелъ Петровичъ, съ перваго же момента своего появленія на свѣтъ, былъ у нея взятъ на попеченіе державной бабушкой. Не принимая никакого участія въ дѣлахъ государственныхъ, не зная обязанностей матери и супружеской дружбы, Екатерина Алексѣевна могла въ волю наслаждаться любимыми авторами, на чьихъ произведеніяхъ она научилась искусству управленія и знанія людей. Долгій и серьезный трудъ самообразованія, безъ руководителей и помощниковъ, выработалъ въ ней сильный характеръ и просвѣщенный умъ, стоявшій на высотѣ философскихъ требованій времени. Обязанная всѣмъ исключительно самой себѣ, она въ этомъ отношеніи въ значительной степени схожа въ судьбѣ съ великимъ преобразователемъ Россіи, Петромъ I. Подобно ему, она всего достигла личнымъ напряженіемъ воли и, съ дѣтства не подготовленная къ серьезной и отвѣтственной задачѣ управленія обширнѣйшей страной, сумѣла, однако, съ честью выйти изъ этого положенія и явила человѣчеству высокій образъ царственной труженицы, воистину достойной высокаго жребія, который, нѣкогда еще на родинѣ, ей предсказалъ нѣмецкій гадатель.

Въ 1762 г. Екатерина вступила на русскій престолъ съ опредѣленно сложившимися убѣжденіями и просвѣщенными цѣлями. Поэтому-то ея царствованіе и является какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ великаго дѣла Петра I — сближенія Россіи съ жизнью и интересами остальныхъ европейскихъ державъ, при чемъ во всѣхъ начинаніяхъ этого царствованія сама императрица, а не ея приближенные, является личною руководительницею и законодательницею. Оставляя въ сторонѣ оцѣнку значенія царствованія Екатерины II въ

полномъ его объемѣ, отмѣтимъ только, что сама государыня сумѣла быть постоянно въ курсѣ всѣхъ вопросовъ современной ей русской жизни, начиная со сложныхъ политическихъ отношеній къ сосѣднимъ державамъ и кончая самыми мелкими сторонами дѣла внутренняго управленія государствомъ. При ней Россія значительно расширила свои владѣнія, получила властный голосъ въ жизни европейскихъ народовъ, завела среднія и высшія учебныя заведенія, обогатилась литературой и журналистикой.

Благодаря прекрасному знанію русскаго языка, государыня подавала подданнымъ личный примѣръ литературнаго и ученаго труда, участвуя, какъ простая сотрудница, въ тогдашнихъ журналахъ и составляя даже занимательныя книжки и учебники для внуковъ. Она, особенно въ первое время своего царствованія, постоянно поддерживала сношенія съ представителями западно-европейской науки и литературы, сближала ихъ съ нашимъ отечествомъ и, въ то же время, знакомила русскую публику съ лучшими произведеніями европейской мысли. Она настолько сумѣла проникнуться русскимъ духомъ, что интересы Россіи всегда ставила выше всего и никогда не приносила ихъ въ жертву выгодамъ и интересамъ иноземцевъ. Многія добрыя стороны ея царствованія побудили русскій сенатъ поднести ей титулъ *великой* и позволили западно-европейскимъ мыслителямъ приравнять ее къ древней мудрой царицѣ Семирамидѣ. Всѣмъ этимъ Екатерина обязана была самой себѣ, своей энергіи и любви къ труду и просвѣщенію, для чего она и употребила всю молодость на самообразованіе, на просвѣщеніе ума и сердца.

Къ сожалѣнію, ей не удалось передать накопленныхъ знаній родному сыну, но зато она не мало поло-

жила силъ на воспитаніе внука, — Александра Павловича. Государыня надѣялась, что обожаемый ею внукъ, котораго она воспитала въ лучшихъ идеалахъ своего времени, достойно будетъ царствовать и осуществитъ на дѣлѣ то, о чемъ нѣкогда она сама, въ года молодости, мечтала. Екатерина скончалась въ ноябрѣ 1796 г., и на русскій престолъ вступилъ сынъ ея, Павелъ Петровичъ.

VI.

Екатерина Алексѣевна порадовала Елизавету Петровну рожденіемъ внука въ сентябрѣ 1754 г. Какъ только его спеленали, государыня позвала своего духовника, который нарекъ ребенка именемъ Павла; вслѣдъ затѣмъ, императрица приказала повивальной бабкѣ отнести младенца въ свои комнаты и разлучила его съ матерью Только черезъ 40 дней Екатеринѣ позволено было взглянуть на ребенка и то ненадолго; она нашла его очень «хорошенькимъ», и видъ сына порадовалъ ее; но, вслѣдъ затѣмъ, Павелъ былъ опять удаленъ отъ матери, и о больной великой княгинѣ всѣ какъ-будто забыли. Съ этой минуты всеобщее вниманіе было приковано къ колыбели царственнаго младенца, въ лицѣ котораго усматривали опору трона и представителя царствующаго дома. Елизавета Петровна была наверху счастія и со всѣмъ пыломъ любящей бабушки изливала въ изобиліи ласку и нѣжность на новорожденнаго. Это счастливое событіе въ семьѣ государыни праздновалось почти цѣлый годъ, и по этому случаю и при дворѣ, и въ богатыхъ домахъ вельможъ шли шумные балы и маскарады. Рожденіе наслѣдника престола было привѣтствовано Ломоносовымъ, высказавшимъ пожеланіе, чтобы

новорожденный сравнялся въ царственныхъ дѣлахъ своихъ съ своимъ великимъ прадѣдомъ Петромъ Великимъ. Онъ долженъ былъ, по замыслу поэта, освобождать святыя мѣста, вокругъ которыхъ «облекъ драконъ ужасный» и перешагнуть черезъ стѣны, отдѣляющія Китай отъ Россіи.

Елизавета Петровна воспитывала внука по-старинному, — окружила его толпой нянекъ и мамушекъ, держала въ теплотѣ, кутала до того, что потъ лился съ него градомъ, и не сообразовалась ни съ какимъ правильнымъ распредѣленіемъ дня; онъ ложился спать, когда вздумается: то въ 8 ч. вечера, то далеко за полночь. Кормили ребенка тоже очень обильно: проснется Павелъ ночью, заплачетъ, потребуетъ что-либо кушать, и ему несутъ это, лишь бы онъ утѣшился. Несмотря на большой штатъ прислуги, находившейся при немъ, присмотръ за великимъ княземъ, однако, не былъ хорошъ. Однажды поутру подошли къ его колыбели и, къ ужасу, увидѣли, что Павла въ ней нѣтъ; оказалось, что онъ ночью упалъ на полъ и преспокойно спалъ подъ колыбелью. Сама Елизавета Петровна, особенно въ первое время по его рожденіи, по нѣсколько разъ въ день и даже ночью навѣщала внука; но послѣдній боялся этихъ посѣщеній и, при приближеніи бабушки, буквально трясся. Это происходило отъ запугиванія ребенка со стороны нянекъ именемъ государыни.

Приближенные Павла Петровича обязаны были доносить Елизаветѣ Петровнѣ ежедневно о его здоровьѣ. Вотъ какъ, напримѣръ, рапортовалъ состоявшій при немъ врачъ Кондоиди отъ 25 мая 1755 года: «Великій князь опочивалъ сладко и покойно и пробудился веселъ. Кушать изволилъ иной день больше, иной меньше, молочной кашицы и, слѣдственно, благословеніемъ Всемогущаго, въ вожделѣнномъ находится здравіи».

По обычаю прежнихъ временъ, маленькій Павелъ былъ окруженъ многочисленнымъ штатомъ нянекъ, мамокъ, но, кромѣ нихъ, къ нему приставляютъ и мужчинъ—гр. Скавронскаго и Бехтѣева, при которыхъ великій князь начинаетъ обучаться грамотѣ, закону Божьему и ариѳметикѣ. Въ видахъ просвѣщенія, въ 1760 г. для него спеціально печатаютъ учебникъ—«Краткое понятіе о физикѣ, для употребленія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича», гдѣ былъ помѣщенъ рядъ статей по физикѣ вообще, о свѣтѣ, о небѣ и о тѣлахъ небесныхъ, о земномъ шарѣ, о натуральной исторіи и о самомъ Создателѣ натуры; къ этому курсу по естествознанію было приложено отдѣльное «сокращеніе нравоучительной науки». Кромѣ этого учебника, для великаго князя былъ напечатанъ особый календарь съ картами Россійской имперіи. Чтобы побудить Павла Петровича вести себя благонравнѣе и прилежнѣе заниматься, тогдашніе воспитатели придумали слѣдующій педагогическій пріемъ; они печатали особыя вѣдомости о немъ, гдѣ подъ заголовкомъ «изъ Петербурга», въ видѣ корреспонденціи, сообщали разныя, касающіяся поведенія и ученія великаго князя, свѣдѣнія, которыя и давали ему для прочтенія. При этомъ воспитатели увѣряли Павла, что такія же вѣдомости разсылаются по всей Европѣ. Этотъ пріемъ воспитанія, куда заложены были начала лжи, не могъ вести за собою добрыхъ послѣдствій, и въ ребенкѣ развивались ненужныя скрытность и недовѣрчивость.

Въ іюнѣ 1760 года Елизавета Петровна назначила состоять оберъ-гофмейстеромъ и главнымъ воспитателемъ при Павлѣ Петровичѣ графа Никиту Ивановича Панина, при которомъ и былъ составленъ для великаго князя полный штатъ учителей.

Окруженный съ первыхъ дней рожденія разными

няньками и бабками, великій князь былъ ими воспитываемъ въ предразсудкахъ. Онѣ вѣчно разсказывали

ГРАФЪ Н. И. ПАНИНЪ.

ему про вѣдьмъ и домовыхъ, пріучили всего бояться и настолько дѣйствовали на его нервы, что слабый отъ

природы ребенокъ до-нельзя боялся грозы и прятался подъ столъ при каждомъ сильномъ ударѣ дверью. Поэтому женскому персоналу была очень не по душѣ вѣсть о назначеніи къ великому князю графа Панина, человѣка, по внѣшнему виду, очень серьезнаго, хмураго и для своего времени чрезвычайно просвѣщеннаго. Павелъ Петровичъ былъ такъ запуганъ всѣми розсказнями нянекъ про своего воспитателя, что встрѣтилъ его появленіе горькими слезами и трепеталъ передъ нимъ.

Къ сожалѣнію, въ первое, по крайней мѣрѣ, время, Панинъ не сумѣлъ расположить къ себѣ сердце воспитанника, обращаясь съ нимъ до-нельзя сухо и строго. Малоподвижный воспитатель неохотно удѣлялъ великому князю свое время, пренебрегалъ прогулками съ нимъ, почему ребенокъ обреченъ былъ на постоянное сидѣніе въ душныхъ комнатахъ дворца и рѣдко пользовался воздухомъ. Отсутствіе прогулокъ и моціона Панинъ оправдывалъ дурнымъ состояніемъ погоды и боязнью простуды царственнаго ребенка. Этотъ пробѣлъ въ воспитаніи великаго князя очень дурно отражался на его физическомъ развитіи и состояніи здоровья. Съ теченіемъ времени, однако, отношенія между Панинымъ и Павломъ измѣнились, и воспитанникъ сталъ обязанъ многимъ въ жизни своему воспитателю, высоко цѣня его привязанность къ себѣ, его умъ и неподкупную честность.

VII.

Елизавета Петровна, чувствуя приближеніе смерти, горячо просила Петра Ѳеодоровича заботиться о сынѣ и, въ память о ней, оказывать маленькому ея внуку любовь и ласку. Въ свое кратковременное, полугодичное

царствованіе Петръ III, однако, не успѣлъ окончательно выяснить своихъ отношеній къ сыну. Только однажды, посѣтивъ наслѣдника на его половинѣ, государь поцѣловалъ его и сказалъ присутствующимъ:

— Изъ него выйдетъ добрый малый. На первое время онъ можетъ оставаться подъ прежнимъ присмотромъ, но скоро я устрою его иначе и озабочусь лучшимъ его военнымъ воспитаніемъ, вмѣсто теперешняго женственнаго.

Въ другой разъ, по усиленнымъ настояніямъ Панина и по совѣтамъ Голштинскихъ принцевъ, онъ согласился побывать на учебныхъ испытаніяхъ наслѣдника. Прослушавъ его отвѣты, онъ обратился къ своимъ нѣмецкимъ родственникамъ съ откровеннымъ замѣчаніемъ:

— Господа, говоря между нами, я думаю, — этотъ плутишка знаетъ эти предметы лучше насъ!

Отъ дальнѣйшаго присутствованія на экзаменахъ сына Петръ III отказался. Впрочемъ, послѣ своего посѣщенія экзамена восьмилѣтняго наслѣдника, онъ рѣшилъ наградить его за примѣрные успѣхи и пожаловать Павла Петровича капраломъ гвардіи; но Панинъ возсталъ противъ такой награды, представляя государю, что это вскружитъ голову маленькому капралу и дастъ ему возможность думать, что онъ старше своихъ лѣтъ. Настоянія Панина имѣли успѣхъ, и пожалованіе въ капралы было отложено до болѣе зрѣлаго возраста.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, положеніе ея сына, въ первые, по крайней мѣрѣ, годы ея царствованія, мало измѣнилось. Она поручила его всецѣло заботамъ Панина и мало вмѣшивалась въ дѣло воспитанія; впрочемъ, государыня все-таки сдѣлала попытку привлечь къ воспитанію наслѣдника русскаго

престола извѣстнаго французскаго философа Даламбера, написавъ ему отъ своего имени письмо. Даламберъ не принялъ этого лестнаго предложенія, и гр. Панинъ сохранилъ свое прежнее мѣсто, но самый фактъ обращенія къ французскому ученому создалъ Екатеринѣ II въ Европѣ громкое имя просвѣщеннѣйшей правительницы своего времени и самой передовой женщины.

Довѣривъ сына Панину и возложивъ на него почти всецѣло заботы о его умственномъ, нравственномъ и физическомъ воспитаніи, государыня, однако, приняла и соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы знать все, что дѣлается и говорится около Павла Петровича. Въ этихъ видахъ къ нему и были приставлены два кавалера, на обязанности которыхъ было доводить до свѣдѣнія государыни о жизни въ аппартаментахъ ея сына. Эта система соглядатайства не ускользала отъ взора Павла и также не мало содѣйствовала развитію въ немъ той подозрительности, которая такъ явно сказывалась въ его характерѣ впослѣдствіи, когда онъ достигъ зрѣлаго возраста и вступилъ на престолъ.

Въ дальнѣйшихъ своихъ отношеніяхъ къ сыну она ограничивалась тѣмъ, что изрѣдка посѣщала его, а во время отлучекъ изъ Петербурга справлялась лишь о здоровьи наслѣдника. Такія холодныя отношенія объясняются отчасти тѣмъ, что она была разлучена съ нимъ съ первыхъ дней его появленія на свѣтъ, а отчасти и тѣмъ, что ей, дѣйствительно, въ первое время было некогда, и заботы государственнаго и политическаго характера поглощали ея силы и мысли.

Тѣмъ не менѣе, Екатерина оказывала наслѣднику подобающіе знаки вниманія. Такъ, въ іюлѣ 1762 года онъ былъ произведенъ въ полковники лейбъ-кирасирскаго полка, который и былъ названъ его именемъ, а

29 декабря того же года ею былъ изданъ слѣдующій указъ сенату: «Ревностное и неутомимое попеченіе наше о пользѣ государственной и о принадлежащемъ къ ней, между инымъ, цвѣтущемъ состояніи флота нашего, желая купно съ достойнымъ въ томъ подражаніи блаженныя и безсмертныя памяти дѣду нашему Государю Императору Петру Великому вѣрить еще при нѣжныхъ младенческихъ лѣтахъ во вселюбезнѣйшаго сына и наслѣдника нашего, цесаревича и великаго князя Павла Петровича, Всемилостивѣйше опредѣляемъ мы его императорское высочество въ наши генералъ-адмиралы».

Кромѣ того, ему, какъ герцогу Голштинскому, было предоставлено подписывать грамоты на жалованіе ордена св. Анны, по назначенію государыни.

Содержаніе двору Павла Петровича было опредѣлено въ 120.000 р. въ годъ, а также подаренъ ему въ личное владѣніе Каменный островъ.

Екатерина II, какъ уже сказано было выше, держала себя въ отношеніи сына официально. Его духовный міръ мало привлекалъ ея вниманіе, а вліяніе недоброжелательныхъ къ великому князю лицъ болѣе и болѣе удаляло мать отъ сына. Но, когда наслѣднику минуло 17 лѣтъ и настало, по мнѣнію государыни, время озаботиться его женитьбою, она ближе сошлась съ нимъ, полюбила его и стала обращать на него бо̀льшее вниманіе; хотя и это длилось недолго,—женитьба Павла Петровича еще болѣе раздѣлила интересы матери и сына. Такимъ образомъ, мы видимъ, что маленькій внукъ Елизаветы, и при жизни отца, и со смертью его, не имѣлъ столь необходимыхъ въ дѣтскомъ возрастѣ родительскихъ попеченій, ласки и любви и предоставленъ былъ заботамъ постороннихъ лицъ. Но и эти послѣднія, при всемъ ихъ умственномъ развитіи и образованіи, не умѣли подойти къ дѣлу воспитанія съ надлежащей стороны.

VIII.

Получивъ рѣшительный отказъ отъ французскаго ученаго Даламбера принять на себя воспитаніе Павла Петровича и оставивъ попрежнему при немъ малодѣятельнаго гр. Панина, Екатерина утвердила для сына слѣдующій штатъ преподавателей: Т. И. Остервальдъ читалъ наслѣднику исторію, географію и языки русскій и нѣмецкій; С. А. Порошинъ—ариѳметику и геометрію, архимандритъ Платонъ—Законъ Божій, Ф. И. Эпинусъ—физику и астрономію. Кромѣ этихъ лицъ, при немъ еще состояли учителя рисованія, танцевъ, фехтованія, музыки и актеръ Боличъ, обучавшій наслѣдника декламаціи.

Панинъ завѣдывалъ всѣмъ дворомъ Павла Петровича, имѣлъ общій и главный надзоръ за обученіемъ наслѣдника. Онъ посѣщалъ великаго князя ежедневно, постоянно обѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ и приглашалъ къ этому обѣду разныхъ придворныхъ должностныхъ лицъ и вельможъ. Отвлекаемый постоянно заботами по министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ не могъ имѣть большого вліянія на своего воспитанника, предоставивъ въ данномъ случаѣ первое мѣсто своему помощнику, кавалеру двора наслѣдника, подполковнику гвардіи, Семену Андреевичу Порошину.

Это былъ человѣкъ чрезвычайно образованный, знавшій прекрасно иностранные языки, математику и принимавшій дѣятельное участіе въ литературѣ, какъ оригинальными, такъ и переводными трудами. Порошинъ, приглашенный къ преподаванію наслѣднику, горячо привязался къ ученику, не отходилъ отъ него ни на шагъ, старался вселить въ него любовь къ отечеству, ко всему

русскому, стремился развить въ немъ охоту къ серьезному труду, честному исполненію обязанностей и спокойному, безпристрастному отношенію къ окружающей дѣйствительности. Будучи еще очень молодымъ человѣкомъ,—когда судьба приставила его къ такому отвѣтственному дѣлу, какъ воспитаніе наслѣдника, ему всего лишь было 21 годъ отъ роду,—и обладая притомъ чрезвычайно мягкимъ характеромъ и добрымъ сердцемъ, Порошинъ не въ силахъ былъ противодѣйствовать слабымъ сторонамъ характера маленькаго Павла, относился слишкомъ снисходительно и уступчиво къ его поступкамъ, намѣреніямъ и словамъ. Доброе вліяніе на умственное развитіе ребенка уничтожалось, такимъ образомъ, недостаточнымъ руководствомъ въ воспитаніи его характера и наклонностей. А характеръ Павла Петровича былъ чрезвычайно сложный, требовавшій за собою тщательнаго ухода и испытаннаго педагогическаго воздѣйствія.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.
(Современный силуэтъ).

Окруженный съ малыхъ лѣтъ постоянно взрослыми, недостаточно его любившими и мало о немъ заботившимися, онъ слишкомъ рано привыкъ прислушиваться къ такимъ разговорамъ, которые не могли имѣть на него

добраго воспитательнаго вліянія и которые преждевременно раскрывали передъ нимъ разныя стороны жизни человѣческой, доступной только пониманію взрослыхъ.

Кромѣ Порошина, на Павла Петровича имѣлъ вліяніе архимандритъ Платонъ, посѣщавшій часто своего ученика и сумѣвшій на всю жизнь развить въ немъ высокое чувство религіозности. Ходъ занятій съ великимъ княземъ и отношенія законоучителя къ ученику обрисованы Платономъ впослѣдствіи такъ: «Что касается преподаванія Закона Божія,—повѣствуетъ онъ,—то положено было ученіе великому князю преподавать три раза въ недѣлю, по часу, а по воскресеньямъ и праздникамъ, передъ обѣднею, читать священное писаніе съ объясненіемъ, сколько время дозволитъ». Итакъ, призвавъ Бога на помощь, началъ ученіе Платонъ съ великимъ княземъ 30 августа 1763 года, сказавъ рѣчь, въ коей, объяснивъ пользу его ученія, увѣщевалъ высокаго ученика, «чтобъ прилагалъ къ тому великое вниманіе и прилежаніе». Великій князь былъ горячаго нрава, понятливъ, но развлекателенъ. Разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были препятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами. Императрица самолично никогда въ сіе не входила. Однако, высокій воспитанникъ, по счастію, всегда былъ къ набожности расположенъ и разсужденіе ли, или разговоръ относительно Бога и вѣры, были ему всегда пріятны. Сіе, по примѣчанію, ему было внѣдрено съ млекомъ покойною императрицею Елизаветою Петровною, которая его горячо любила и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но при этомъ великій князь былъ особо склоненъ и къ военной наукѣ и часто переходилъ съ одного предмета на другой, «не имѣя терпѣливаго къ одной вещи вниманія, и наружностію всякаго, въ глаза бросающагося, болѣе прельщался, нежели углублялся во внутренность».

Любовь къ военнымъ занятіямъ, о которой говоритъ Платонъ, развилась, собственно, въ великомъ князѣ позднѣе, такъ какъ въ первое время, до 1766 года включительно, онъ, по желанію Панина, не любившаго воен-

СЕМЕНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПОРОШИНЪ.

наго ремесла, отдалялся отъ всего, что напоминало военную службу.

Что касается Порошина, то онъ, имѣя возможность въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ наблюдать великаго князя, оставилъ намъ о ходѣ своихъ занятій съ нимъ, а также о

развитіи его характера чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія, которыя, какъ нельзя лучше, рисуютъ маленькаго Павла Петровича со всѣми его добрыми и слабыми сторонами природы.

IX.

Порошинъ рисуетъ Павла мальчикомъ остроумнымъ, находчивымъ, наблюдательнымъ, но непостояннымъ въ своихъ симпатіяхъ, вспыльчивымъ и съ очень нѣжнымъ сердцемъ. Болѣе всего изъ уроковъ онъ любилъ математику, въ которой дѣлалъ быстрые успѣхи и которою занимался особенно охотно. Но и занятіямъ науками, и вообще отношеніямъ съ людьми великому князю особенно вредила его крайняя нетерпѣливость и поспѣшность: онъ спѣшилъ вставать, спѣшилъ кушать, спѣшилъ ложиться спать. «Передъ обѣдомъ, за часъ еще времени или болѣе до того,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Порошинъ,—какъ за столъ обыкновенно у насъ садятся, засылаетъ тайно къ Панину гофъ-фурьера, чтобъ спросить, не прикажетъ ли за кушаньемъ послать, и всѣ хитрости употребляетъ, чтобы хотя нѣсколько минутъ выгадать, чтобъ за столъ сѣсть поранѣе. О ужинѣ такія же заботы. Послѣ ужина камердинерамъ повторительные наказы, чтобы, какъ возможно они скорѣе ужинали, съ тѣмъ намѣреніемъ, что, какъ камердинеры отужинаютъ скоро, такъ, авось, и опочивать положатъ нѣсколько поранѣе. Ложась, заботится, чтобы поутру не проспать долго. И это всякій день почти бываетъ».

Эта торопливость, скорость въ поступкахъ особенно наглядно наблюдались въ отношеніяхъ Павла Петровича къ приближеннымъ. «Его высочество, будучи весьма

живого сложенія,—говоритъ Порошинъ,—и имѣя наичеловѣколюбивѣйшее сердце, вдругъ, влюбляется почти въ человѣка, который ему понравится, но какъ никакія усильныя движенія долго продолжаться не могутъ, если побуждающей какой силы при томъ не будетъ, то и въ семъ случаѣ крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имѣлъ счастіе полюбиться. Словомъ сказать, гораздо легче его высочеству вдругъ понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость».

Существеннымъ недостаткомъ Павла было и его упрямство, которое учителямъ и воспитателямъ чрезвычайно мѣшало въ ихъ занятіяхъ съ наслѣдникомъ. «Его высочество имѣетъ за собою недостаточекъ,—говоритъ Порошинъ,—всѣмъ такимъ людямъ свойственный, которые болѣе привыкли видѣть хотѣнія свои исполненными, нежели къ отказамъ и терпѣнію. Все хочется, чтобы дѣлалось по-нашему. А нельзя сказать, чтобы всѣ до одного желанія наши таковы были, на которыя бы благоразуміе и общей пользѣ попеченіе всегда соглашаться дозволяли».

Эти «недостаточки» чрезвычайно огорчали горячо любившаго великаго князя Порошина, и онъ однажды по этому поводу сказалъ своему ученику:

— Будучи вооружены сами лучшими намѣреніями, Вы заставите себя, Ваше Высочество, все ненавидѣть въ жизни.

Распредѣленіе дня Павла Петровича было достаточно однообразно. Вотъ, какъ описываетъ одинъ изъ такихъ дней (27 ноября 1764 г.) Порошинъ.

«Государь изволилъ встать, — осьмого часу было четверть. За чаемъ изволилъ разспрашивать меня о вчерашнемъ маскарадѣ и шутить кое о чемъ. Во время

обуванія примѣривали Его Высочеству парикъ для наступающаго праздника св. апостола Андрея Первозваннаго, и при семъ случаѣ разговаривалъ я съ Государемъ объ этомъ праздникѣ и о учрежденіи ордена. Во время убиранья волосъ читалъ я Его Высочеству Вольтерову исторію о Государѣ Петрѣ Великомъ, приключенія 1706, 1707 и 1708 годовъ. Очень я доволенъ былъ вниманіемъ Его Высочества при семъ чтеніи. Изволилъ притомъ и разсужденія свои дѣлать. Особливо въ тѣхъ мѣстахъ изволилъ показывать крайнее свое отвращеніе отъ свирѣпства, гдѣ о безчеловѣчныхъ поступкахъ шведскаго генерала Штейнбока и другихъ упоминается; также сердился Его Высочество, что польскій король, Августъ, нарушилъ данное свое слово Государю Петру Великому. О Саксоніи говорить изволилъ, что она во всѣхъ войнахъ тамошнихъ странъ весьма много терпитъ, и что въ географіи нѣтъ почти ни одного въ верхнемъ саксонскомъ округѣ мѣста, при которомъ бы не упоминалось: «тутъ Саксонское войско разбито; тутъ сдалось Саксонское войско военно-плѣннымъ». Убравшись, изволилъ Его Высочество пройтить со мною въ желтую комнату; тамъ съ рапирой кругомъ изволилъ попрыгивать и представлять себѣ третьягоднишнюю оперу. Въ 10 часовъ сѣлъ учиться. Послѣ ученья точилъ, и на канапе въ желтой комнатѣ изволилъ поваливаться. Сѣли за столъ. Изъ сторонних обѣдалъ у насъ только г. Сальдернъ. Никита Ивановичъ изволилъ кушать у братца. Г. Сальдернъ и Остервальдъ разговаривали, что въ нѣмецкой землѣ весьма много фамилій Миллеровъ, Шмитовъ, Бруновъ и Фишеровъ. Я говорилъ, что и здѣсь очень много такихъ простонародныхъ фамилій есть, напримѣръ: Волковы, Львовы, Голицыны, Долгоруковы. Доносилъ я при томъ Его Высочеству, что въ Герольдіи всѣмъ фамиліямъ есть списки, также и о многихъ родо-

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.
Съ портрета Вуаля, гравировалъ Радигъ.

словное показаніе отъ тѣхъ еще временъ, когда Россія раздроблена была на многія разновластныя княженія. Государь приказалъ, чтобъ я сію книгу досталъ для него. По семъ зашла рѣчь о старинномъ состояніи здѣшняго войска, и я сказывалъ, что имѣю у себя часть курса военной науки, писаннаго съ лишкомъ сто лѣтъ назадъ, при государѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; что въ той части заключается ученіе пѣхотное; что всѣмъ обращеніямъ приложены планы. Сказывалъ я о нѣкоторыхъ тамъ заключающихся важныхъ правилахъ и командахъ, точно тѣмъ стариннымъ штилемъ, какъ тамъ написано. Его Высочество изволилъ тѣмъ забавляться. Доносилъ я еще государю о Магницкаго ариѳметикѣ и о находящихся тамъ стихахъ:

«О, любезнѣйшій прочитатель!
Буди о Христѣ ты снискатель,
Да наукой сей будешь доброе почтенъ
И къ ученымъ людямъ въ совѣтъ причтенъ», и проч.

Изволилъ Его Высочество очень охотно вслушиваться, и послѣ самъ повторялъ. Спрашивалъ при томъ, кто былъ Магницкой, и въ которое время жилъ. Доносилъ я Его Высочеству о немъ и о Сухаревой башнѣ, гдѣ онъ тамъ, какъ въ первостатейномъ тогдашнемъ училищѣ, былъ учителемъ. Приказывалъ государь, чтобъ я означенную книгу показать къ нему привезъ. Также изволилъ приказать, чтобъ я привезъ и письменную на русскомъ языкѣ Исторію о государѣ Петрѣ Великомъ, которую я имѣю и которую прежде еще показывалъ я Его Высочеству. Послѣ обѣда, попрыгавши, изволилъ государь точить. Потомъ сѣлъ учиться. У меня хорошо учился. Къ концу только нѣсколько заупрямился, о чемъ я ему и выговаривалъ. Къ вечеру приказалъ принесть себѣ изъ столярной пилку и пилилъ ею у токар-

наго станка. Потомъ въ учительной на канапе, обложившись подушками, изволилъ поваливаться. За ужиномъ разговаривали мы о комической оперѣ «on ne s'avise jamais de tout», которой сегодня на театрѣ была проба. Говорили мы также о Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, о которомъ носился слухъ, будто скоро сюда будетъ. Послѣ ужина, черезъ полчаса времени, изволилъ государь лечь опочивать; десятый часъ былъ въ половинѣ».

X.

Приведенный отрывокъ изъ дневника вполнѣ наглядно рисуетъ намъ распредѣленіе дня великаго князя и тѣ бесѣды, какія онъ велъ съ просвѣщеннымъ наставникомъ. Мы видимъ, что Порошинъ, съ своей стороны, старался быть полезнымъ ученику и оказывалъ доброе вліяніе на его умственное развитіе. Къ сожалѣнію, однако, не всѣ дни протекали мирно, подобно описанному выше. Къ обѣду обыкновенно собирались одни взрослые, среди которыхъ и происходили нерѣдко разговоры, слышать которые великому князю было преждевременно; равнымъ образомъ, и вечера протекали не въ мирной бесѣдѣ съ наставникомъ, а посвящались, по большей части, театральнымъ представленіямъ, гдѣ давались, сплошь и рядомъ, комедіи и водевили слишкомъ вольнаго содержанія. Появлялся наслѣдникъ и на маскарадахъ и балахъ государыни, гдѣ слишкомъ рано становился въ положеніе взрослаго человѣка. Возвращаясь послѣ танцевъ домой, Павелъ Петровичъ обыкновенно еще долго находился подъ вліяніемъ весело проведеннаго вечера, по поводу котораго тутъ же дѣлился съ наставникомъ своими впечатлѣніями. Послѣдній не

имѣлъ достаточно характера, чтобы прерывать эти разговоры и слишкомъ снисходительно относился къ легкой болтовнѣ царственнаго отрока. Въ этомъ обстоятельствѣ сказывался значительный недостатокъ въ педагогической системѣ Порошина.

Не могъ онъ достигнуть и болѣе правильнаго распредѣленія учебныхъ занятій Павла Петровича, планъ которыхъ страдалъ крайней путаницей и недостаточной обдуманностью. Панинъ не оказывалъ въ настоящемъ случаѣ никакого вліянія на преподавателей и не озабочивался привести ихъ уроки къ какому-нибудь единству; онъ соглашался съ представленіемъ каждаго въ отдѣльности, требуя лишь, съ своей стороны, чтобъ великій князь «изъ славныхъ французскихъ авторовъ нѣкоторыя мѣста наизусть выучивалъ, гдѣ заключаются хорошія сентенціи», а также,—чтобъ онъ «выучилъ нѣсколько сценъ изъ какой-нибудь французской трагедіи и декламировать научился».

Безпорядочность въ планѣ обученія наслѣдника особенно наглядно проявлялась на математическихъ урокахъ, которые были поручены совмѣстно Эпинусу и Порошину. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, оба названные преподавателя пришли къ такому заключенію, удостоившемуся одобренія Панина: по окончаніи курса ариѳметики, Порошинъ долженъ былъ читать геометрію теоретическую и практическую, потомъ—фортификацію и артиллерію и начальныя основанія механики и гидростатики, наконецъ,—генеральныя правила о тактикѣ. Эпинусъ же, независимо отъ математики, долженъ былъ проходить физику, а когда ученикъ утвердится въ геометріи у Порошина, то математическую часть физики, пространную механику, правила оптики и астрономіи, основанныя на геометріи; тогда же Эпинусъ долженъ былъ начать и курсъ алгебры.

Такое распредѣленіе частей математическихъ наукъ, конечно, не могло дать добрыхъ результатовъ, почему, напримѣръ, уроки физики и сошли на развлеченіе и за-

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.
Съ портрета Рослена.

баву. Но, какъ бы то ни было, пока Порошинъ состоялъ при Павлѣ Петровичѣ, учебныя занятія послѣдняго проходили не безъ успѣха, и наслѣдникъ былъ въ состояніи пріобрѣсти отъ добросовѣстнаго и трудолюби-

ваго наставника не мало полезныхъ и основательныхъ свѣдѣній.

Иначе пошло дѣло, когда Порошинъ былъ удаленъ отъ занимаемой должности и наиболѣе близкимъ человѣкомъ въ классной комнатѣ наслѣдника сдѣлался Григорій Николаевичъ Тепловъ, человѣкъ для своего времени хотя и очень образованный, но отнесшійся къ возложенной на него задачѣ безъ сознанія важности порученнаго ему дѣла. Удаленіе Порошина состоялось въ началѣ 1766 г. и произошло, главнымъ образомъ, потому, что Екатерина II узнала о дневникѣ, который наставникъ ея сына велъ изо дня въ день, и гдѣ заносились, между прочимъ, интимныя событія придворной жизни. Съ увольненіемъ Порошина, на дѣло воспитанія наслѣдника начинаетъ оказывать наибольшее вліяніе преподаватель исторіи и русскаго языка, Остервальдъ, главная забота котораго заключалась въ увеселеніи великаго князя. Этотъ наставникъ, въ педагогическихъ цѣляхъ, не могъ предложить лучшей мѣры, какъ «чтобы на половинѣ великаго князя всякую недѣлю два раза были куртаги, дабы публика его узнавала, и онъ бы къ обхожденію привыкалъ».

Правильной и систематической провѣрки его познаніямъ и успѣхамъ въ наукѣ не производилось и только при торжественной обстановкѣ ему учиненъ былъ экзаменъ по Закону Божію въ присутствіи императрицы, который онъ выдержалъ вполнѣ удовлетворительно.

1767 годъ былъ для Павла Петровича неблагопріятенъ; онъ сильно хворалъ, хотя болѣзни и не оставили по себѣ на его организмѣ разрушительныхъ слѣдовъ.

Въ 1768 г., когда наслѣднику минуло 14 лѣтъ, рѣшили «учинить особое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ государственной наукѣ, т.-е. къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики

внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства». Вотъ этотъ-то курсъ наукъ и былъ порученъ Теплову. По неизвѣстной причинѣ, однако, Тепловъ не пожелалъ поставить своего курса надлежащимъ образомъ и, вмѣсто интереснаго чтенія лекцій, приносилъ великому князю огромныя кипы процессовъ, производившихся въ сенатѣ. Чтеніе этихъ безконечно длинныхъ дѣлъ наводило страшную скуку на ученика и убило въ немъ всякую охоту къ познанію государственныхъ и политическихъ наукъ, благодаря чему онъ явился наиболѣе слабымъ въ этой, необходимой ему, какъ будущему правителю, области знанія.

Одновременно съ Тепловымъ, въ классной комнатѣ великаго князя появляются три образованныхъ и причастныхъ литературѣ лица—Левекъ, Николаи и Леферньеръ. Благодаря ихъ урокамъ, Павелъ Петровичъ прекрасно ознакомился съ сокровищами европейской литературы и пріобрѣлъ основательныя познанія во французской изящной словесности. Благодаря своей прекрасной памяти, онъ легко усвоивалъ произведенія западно-европейскихъ классиковъ и легко цитировалъ ихъ въ своихъ бесѣдахъ съ приближенными.

Испытаній и ежегодныхъ экзаменовъ великому князю не дѣлалось. Государыня лишь разъ побывала на устроенномъ сыну экзаменѣ по Закону Божьему, а остальные предметы были предоставлены Панинымъ безконтрольному веденію самихъ преподавателей.

XI.

Съ уходомъ Порошина, значительно понизился уровень учебныхъ занятій Павла Петровича. Около него

уже мы не видимъ человѣка, глубоко ему преданнаго, нѣжно его любящаго, который всѣми силами старался бы благотворно вліять на его умственное развитіе и душевную мягкость. Препровожденіе времени дѣлается болѣе разсѣяннымъ, наполняется излишними удовольствіями и развлеченіями. Зато въ наслѣдникѣ просыпается страсть къ военному дѣлу, которая въ дѣтскихъ годахъ усиленно подавлялась Панинымъ и которая впослѣдствіи, когда наслѣдникъ возмужалъ, поглотила его всецѣло и отдалила его отъ другихъ интересовъ.

До Панина великій князь ежедневно училъ ружейнымъ пріемамъ своихъ служителей; по назначеніи этого сановника на постъ воспитателя, ружейное обученіе окончилось, и Павелъ Петровичъ старательно удалялся отъ всего, связаннаго съ военнымъ бытомъ. Только морская часть, гдѣ онъ числился генералъ-адмираломъ, не была изъята изъ его вѣдѣнія, и онъ принималъ живое участіе въ жизни кадетъ морского корпуса, посѣщалъ это учебное заведеніе, бывалъ въ классахъ и слушалъ здѣсь на лекціяхъ преподаваніе морской тактики и корабельной архитектуры. Каждую субботу, кромѣ лѣтнихъ навигаціонныхъ мѣсяцевъ, къ нему являлся за ординарца и съ рапортами изъ Кронштадта кадетскій офицеръ. Кадетскій корпусъ былъ единственнымъ почти мѣстомъ, гдѣ юный Павелъ соприкасался съ молодежью и сверстниками. Остальное время онъ проводилъ постоянно среди взрослыхъ, и только иногда къ обѣду или на короткое время между уроками его посѣщали, для товарищескихъ игръ, сыновья придворныхъ чиновниковъ — кн. А. Б. Куракинъ и гр. А. К. Разумовскій.

Но вотъ въ 1770 году пріѣзжаетъ въ Россію принцъ прусскій Генрихъ, успѣваетъ сблизиться съ шестнадцатилѣтнимъ наслѣдникомъ русскаго престола и получаетъ

необыкновенную власть надъ его симпатіями и наклонностями. Юноша нервный, легко увлекающійся, Павелъ былъ очарованъ разсказами о военныхъ доблестяхъ короля прусскаго, Фридриха II, о бытѣ прусскаго двора и состояніи тамошнихъ войскъ. Какъ нѣкогда Петръ III, такъ нынѣ и его сынъ избираетъ себѣ состояніе прусскаго королевства идеаломъ, стремится ввести при своемъ дворѣ прусскіе порядки и старается подражать во всемъ Фридриху II. Но, конечно, находясь еще въ зависимости отъ матери и подъ опекой Панина, онъ не могъ дать полной воли пробудившимся наклонностямъ. Онѣ нашли себѣ осуществленіе и примѣнимость къ дѣлу лишь послѣ его женитьбы и съ образованіемъ ему отдѣльнаго двора въ Гатчинѣ и окрестностяхъ Петербурга.

Въ 1773 году, съ наступленіемъ совершеннолѣтія Павла Петровича, его обученію насталъ конецъ, и бывшіе при немъ воспитатели и учителя получили иныя государственныя должности. Тогда же объявлена была свадьба сына Екатерины II съ принцессою Гессенъ-Дармштадтскою, Вильгельминою, нареченною при мvропомазаніи, по принятіи православія, великой княгиней Наталіей Алексѣевной.

Брачная жизнь молодыхъ была недолга, и уже въ апрѣлѣ 1776 г. Павелъ Петровичъ овдовѣлъ, лишившись одновременно и супруги, и новорожденнаго младенца; но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наслѣдникъ нашелъ себѣ утѣшеніе въ иной привязанности, обвѣнчавшись въ сентябрѣ того же 1776 года съ принцессою Виртембергскою, Софіей-Доротеей, нареченной, при принятіи православія, Маріей Ѳеодоровной, оставившей такой неизгладимый слѣдъ въ русской жизни своими заботами о развитіи у насъ дѣла благотворительности и просвѣщенія. Дѣйствующія и о сю пору, такъ называе-

мыя, учрежденія императрицы Маріи неразрывно связаны съ именемъ второй супруги Павла Петровича и являются лучшимъ памятникомъ жизни этой просвѣщенной и умной государыни.

V. Александръ I и Лагарпъ.

I.

Черезъ годъ съ небольшимъ, по вступленіи въ замужество, а именно 12-го декабря 1777 года, великая княгиня Марія Ѳеодоровна разрѣшилась первенцомъ, которому, по желанію императрицы, дано было при св. крещеніи имя св. Александра Невскаго. Это событіе въ жизни Павла Петровича чрезвычайно утѣшило Екатерину II, которая, въ лицѣ новорожденнаго внука, надѣялась, въ будущемъ, видѣть достойнаго преемника престола Петра Великаго. Извѣщая своего пріятеля, нѣмецкаго ученаго Гримма, объ этомъ радостномъ для нея событіи, она писала ему:—«Я бьюсь о закладъ, что вы вовсе не знаете того господина Александра, о которомъ я буду вамъ говорить. Это вовсе не Александръ Великій, а очень маленькій Александръ, который родился 12-го этого мѣсяца въ десять и три четверти часа утра. Все это, конечно, значитъ, что у великой княгини только что родился сынъ, который въ честь св. Александра Невскаго получилъ торжественное имя Александра и котораго я зову господиномъ Александромъ. Но, Боже мой,

что выйдетъ изъ мальчугана? Я утѣшаю себя тѣмъ, что имя оказываетъ вліяніе на того, кто его носитъ; а это имя знаменитаго. Его носили иногда матадоры... жаль, что волшебницы вышли изъ моды; онѣ одаряли ребенка, чѣмъ хотѣли; я бы поднесла имъ богатые подарки и шепнула бы имъ на ухо: сударыни, естественности, немножко естественности, а уже опытность додѣлаетъ почти все остальное».

Екатерина Великая была чрезвычайно озабочена правильнымъ воспитаніемъ и образованіемъ маленькаго Александра. Въ этихъ видахъ отчасти она удалила обоихъ внуковъ, Александра и Константина, родившагося черезъ полтора года послѣ брата, отъ родителей, великаго князя Павла Петровича и его супруги Маріи Ѳеодоровны, съ коими государыня не сходилась во взглядахъ по многимъ общественнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ и по вопросу о задачахъ воспитанія дѣтей.

Поэтому оба мальчика жили постоянно при бабушкѣ, и къ нимъ на первыхъ порахъ дѣтства были приставлены, по выбору самой императрицы, воспитательница и гувернантка—жена генералъ-маіора Бенкендорфъ и англичанка Прасковья Ивановна Гесслеръ, женщина рѣдкихъ достоинствъ, сумѣвшая передать первыя хорошія привычки и наклонности своему царственному питомцу. Онъ именно отъ нея пріобрѣлъ любовь къ порядку, простотѣ и опрятности. Иногда, разъ или два въ недѣлю, къ своей державной матери пріѣзжалъ изъ Гатчины великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою, и тогда только родители получали возможность, въ присутствіи постороннихъ лицъ или подъ наблюденіемъ самой Екатерины, видѣться съ дѣтьми, приласкать ихъ и сдѣлать имъ скромные подарки. Рѣдкая встрѣча съ родителями внесла въ сердца дѣтей нѣкоторое отчужденіе, и послѣднія дарили всю свою привязан-

ность и любовь бабушкѣ, находившейся при нихъ неотлучно.

Внуки Екатерины значительно рознились между собою и внѣшнимъ видомъ, и характерами. Въ то время, какъ Константинъ былъ некрасивъ и крайне настойчивъ, Александръ, въ противоположность брату, представлялъ собою очаровательнаго ребенка. Красивой наружности, стройный и ловкій, онъ умѣлъ располагать къ себѣ сердца окружающихъ и сдѣлался во дворцѣ бабушки всеобщимъ маленькимъ кумиромъ. Приближенные къ государынѣ, зная ея чувства къ старшему внуку, наперерывъ спѣшили угодить ея любимцу, заслужить его любовь и расположеніе. Это обстоятельство, несомнѣнно, наложило отпечатокъ на складѣ характера маленькаго Александра Павловича: онъ слишкомъ рано сталъ распознавать слабости людскія, научился пользоваться этими слабостями и обращать ихъ въ свою пользу.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.
Съ ориг. Боровиковскаг .

Въ обиходѣ внуковъ Екатерина требовала возмож-

ной простоты. Они всегда почивали подъ ситцевыми одѣялами, и за ними строго слѣдили, чтобы они не мучили и не истязали птицъ и насѣкомыхъ. Мальчики не любили игрушекъ и всему предпочитали книжки и легкія учебныя занятія; поэтому, когда они черезчуръ расшалятся, у нихъ отбирали любимыя книги и заставляли забавляться именно игрушками.

Стремясь развить въ дѣтяхъ, и, главнымъ образомъ, въ Александрѣ, здравыя понятія, вкусъ къ изящному, Екатерина сама составила для нихъ «Бабушкину азбуку», а также сочиняла, въ тѣхъ же видахъ, сказки, изъ коихъ до насъ дошла сказка—«Царевичъ Хлоръ». Къ такого рода работѣ государыню побуждало убѣжденіе, что существовавшая тогда дѣтская литература очень плоха и не удовлетворяетъ своему назначенію.

Когда Александру Павловичу пошелъ седьмой годъ, государыня рѣшила, что уже наступила пора поручить его воспитаніе мужчинамъ, и уже время отстранить отъ него вліяніе нянекъ и гувернантокъ.

Екатерина, находившаяся въ то время подъ вліяніемъ выдающихся европейскихъ писателей, очень интересовалась вопросами воспитанія. Въ области этихъ вопросовъ на нее оказали сильное впечатлѣніе сочиненія французскаго философа Руссо «Эмиль» и англійскаго ученаго Локка «О человѣческомъ разумѣніи». Подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, названныхъ ученыхъ мыслителей она выражала и въ своихъ письмахъ къ знакомымъ европейскимъ писателямъ, и въ бесѣдахъ съ окружающими придворными, что въ дѣлѣ воспитанія, на первомъ планѣ, должно стоять «знаніе людей и жизни, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхожденіе къ ближнему, познаніе вещей, какъ онѣ должны быть и каковы онѣ на самомъ дѣлѣ».

По предмету воспитанія внука Александра, она по-

стоянно сносилась съ извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Гриммомъ; она сообщала ему всякія подробности о своемъ любимцѣ и ставила его въ извѣстность о всякомъ шагѣ и разговорѣ маленькаго великаго князя.

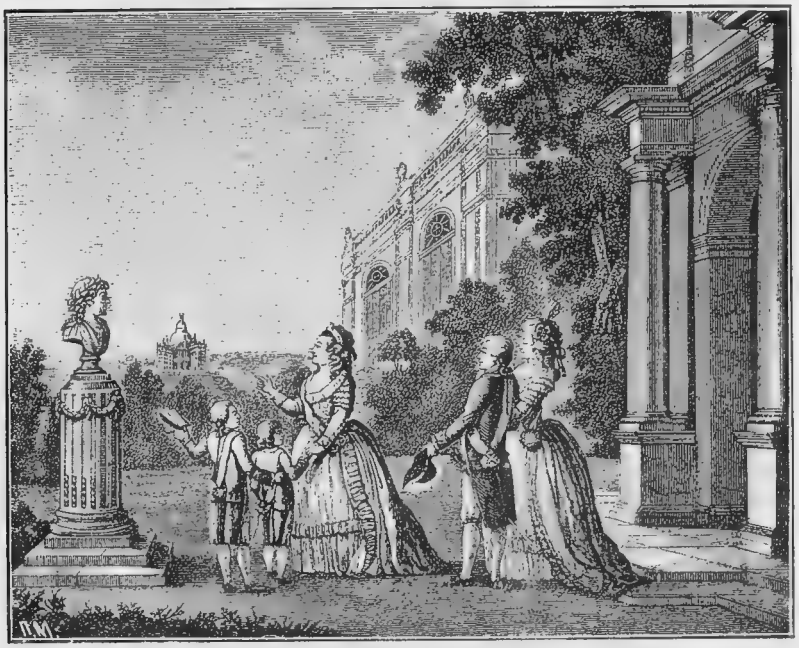
Вотъ что писала государыня Гримму, когда Александру шелъ всего второй годъ:—«Что касается будущаго вѣнценосца, я намѣрена держаться съ нимъ одного плана: воспитывать его какъ можно проще; теперь ухаживаютъ за его тѣломъ, не стѣсняя тѣла ни швами, ни тепломъ, ни холодомъ и ничѣмъ чопорнымъ. Онъ дѣлаетъ, что хочетъ, но у него отнимаютъ куклу, если онъ дурно съ нею обращается. Зато, такъ какъ онъ всегда веселъ, то исполняетъ все, что отъ него требуютъ; онъ очень здоровъ, силенъ и крѣпокъ, и почти голъ; онъ начинаетъ ходить и говорить. Послѣ семи лѣтъ мы пойдемъ дальше, но я буду очень заботиться, чтобъ изъ него не сдѣлали хорошенькой куклы, потому что не люблю ихъ».

На слѣдующій годъ Екатерина опять писала Гримму: «Вотъ уже два мѣсяца, какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять, для забавы и на пользу г. Александра, маленькую азбуку изреченій, которая постоитъ за себя. Всѣ, видѣвшіе ее, отзываются о ней очень хорошо и прибавляютъ, что это полезно не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ. Сначала ему говорится безъ обиняковъ, что онъ, малютка, родился на свѣтъ голый, какъ ладонь, что всѣ такъ родятся, но потомъ познанія и образованіе производятъ между людьми безконечное различіе, и затѣмъ, нанизывая одно правило за другимъ, какъ бисеръ, мы переходимъ отъ предмета къ предмету. У меня только двѣ цѣли впереди: одна—раскрыть умъ для внѣшнихъ впечатлѣній, другая—возвысить душу, образуя сердце. Моя азбука начинена картинками, но все это наглядно ведетъ къ цѣли».

Когда Александру пошелъ всего четвертый годъ, то вотъ какъ бабушка описывала его времяпрепровожденіе:—«Онъ складываетъ изъ буквъ слова, онъ рисуетъ, пишетъ, копаетъ землю, фехтуетъ, ѣздитъ верхомъ, изъ одной дѣлаетъ двадцать игрушекъ; у него удивительное воображеніе, и нѣтъ конца его вопросамъ. Намедни онъ хотѣлъ знать, отчего есть люди на свѣтѣ, и зачѣмъ самъ явился на свѣтъ или на землю? Я не знаю, но въ складѣ ума этого мальчика есть какая то особенная глубина, и притомъ онъ чрезвычайно веселъ; поэтому я очень берегусь, чтобы ни въ чемъ не напрягать его: онъ дѣлаетъ, что хочетъ; ему не позволяютъ только вредить себѣ и другимъ».

Какъ шло его развитіе въ томъ году, мы узнаемъ опять-таки изъ обстоятельнаго письма Екатерины Гримму:—«Намедни г. Александръ началъ съ ковра моей комнаты и довелъ мысль свою по прямой линіи до фигуры земли, такъ что я принуждена была послать за глобусомъ эрмитажной библіотеки»,—писала государыня.—«И когда онъ его получилъ, то принялся отчаянно путешествовать по земному шару и черезъ полчаса, если не ошибаюсь, онъ зналъ почти столько же, сколько покойный г. Вагнеръ пережевывалъ со мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Теперь мы за ариѳметикой, и не принимаемъ на вѣру, что дважды два четыре, если мы сами ихъ не сосчитали. Я еще не видала мальчугана, который такъ любилъ бы спрашивать, такъ былъ бы любопытенъ, жаденъ на знанія, какъ этотъ. Онъ очень хорошо понимаетъ по-нѣмецки, знаетъ порядочно по-французски и по-англійски. Онъ любитъ разсказывать, вести разговоръ, а если ему начнутъ разсказывать, онъ весь—слухъ и вниманіе. У него прекрасная память, и его не проведешь. При всемъ томъ, онъ вполнѣ ребенокъ, и въ немъ нѣтъ ничего преждевременнаго, кромѣ развѣ только вниманія».

На пятомъ году жизни великій князь пристрастился къ занятіямъ, и мы встрѣчаемъ его постоянно на дѣтской работѣ, идущей на пользу его физическаго и духовнаго развитія: онъ краситъ, оклеиваетъ обоями, чиститъ мебель, выдѣлываетъ всякія математическія фигуры, учится самоучкой читать, писать, рисовать, считать, пріобрѣтать всякаго рода свѣдѣнія, откуда и какъ



ЕКАТЕРИНА II СЪ СЕМЕЙСТВОМЪ ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ САДУ.

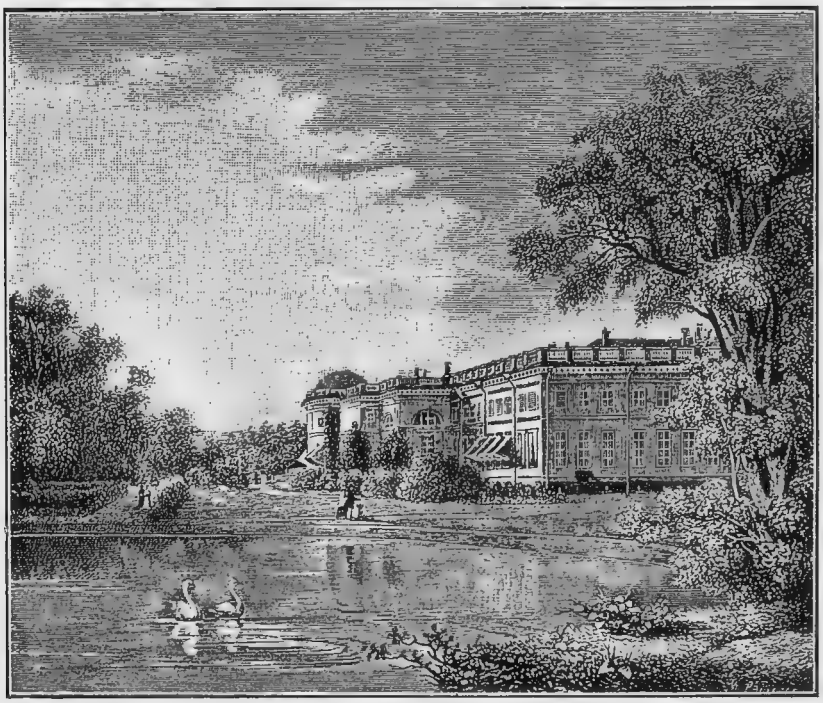
случится. Бабушка была въ восторгѣ отъ успѣховъ въ занятіяхъ своего любимаго внука и продолжала сообщать Гримму утѣшительныя о немъ свѣдѣнія. — «Читать онъ такъ любитъ, что поутру, только что откроетъ глаза, также и послѣ обѣда уже бѣжитъ къ своей книгѣ. Это лѣто онъ часто говорилъ своимъ приставницамъ, вскакивая съ постели:—«я теперь хочу тотчасъ почитать, а то послѣ мнѣ больше захочется гулять,

чѣмъ читать, и если я теперь не почитаю, то день у меня пропадетъ». — Замѣтьте, что никогда его не заставляли читать или учиться; но самъ онъ смотритъ на это, какъ на удовольствіе и на долгъ. Онъ прочелъ свои четыре книжки и прочелъ ихъ по нѣскольку разъ; такое повтореніе онъ любитъ, и оно его забавляетъ. Кромѣ того, Александръ—сама доброта; онъ столько же послушенъ, какъ и внимателенъ, и можно сказать, что онъ самъ себя воспитываетъ. Нынче осенью ему пришла охота ѣхать смотрѣть фарфоровую фабрику и арсеналъ. Рабочіе и офицеры были озадачены его вопросами, его вниманіемъ и вдобавокъ—вѣжливостью: ничто не ускользаетъ отъ этого мальчугана, которому нѣтъ еще пяти лѣтъ; его ребяческія выходки даже очень интересны, и въ его мысляхъ есть послѣдовательность, рѣдкая въ дѣтяхъ. Я приписываю это его превосходной организаціи, потому что онъ прекрасенъ, какъ ангелъ, и удивительно строенъ».

Развитію ловкости, проворства и мускульной силы въ Александрѣ, главнымъ образомъ, содѣйствовало то, что Екатерина обращала тщательное вниманіе на физическія упражненія своихъ внуковъ. Въ этихъ видахъ они копали въ саду землю, сѣяли горохъ, сажали капусту, пахали сохой, боронили, ловили сѣтью рыбу, правили лодкою и учились грести. Эти физическія упражненія лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ или Петергофѣ имѣли наилучшіе результаты: уже шести лѣтъ великій князь Александръ легко надѣвалъ на себя панцырную рубашку и бѣгалъ въ ней; а рубашка эта была настолько тяжела, что бабушка съ трудомъ поднимала ее одною рукою.

II.

Но вотъ Александру Павловичу минуло шесть лѣтъ, и Екатерина рѣшила, что пора дѣтскихъ забавъ для него миновала, что наступило уже время подумать о



АЛЕКСАНДРОВСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

серьезномъ и правильномъ распредѣленіи его занятій. Тогда она отстранила отъ него воспитательницу Ливенъ и няньку Гесслеръ и поручила его воспитаніе главному надзору и попеченіямъ гр. Н. И. Салтыкова, который и долженъ былъ подыскать своему царственному воспитаннику подходящихъ учителей. Самъ Салтыковъ не представлялъ собою опытнаго и свѣдущаго воспитателя

и отвелъ себѣ очень скромную роль: слѣдилъ, чтобы великій князь Александръ и его братъ не простужались, не болѣли, знакомилъ ихъ съ придворными обычаями и свѣтскими манерами, а также служилъ посредникомъ между императрицею и учителями. Помощникомъ Салтыкова былъ назначенъ Протасовъ, человѣкъ глубокорелигіозный, вполнѣ русскій и строгій хранитель дворянскихъ преданій. Впослѣдствіи онъ имѣлъ значительное вліяніе на великаго князя Александра, вызывая его милосердіе и добрыя чувства.

Изъ учителей на первое же время были приглашены—по Закону Божьему—протоіерей Самборскій, по русскому языку—небезызвѣстный писатель М. Муравьевъ, особенно увлекавшійся изящной французской литературой и ея лучшими представителями. Что касается новыхъ языковъ, и въ особенности французскаго, то подысканіемъ для этихъ предметовъ опытнаго наставника Екатерина была очень озабочена и просила своего совѣтчика и друга, Гримма, рекомендовать для этого подходящаго человѣка. Зная настроеніе государыни, ея любовь къ философіи и уваженіе къ просвѣщеннымъ выдающимся дѣятелямъ Европы, онъ остановилъ свое вниманіе на швейцарцѣ, Фридрихѣ-Цезарѣ Лагарпѣ, который только что очень удачно выполнилъ возложенное на него порученіе семьи генерала Ланского.

Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ происходилъ отъ небогатыхъ родителей Ваадтскаго кантона въ Швейцаріи и уже съ дѣтскихъ лѣтъ обращалъ на себя вниманіе учителей своими выдающимися способностями, любознательностью, прямотою характера и правдивостью. Онъ рано началъ чуждаться дѣтскихъ игръ, сообщества сверстниковъ; любимое его времяпрепровожденіе было — удаляться въ одиночествѣ въ горы и глухія мѣста, уноситься въ міръ грезъ и пылкихъ мечтаній. Наибольшею

привязанностью мальчика пользовался его отецъ, почтенный швейцарскій патріотъ, который много разсказывалъ своему сыну о бѣдствіяхъ ихъ отечества и о народныхъ герояхъ. Эти бесѣды съ отцомъ имѣли сильное вліяніе на молодого Лагарпа, и онъ тогда впервые понялъ уже цѣну свободы и поклялся любить справедливость и простой народъ. Бродя по живописнымъ берегамъ Женевскаго озера, Фридрихъ - Цезарь любилъ воскрешать передъ своими умственными взорами картины древне-римской и древне-греческой жизни, воображалъ себя дѣятелемъ Аѳинской или Римской республикъ, видѣлъ себя свидѣтелемъ великихъ событій изъ жизни классическихъ народовъ и въ особенности такихъ, среди которыхъ ему какъ бы приходилось являться защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ.

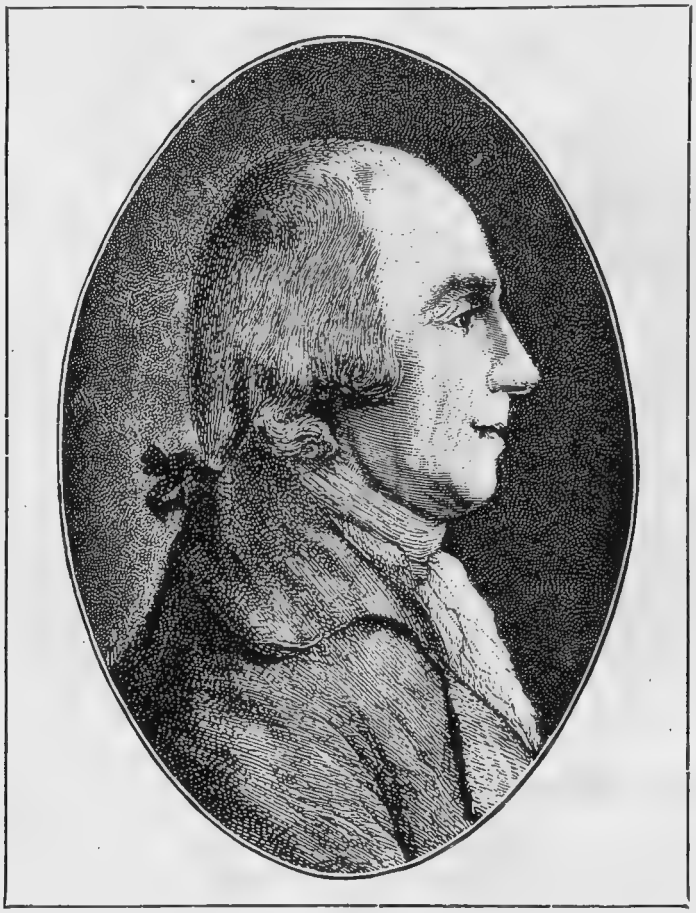
Получивъ основательную подготовку дома, онъ поступилъ сначала въ Ролльскій пансіонъ, а оттуда перешелъ въ учебное заведеніе философа Наземана—въ Гальденштейнскую семинарію, которая была устроена на подобіе Римской республики: воспитанники представляли собою здѣсь народъ и избирали изъ своей среды должностныхъ лицъ: консуловъ, трибуновъ и т. д. По окончаніи семинаріи, которая своимъ своеобразнымъ устройствомъ имѣла громадное вліяніе на складъ его убѣжденій, онъ переѣхалъ въ г. Женеву, гдѣ и погрузился въ изученіе вопросовъ философіи и педагогики. Получивъ отъ мѣстнаго университета званіе «доктора правъ», двадцатилѣтній Лагарпъ посвящаетъ себя адвокатской дѣятельности въ г. Лозаннѣ. Общество широко открываетъ передъ нимъ двери лучшихъ провинціальныхъ домовъ, и онъ сходится здѣсь съ самыми выдающимися швейцарскими писателями и учеными. Но вскорѣ ему пришлось поссориться съ нѣкоторыми представителями высшаго общества и правительства, и его положеніе въ

отечествѣ сдѣлалось небезопасно: онъ долженъ былъ удалиться изъ Швейцаріи и потерять доходную дѣятельность адвоката. На счастье Лагарпа, ему почти тутъ же предложено было мѣсто у Ланскихъ, а затѣмъ — и при дворѣ Екатерины II.

Нечего и говорить, съ какимъ трепетомъ сердца, съ какою радостью прибылъ швейцарскій гражданинъ и вольный мыслитель въ таинственную сѣверную русскую столицу, про которую на родинѣ пришлось слышать столько сказочныхъ страшныхъ вещей; возбуждала его любопытство и Екатерина Великая, которая своимъ просвѣщеннымъ умомъ, своей рѣшительной и твердой политикой такъ много заставляла говорить о себѣ всѣхъ выдающихся людей Западной Европы. Лагарпъ зналъ объ ея близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ писателями— Вольтеромъ, Гриммомъ, слышалъ много про ея смѣлыя начинанія въ области законодательства и государственнаго управленія и горѣлъ желаніемъ поскорѣе предстать предъ очи «сѣверной Семирамиды». И дѣйствительно, вскорѣ по своемъ прибытіи въ Петербургъ, Лагарпъ былъ представленъ Екатеринѣ, обласканъ со свойственною ей очаровательностью, но—и только: объ опредѣленныхъ занятіяхъ съ великими князьями, о сущности его обязанностей при нихъ ему ничего не было сказано, и онъ оставался довольно долгое время въ невѣдѣніи, что же ему дѣлать и не лучше ли уѣхать для поисковъ себѣ болѣе подходящихъ и опредѣленныхъ занятій.

Между тѣмъ Екатерина, озабоченная въ то время воспитаніемъ своего возлюбленнаго внука, составила руководство этого воспитанія, въ основаніе котораго положила взгляды англійскаго философа Локка. Это руководство состояло изъ семи наставленій, касательно: 1) здоровья и его сохраненія, 2) наклонностей къ добру,

3) добродѣтели, 4) учтивости, 5) поведенія, 6) знанія и 7) обхожденія наставниковъ съ воспитанниками. Въ этомъ наставленіи отведено много мѣста познанію Россіи и условій ея жизни, а также обращено особенное



ФРИДРИХЪ ЦЕЗАРЬ ЛАГАРПЪ.

вниманіе на изученіе русской грамоты. «Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться, чтобы знали, какъ возможно лучше», — писала она. Прочимъ языкамъ предположено учить не иначе, какъ въ разговорахъ, «но чтобы притомъ не позабывали своего языка русскаго, и для

того читать и говорить съ дѣтьми по-русски и стараться, чтобъ говорили по-русски хорошо». Екатерина указываетъ далѣе на необходимость изученія законовъ россійскихъ, «ибо, не знавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ». Въ наставленіи предписано «употреблять по нѣсколько часовъ въ день для познанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ», такъ какъ «сіе знаніе столь важно для ихъ высочествъ и для самой Имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно; прочія знанія, лишь примѣняясь къ оной, представить надлежитъ, и для того приказать по временамъ составить таблицы частей, водя ихъ высочества отъ части до части. Карта всея Россіи и особо каждой губерніи съ описаніемъ, каковы присланы отъ генералъ-губернаторовъ къ тому служить могутъ, чтобъ знать: слой земли, произрастанія, животныхъ, торги, промыслы и рукодѣлія, также рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе рѣкъ судоходныхъ съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселочныя дороги, города и крѣпости знаменитыя, описаніе народовъ, въ каждой губерніи живущихъ, одежда и нравы ихъ, обычаи, веселія, вѣра, законы и языки». Точно также и историческимъ судьбамъ родной земли въ своемъ наставленіи отводитъ она широкое мѣсто, въ цѣляхъ изученія каковыхъ она и приступила самолично къ составленію по лѣтописямъ своего рода учебника отечественной исторіи, ста-

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ, 10 ЛѢТЪ ОТЪ РОДУ.
Съ портрета Скородумова.

раясь отыскать въ событіяхъ русской исторической жизни тотъ нравственный смыслъ, въ которомъ иностранные историки ей отказывали, стараясь внушить въ маленькомъ внукѣ любовь и уваженіе къ былой отечественной старинѣ. Отъ воспитанниковъ она требовала безусловной покорности, а для наставниковъ считала непозволительнымъ допускать въ своемъ обращеніи съ дѣтьми льстивость, вмѣшиваться въ ихъ игры и смущать ихъ неумѣстными и безполезными выговорами.

Вел. Кн. Александръ Павловичъ

Лагарпъ, ознакомившись обстоятельно съ руководствомъ Екатерины, отвѣтилъ на него памятной запиской о воспитаніи, которую и представилъ черезъ Салтыкова на благоусмотрѣніе государыни.

Въ своей запискѣ онъ часто ссылается на руководство Екатерины, разъясняетъ порядокъ преподаванія наукъ и вводитъ въ учебный курсъ новый предметъ—преподаваніе философіи, которая, по его мнѣнію, должна быть знакома каждому человѣку, если только онъ стремится къ истинному просвѣщенію. Екатерина осталась чрезвычайно довольна запиской Лагарпа и положила на ней рѣшеніе: «дѣйствительно, кто составилъ подобную записку, тотъ способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ». Такимъ образомъ, судьба швейцарскаго гражданина была рѣшена: онъ былъ сдѣланъ помощникомъ

Салтыкова, и ему поручено главное руководительство учебными занятіями обоихъ великихъ князей—Александра и Константина.

III.

Лагарпъ ревностно принялся за уроки съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Въ этихъ занятіяхъ онъ видѣлъ особенное покровительство къ себѣ судьбы, которая даетъ ему возможность воспитать наилучшимъ образомъ будущаго монарха обширной имперіи, столь нуждавшейся въ просвѣщеніи. Мечтаніямъ его не было конца и границъ; но онъ, какъ умный человѣкъ, конечно понималъ, что на первыхъ порахъ болѣе всего необходимо заслужить расположеніе своего царственнаго ученика, привязать къ себѣ его сердце. А это было не такъ легко сдѣлать, такъ какъ Александръ Павловичъ былъ очень конфузливъ, робокъ и главное—плохо понималъ своего наставника. Великій князь съ трудомъ вникалъ во французскую рѣчь, а Лагарпъ рѣшительно ничего не понималъ по-русски. Но вскорѣ они научились понимать другъ друга, и занятія получили правильное теченіе. Учитель и ученикъ полюбили другъ друга, и ихъ уроки носили на себѣ не только серьезный характеръ, но и печать задушевной бесѣды. То же самое можно сказать и про ихъ совмѣстныя прогулки по Англійской улицѣ, во время которыхъ Лагарпъ сообщалъ своему царственному воспитаннику любопытныя событія изъ исторіи, древней по преимуществу; знакомилъ его съ состояніемъ Швейцаріи, съ выдающимися лицами европейской общественной жизни. Великій князь скоро поборолъ свою конфузливость, сталъ относиться къ своему воспитателю запросто и часто

давалъ даже лишнюю волю своимъ шалостямъ. По природѣ нѣсколько лѣнивый, разсѣянный и небрежный, онъ часто выводилъ Лагарпа изъ терпѣнія, такъ что тотъ вынуждаемъ былъ покидать классныя занятія и уходить домой. Удаленіе любимаго наставника очень огорчало Александра Павловича, и онъ спѣшилъ послать ему вдогонку извинительную записку и письменное покаяніе.

Такъ, однажды, когда Лагарпъ, недовольный занятіями своего ученика, ушелъ огорченный домой, послѣдній *) поспѣшилъ прислать ему слѣдующее письменное извиненіе: «2-го марта, когда меня спрашивали о томъ, чему меня учили въ предыдущій урокъ исторіи, я не только не старался отвѣчать, но довелъ безпечность и лѣнь до того, что даже и не хотѣлъ вспомнить о томъ, отчего и вышло, что я говорилъ, не зная, что говорю».

А вотъ письменное признаніе великаго князя въ своихъ поступкахъ, когда ему минуло 13 лѣтъ: «Вмѣсто того, чтобы себя поощрять и удвоивать старанія воспользоваться остающимися мнѣ годами ученія, я день ото дня становлюсь все болѣе нерадивъ, болѣе неприлеженъ, болѣе неспособенъ и, съ каждымъ днемъ, все болѣе приближаюсь ко мнѣ подобнымъ, которые безумно считаютъ себя совершенствами, потому только, что они принцы. Полный самолюбія и лишенный соревнованія, я чрезвычайно нечувствителенъ ко всему, что не задѣваетъ прямо самолюбія. Эгоистъ, лишь бы мнѣ ни въ чемъ не было недостатка, мнѣ мало дѣла до другихъ. Тщеславенъ, мнѣ бы хотѣлось выказываться и блестѣть на счетъ ближняго, потому что я не чувствую въ себѣ нужныхъ силъ для пріобрѣтенія истиннаго достоинства.

*) Ему было тогда 9 лѣтъ.

Тринадцати лѣтъ я такое-же дитя, какъ въ восемь, и чѣмъ болѣе я подвигаюсь въ возрастѣ, тѣмъ болѣе приближаюсь къ нулю. Что изъ меня будетъ? Ничего, судя по наружности. Благоразумные люди, которые будутъ мнѣ кланяться, будутъ изъ состраданія пожимать плечами, а можетъ быть, будутъ смѣяться на мой счетъ, потому что я, вѣроятно, буду приписывать своему отличному достоинству тѣ внѣшніе знаки уваженія, которые будутъ оказываться моей особѣ. Такъ-то кадятъ идолу, смѣясь надъ подобной комедіей».

Иногда Александръ Павловичъ доводилъ своими шалостями и разсѣянностью Лагарпа до того, что онъ вынуждаемъ былъ удалять его изъ комнаты. Дабы предупредить на будущее время повтореніе такихъ строгихъ мѣръ наказанія, великій князь, по распоряженію воспитателя, вывѣшивалъ на стѣнѣ классной комнаты слѣдующаго содержанія журналъ дня: «Великій князь Александръ читалъ такъ дурно и невнимательно, что принуждены были заставить его читать по складамъ, какъ восьмилѣтняго ребенка. Никакого рвенія, никакого прилежанія, никакого истиннаго желанія учиться. Этотъ памятникъ вывѣшенъ, какъ доказательство».

Но, кромѣ шалостей и разсѣянности, Александръ Павловичъ часто огорчалъ Лагарпа своимъ упрямствомъ. Такъ, когда однажды наставникъ явился на урокъ, великій князь объявилъ ему:

— Я ходилъ далеко гулять и теперь хочу ѣсть.

— Еще не время,—спокойно замѣтилъ Лагарпъ.— Возьмите вашу тетрадь ариѳметики и продолжайте прерванныя занятія.

— Мнѣ очень хочется ѣсть. Когда же я съѣмъ свой хлѣбъ?

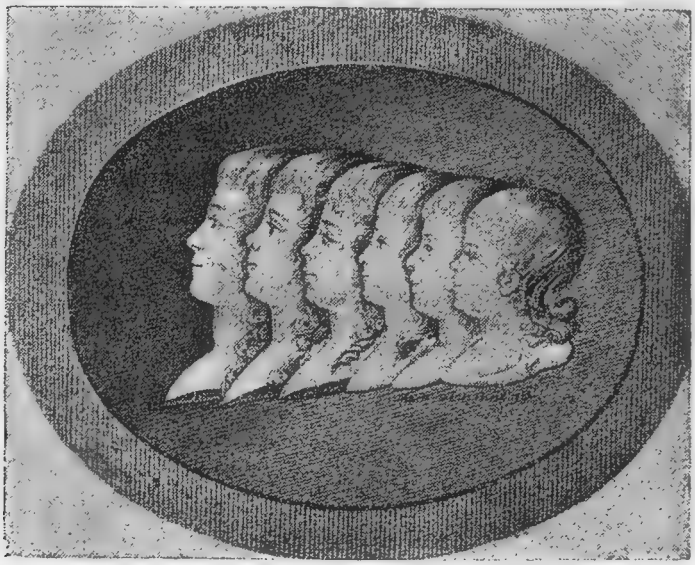
— Окончимъ занятія.

— Но ужъ поздно. Я голоденъ. Скоро ли я получу свой хлѣбъ?

— Вы получите его послѣ урока.

— Такъ я не буду больше ничего дѣлать, кромѣ того, что вы мнѣ строго прикажете.

— Мнѣ кажется, вы не въ духѣ. И, право, это того не стоитъ. Если вы намѣрены ничего не дѣ-



АЛЕКСАНДРЪ, КОНСТАНТИНЪ, АЛЕКСАНДРА, ЕЛЕНА, МАРІЯ, ЕКАТЕРИНА.
Камея, исполненная великою княгинею (императрицею) Маріею Ѳеодоровной въ 1790 г., изображающая ея дѣтей.

лать для самого себя, кому же вы повредите какъ не себѣ же?

Спокойная рѣчь наставника, его непреклонная воля оказали, наконецъ, на великаго князя доброе вліяніе: онъ принесъ повинную и чистосердечно записалъ въ своемъ дневникѣ: «Я, нижеподписавшійся, солгалъ, чтобы скрыть свою лѣнь и выпутаться, увѣряя, что мнѣ некогда было исполнить того, что мнѣ было задано уже два дня, тогда какъ братъ мой исполнилъ

то же самое и въ то же время; я, напротивъ, шалилъ, болталъ и велъ себя съ самаго начала недѣли, какъ человѣкъ, лишенный рвенія, нечувствительный къ стыду и упрекамъ. Я утѣшаюсь, впрочемъ, будучи убѣжденъ, что всегда буду знать столько же, сколько люди равнаго со мною положенія, которыхъ я не захочу обижать слишкомъ большими съ моей стороны познаніями».

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I 11 ЛѢТЪ.
Съ рис. Мейера 1787 г.

IV.

Не мало хлопотъ доставлялъ Лагарпу и другой его ученикъ, очень вспыльчивый Константинъ Павловичъ. И на долю послѣдняго выпадали наказанія, однородныя съ его братомъ, т.-е. высылки изъ класса, прекращеніе урока и вывѣшиваніе неудовлетворительнаго журнала на стѣнѣ. Когда наставникъ, разсерженный, уходилъ домой, прекративъ свои занятія, или высылалъ ученика изъ классной комнаты, Константинъ спѣшилъ, подобно старшему брату, которому онъ старательно въ дѣтствѣ во всемъ подражалъ, послать Лагарпу письмо. «Господинъ де-Лагарпъ!—писалъ онъ ему.—Умоляю васъ взять меня къ себѣ. Я очень желаю исправиться. Я очень чувствую, что сдѣлалъ дурно, противорѣча вамъ. Буду стараться вести себя хорошо. Примите меня, пожалуйста; вы можете дѣлать со мной,

что угодно. Прошу васъ, возьмите меня къ себѣ учиться, окажите мнѣ эту милость». Въ другой разъ онъ прислалъ своему учителю слѣдующую записку:—«Умоляю васъ прочесть мое письмо. Будьте снисходительны ко мнѣ и подумайте, что я могу исправить свои недостатки; я сдѣлаю усиліе, не буду мальчишкой, осломъ—«Asinus» и пропащимъ молодымъ человѣкомъ. Прошу васъ пустить меня придти учиться. Я могу быть въ комнатѣ съ тѣмъ даже, чтобы вы мною не занимались, но мнѣ нужно будетъ слушать, что вы будете говорить брату».

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

А вотъ образчикъ того, какъ великій князь Константинъ Павловичъ каялся въ своихъ провинностяхъ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я на дачѣ, мнѣ не было другого дѣла, какъ выучить наизустъ имена провинцій и главныхъ городовъ Испаніи, и хотя мнѣ не поручили никакого другого занятія, такова моя небрежность и таково равнодушіе ко всему, что есть образованіе, что я ничего не сдѣлалъ изъ того немногаго, что мнѣ было задано; поэтому неудивительно, что меня не хотятъ знать и что меня оставляютъ на произволъ печальной судьбы, ожидающей меня. Въ двѣнадцать съ лишкомъ лѣтъ я ничего не знаю...»

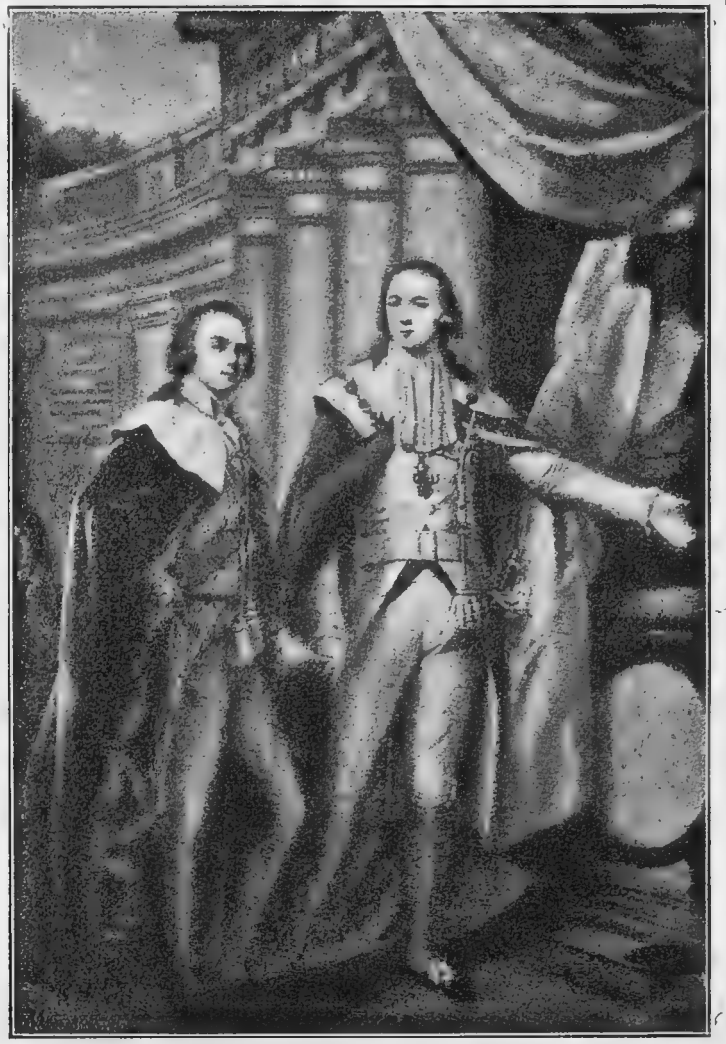
Насколько великій князь Александръ высказывалъ всѣмъ своимъ поведеніемъ, наклонностями и характеромъ

любовь къ мирнымъ занятіямъ, къ чтенію, къ мечтательности, настолько братъ его, Константинъ, проявлялъ воинственный пылъ и пристрастіе ко всему военному. Это очень огорчало Лагарпа.

Въ отношеніяхъ Лагарпа къ своимъ ученикамъ, сплошь и рядомъ, проглядывала неровность; въ то время, какъ къ старшему онъ относился скорѣе снисходительно и, во всякомъ случаѣ, съ сердечной теплотой, младшій встрѣчалъ со стороны наставника болѣе строгое, холодное отношеніе. Наставникъ, въ данномъ случаѣ, поддался общему дворцовому настроенію, гдѣ великій князь Александръ утопалъ въ потокахъ ласки и баловства. Сюда еще присоединились для Лагарпа особенныя чувства: онъ надѣялся въ лицѣ Александра Павловича видѣть осуществленіе своей мечты, а именно: онъ хотѣлъ образовать изъ него такого монарха, дѣйствіями котораго будутъ исключительно руководить понятія законности, любви и милосердія. Онъ раскрывалъ передъ нимъ картины древней жизни, гдѣ все казалось столь прекраснымъ, заманчивымъ и увлекательнымъ. Въ горячемъ потокѣ рѣчи учитель училъ его любви къ простому народу, ко всѣмъ несправедливо обижаемымъ судьбою; развивалъ въ немъ ненависть къ насилію, къ беззаконію, къ себялюбію и роскоши. Слова наставника глубоко западали въ душу ученика, и онъ съ восторгомъ внималъ всякому его выраженію, вникалъ во всякую его мысль и поученія. Пылкія проповѣди Лагарпа падали на благодарную почву: великій князь переживалъ мысленно, вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ, всѣ имъ любимыя историческія событія и преклонялся передъ его излюбленными героями.

Екатерина II была чрезвычайно довольна ходомъ занятій и успѣхами своихъ внуковъ, въ особенности—старшаго.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ заграничному другу державная бабушка сдѣлала слѣдующую характеристику своего возлюбленнаго внука:



ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ АЛЕКСАНДРЪ И КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧИ.

«Господинъ Александръ тѣлесно, сердечно и умственно представляетъ рѣдкій образецъ красоты, доброты

и смышленности. Онъ живъ и основателенъ, скоръ и разсудителенъ; мысль его глубока, и онъ съ необыкновенной ловкостью дѣлаетъ всякое дѣло, какъ-будто всю жизнь имъ занимался. Онъ великъ и силенъ для своего возраста и притомъ—гибокъ и легокъ. Однимъ словомъ, мальчикъ этотъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей и потому чрезвычайно любимъ окружающими. Ровесники его легко соглашаются съ его мнѣніями и охотно слѣдуютъ за нимъ... Онъ очень свѣдущъ для своихъ лѣтъ: онъ говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо знакомъ съ исторіей всѣхъ странъ, любитъ чтеніе и никогда не бываетъ празденъ. Онъ охотно предается всѣмъ удовольствіямъ своего возраста. Если я съ нимъ заговорю о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ весь—вниманіе, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинакимъ удовольствіемъ; заставлю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ. Всѣ имъ довольны, и я также. Воспитатель его, Лагарпъ, находитъ, что онъ—личность замѣчательная. Теперь онъ сидитъ надъ математикой, которая ему такъ же легко дается, какъ и все остальное. Однимъ словомъ, я представляю вамъ господина Александра, какъ личность замѣчательную между ему подобными, потому что если этотъ не будетъ имѣть успѣха, то я не знаю, кто послѣ того можетъ разсчитывать на успѣхъ. Замѣтьте еще, что когда Александръ боленъ, или ему нездоровится, или онъ утомленъ, что не часто случается, а также когда день его приходитъ къ концу,—то онъ окружаетъ себя изящными искусствами, и тогда онъ развлекается эстампами, медалями или разными камнями».

Государыня внимательно слѣдила за уроками Лагарпа и съ интересомъ прочитывала его учебныя записки, а также—дневники учениковъ, представляемые ей Салтыковымъ. Государыня показывала эти записки нѣ-

которымъ своимъ приближеннымъ, и всѣ наравнѣ съ нею хвалили швейцарца-учителя.

— Начала, которыя вы проводите, укрѣпляютъ души вашихъ учениковъ,—сказала она ему однажды,— я читаю ваши записки съ величайшимъ удовольствіемъ и чрезвычайно довольна вашимъ преподаваніемъ.

Въ другой разъ, когда до ея свѣдѣнія дошло, что Лагарпъ продолжаетъ сноситься со своими швейцарскими и французскими друзьями, которые не пользовались у себя на родинѣ расположеніемъ и любовью правительства, — Екатерина сказала наставнику своихъ внуковъ:

— Я знаю, что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно; оставайтесь при моихъ внукахъ и ведите свое дѣло такъ же хорошо, какъ вели его до сихъ поръ.

Этими словами государыня показала Лагарпу и всѣмъ его недругамъ, что его положеніе при ея дворѣ вполнѣ прочно, и что никакіе злые навѣты не могутъ поколебать ея довѣрія къ воспитателю. Такъ продолжалось до 1794 года, когда во взглядахъ Екатерины на европейскія дѣла и въ ея чувствахъ къ представителямъ французской литературы и философіи — произошелъ значительный переломъ.

V.

Отношенія великаго князя Александра къ своему наставнику съ каждымъ годомъ носили все болѣе сердечный характеръ, и онъ рѣшительно на все смотрѣлъ глазами Лагарпа.

Однажды, онъ бросился на шею своему дорогому учителю и былъ осыпанъ пудрою съ его парика.

— Посмотрите, любезный князь, на что вы похожи? — замѣтилъ ему, ласково улыбаясь, Лагарпъ.

— Все равно; никто меня не осудитъ за то, что я заимствую отъ васъ. Отъ васъ ничто дурное ко мнѣ не пристанетъ! — пылко воскликнулъ Александръ.

Но скоро великому князю пришлось удѣлить значительную долю своихъ душевныхъ чувствъ другому лицу, ставшему къ нему, по выбору его державной бабушки, ближе всѣхъ на свѣтѣ.

Когда Александру Павловичу минуло 15 лѣтъ, Екатерина Великая рѣшила, что уже пора подыскать ему подругу жизни; ея выборъ остановился на сверстницѣ ея внука, хорошенькой баденской принцессѣ, Луизѣ-Августѣ, нареченной, при принятіи православія, Елисаветой Алексѣевной. Сватаніе великаго князя, а затѣмъ бракосочетаніе сопровождались пышными праздниками, на которые, между прочимъ, съѣхались многіе знатные европейскіе принцы. Послѣдніе, узнавъ, что при дворѣ Екатерины живетъ Лагарпъ, котораго они не любили, стали вооружать противъ него государыню. Это оказало вліяніе на Екатерину, и она стала относиться холоднѣе къ Лагарпу. Его имя даже было вычеркнуто изъ списка награжденныхъ, по случаю бракосочетанія Александра Павловича.

Лагарпъ понялъ, что дни его во дворцѣ сочтены, и что лучше всего—самому откланяться государынѣ, нежели ждать оскорбительной отставки. Поэтому онъ рѣшилъ написать объяснительное письмо Екатеринѣ, каковое и было передано ей Салтыковымъ. Вотъ что писалъ государынѣ наставникъ ея внуковъ: «Я прибылъ бѣднякомъ ко двору; благодаря благодѣяніямъ ея величества, я жилъ въ достаткѣ. Если я долженъ покинуть дворъ бѣднякомъ, то дѣлаю это безъ сожалѣнія и угрызенія совѣсти, съ душою столь же честною, но съ серд-

цемъ болѣе разбитымъ, чѣмъ во время пріѣзда... Слава Богу, что я былъ наставникомъ русскихъ великихъ князей, и воспоминаніе о лестной довѣренности ея величества надолго будетъ для меня достаточнымъ вознагражденіемъ, которое поможетъ мнѣ мужественно перенести самыя тяжкія лишенія... Да будутъ только мои труды плодотворны для славы ея царствованія, да падетъ на мою долю невыразимое удовольствіе узнать, что ихъ императорскія высочества удовлетворяютъ намѣреніямъ относительно меня. Каково бы ни было рѣшеніе ея императорскаго величества, оно не можетъ быть недостойно ея великой души, и я всегда буду счастливъ, что заплатилъ мой долгъ человѣчеству».

Екатерину тронуло это письмо; она назначила Лагарпу личное свиданіе, пробесѣдовала съ нимъ около двухъ часовъ, осталась чрезвычайно имъ довольна и, такимъ образомъ, его удаленіе изъ дворца было отсрочено на неопредѣленное время.

Занятія его съ великими князьями продолжались, но уже не съ прежней аккуратностью и послѣдовательностью. Александръ Павловичъ все чаще пропускалъ уроки, отвлекаемый отъ нихъ семейными обязанностями, и наставникъ, сплошь да рядомъ, получалъ отъ ученика слѣдующаго рода записки: «Причина, помѣшавшая мнѣ возобновить съ вами мои занятія, вамъ извѣстна. Вы очень хорошо понимаете, что, особенно будучи недавно женатъ, я не могу оставлять жену больную одну; это значило бы—отталкивать ея расположеніе. Но что вы говорите о праздности, то, увѣряю васъ, что я никогда не празденъ. Такъ какъ здоровье ея гораздо лучше, и она выйдетъ въ пятницу—въ Крещеніе, то съ будущей недѣли я—вашъ; я думаю,—не стоитъ начинать въ субботу, потому что въ пятницу будетъ балъ въ Тронномъ залѣ, и я не ручаюсь, что на другой день

не буду долго спать». Въ другой разъ онъ опять, ссылаясь на болѣзнь молодой жены своей, проситъ отложить урокъ и пишетъ наставнику: «Любезный господинъ де-Лагарпъ, прошу у васъ милліонъ извиненій; нынѣ опять не могу сдержать слова. Надѣюсь, что вы меня простите, ибо это происходитъ отъ того, что жена моя больна, должна принимать лѣкарство, и я не желалъ бы ее оставлять одну... Прошу васъ отложить до другого раза. Я тѣмъ болѣе разсчитываю на вашу снисходительность, что вы сами человѣкъ женатый и потому знаете, какъ должно заботиться о женѣ».

Конечно, Лагарпъ и не думалъ сердиться на своего шестнадцатилѣтняго ученика, который, сдѣлавшись, по волѣ бабушки, въ столь раннемъ возрастѣ семьяниномъ, нѣжно заботился о своей молоденькой супругѣ и берегъ ея здоровье. Онъ радовался его семейному счастью, надѣясь современемъ быть полезнымъ и великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Но тучи, которыя уже однажды грозно висѣли надъ его головою и которыя ему удалось въ свое время разсѣять личнымъ объясненіемъ съ государыней, снова собрались надъ нимъ, и уже на этотъ разъ онъ ничего не въ состояніи былъ сдѣлать въ свою пользу.

Государыня, которой наскучили постоянныя сплетни относительно Лагарпа, рѣшила съ нимъ распроститься и поручила Салтыкову, въ исходѣ 1794 г., объявить наставнику, что онъ долженъ прекратить свои занятія съ ея внуками и покинуть Петербургъ. Салтыковъ, явившись съ этимъ печальнымъ рѣшеніемъ Екатерины, засталъ Лагарпа въ обществѣ Александра Павловича. Не желая разстраивать великаго князя, онъ вызвалъ учителя въ другую комнату, гдѣ и объявилъ ему волю государыни. Но чуткое сердце юнаго ученика подсказало ему, что надъ его дорогимъ г. де-Лагарпомъ стряс

лась бѣда. Когда тотъ, смущенный, вернулся въ классную комнату, Александръ Павловичъ порывисто бросился къ нему навстрѣчу съ тревожнымъ вопросомъ:

— Ну, что-жъ?

— Позвольте, ваше высочество, поговорить объ этомъ въ другой разъ, — спокойно отвѣтилъ Лагарпъ, не желая никакими сторонними разговорами прерывать урока.

— Ахъ, неужели вы думаете, что я не знаю всего, что дѣлается для того, чтобы удалить васъ?

И съ этимъ восклицаніемъ великій князь, обливаясь горючими слезами, бросился обнимать своего любимаго наставника, къ которому за десять почти лѣтъ знакомства такъ сильно привязался.

Лагарпъ просилъ, какъ милости, позволенія пробыть въ Петербургѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы устроить свои семейныя дѣла (онъ женился на дѣвушкѣ изъ рода Бетлингъ) и окончить великому князю и его супругѣ курсъ исторіи. На это послѣдовало согласіе Екатерины, и онъ поспѣшилъ въ нѣсколько мѣсяцевъ пройти съ Александромъ Павловичемъ основательно еще разъ весь курсъ политической и общественной нравственности, который и долженъ былъ лечь въ основаніе всѣхъ распоряженій и дѣяній будущаго русскаго монарха.

Великіе князья, а также Елисавета Алексѣевна, были глубоко огорчены предстоящимъ скорымъ отъѣздомъ Лагарпа; особенно убивался Александръ Павловичъ. Онъ спѣшилъ насладиться послѣдними часами бесѣды съ наставникомъ, заставлялъ повторять себѣ любимые Лагарпомъ взгляды на историческія событія и дѣянія королей, крѣпко запоминалъ его нравоученія и посылалъ ему самыя нѣжныя письма. Даря ему на память осыпанные брилліантами портреты свой и жены

своей, великій князь писалъ ему наканунѣ его отъѣзда: «Прощайте, любезный другъ; что̀ мнѣ сто́итъ сказать вамъ это слово! Помните, что вы оставляете здѣсь человѣка, который вамъ преданъ, который не въ состояніи выразить вамъ свою признательность, который обязанъ вамъ всѣмъ, кромѣ рожденія. Примите отъ жены, отъ брата и отъ меня эти знаки нашей общей признательности. Будьте счастливы, любезный другъ, это — желаніе любящаго васъ, уважающаго и почитающаго выше всего. Я едва вижу, что пишу. Прощайте, въ послѣдній разъ, лучшій мой другъ, не забывайте меня».

Въ день отъѣзда, Александръ Павловичъ потихоньку отъ всѣхъ проѣхалъ въ Таврическій дворецъ, гдѣ жилъ Лагарпъ, чтобы въ послѣдній разъ обнять своего наставника и сказать ему послѣднее «прости». Бывшій воспитатель съ трудомъ, самъ весь въ слезахъ, вырвался изъ объятій рыдавшаго юноши и поспѣшилъ скорѣе покинуть Петербургъ.

Екатерина также сожалѣла въ душѣ объ отъѣздѣ Лагарпа и, щедро наградивъ наставника своихъ внуковъ, на прощаніе ласково замѣтила ему, чтобы онъ берегъ себя на родинѣ. Съ отъѣздомъ Лагарпа можно считать законченнымъ образованіе великаго князя Александра; но личныя ихъ сношенія не прекратились, и швейцарскому республиканцу еще суждено было сыграть нѣкоторую роль въ жизни Александра Павловича вторично.

VI.

Александръ Павловичъ сильно скучалъ по отъѣздѣ Лагарпа, и при всякомъ удобномъ случаѣ спѣшилъ послать ему вѣсточку о себѣ. «Васъ мнѣ недостаетъ ужас-

но,—писалъ онъ ему въ одномъ изъ писемъ: — каждое мѣстечко напоминаетъ мнѣ о васъ, особенно — Англійская улица, потому что я чаще всего тамъ гуляю, и эта прогулка меня трогаетъ. Наконецъ, я доволенъ, зная, что вы счастливы и спокойны. Вы доставили мнѣ несказанное удовольствіе описаніемъ вашего жилища, которое, должно быть, прелестно. Когда же, — о, великій Боже!—я буду такъ счастливъ, что увижу васъ тамъ. О! я твердо убѣжденъ, что Господь, столь милостивый и праведный, услышитъ, наконецъ, мои желанія и сдѣлаетъ меня счастливымъ».

Письма другого ученика Лагарпа были болѣе сдержанны и отличались болѣе описательнымъ характеромъ, но и въ нихъ слышится неподдѣльное чувство любви и привязанности къ наставнику: «Я бы желалъ, когда буду женатъ, пріѣхать на цѣлый мѣсяцъ къ вамъ съ женою, и надѣюсь это исполнить,—писалъ Константинъ Павловичъ.—Прощайте, любезный де-Лагарпъ, не забывайте меня, я очень васъ люблю, и будьте увѣрены, что вы мнѣ всегда будете очень дороги».

Въ 1801 г. не стало Павла Петровича, и на родительскій престолъ вступилъ молодой его сынъ, воспитанникъ Лагарпа, Александръ Павловичъ. Воцареніе новаго государя было встрѣчено всѣми съ радостью. Отовсюду сыпались ему благопожеланія и выраженія сочувствія. Разумѣется, и старый наставникъ прислалъ своему ученику сердечное поздравленіе и пожеланіе долгихъ и счастливыхъ лѣтъ царствованія. Государь поспѣшилъ отвѣтить Лагарпу въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ:

«Буду стараться,—писалъ Александръ I,—сдѣлаться достойнымъ имени вашего воспитанника и всю жизнь буду этимъ гордиться... Почему вы не можете быть здѣсь, чтобъ руководить меня вашею опытностью и ограждать отъ ловушекъ, въ которыя я могу попасть

по милости и, можетъ, по невѣдѣнію испорченныхъ душъ... Вотъ, любезный другъ, почему просвѣщенный и опытный въ знаніи людей другъ есть величайшее сокровище».

Лагарпъ, конечно, поспѣшилъ откликнуться на приглашеніе своего державнаго воспитанника, и въ августѣ 1801 г. мы видимъ его снова въ Петербургѣ, при дворѣ Александра I.

Встрѣча ученика и учителя, послѣ шестилѣтней разлуки, носила на себѣ самый сердечный характеръ, и Александръ Павловичъ съ восторгомъ сообщилъ ему о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя онъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ своихъ молодыхъ друзей и приближенныхъ, собирался внести въ управленіе государствомъ. Но наставникъ, къ величайшему его удивленію, не поспѣшилъ поддержать его восторженнаго настроенія и началъ давать молодому государю совѣты осторожности и терпѣнія.

— Я,—сказалъ ему, при первомъ же свиданіи, Лагарпъ,—радуюсь, что судьба обширнаго государства нынѣ въ рукахъ монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права—не призракъ, и что глава народа есть его первый слуга. Вамъ предстоитъ теперь примѣнить на дѣлѣ тѣ начала, которыя вы признаете истинными.

— Я надѣюсь, что наши отношенія не измѣнятся,—отвѣтилъ Александръ,—и я вполнѣ разсчитываю на ваши совѣты, которые будутъ мнѣ столь полезны на такомъ отвѣтственномъ мѣстѣ, какъ мое, и которое я рѣшился принять только въ надеждѣ быть полезнымъ моей странѣ и предотвратить отъ нея въ будущемъ новыя бѣдствія.

— Я воздержусь давать вамъ совѣты; но есть одинъ, мудрость котораго я уразумѣлъ въ несчастные 18 мѣсяцевъ, когда я былъ призванъ управлять своимъ отечествомъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы внимательно

ходить за дѣлами, избѣгая насильственныхъ перемѣнъ. Искренно желаю, чтобы человѣколюбивый Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра между благо-

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.
Съ портрета Афанасьева.

дѣтелями рода человѣческаго и защитниками началъ истины и добра.

— Болѣе всего мнѣ доставляетъ труда заставить окружающихъ забыть о личномъ довольствѣ и направить ихъ силы исключительно на благо страны и народа.

— Главное—твердая и непоколебимая власть! Выслушивайте съ вашею обычною снисходительностью различныя мнѣнія, взвѣшивайте ихъ и затѣмъ произносите вашу волю. Совѣщайтесь съ вашими сотрудниками, вникайте въ ихъ дѣятельность, но держите ихъ въ почтительномъ отдаленіи, оставляя за собою послѣднее слово, и не только не допускайте и тѣни ихъ вліянія, но дѣйствуйте такъ, чтобы они не могли ни предвидѣть вашего рѣшенія, ни отгадать вашей тайны.

— Вы непремѣнно должны участвовать въ нашемъ кружкѣ, гдѣ уже въ настоящее время задумываются и обсуждаются мѣропріятія по разнымъ преобразованіямъ. Я разсчитываю на ваше дѣятельное участіе въ нашихъ послѣобѣденныхъ засѣданіяхъ.

Этимъ закончилась первая сердечная встрѣча молодого государя съ наставникомъ.

Во время своего пребыванія при дворѣ Александра Павловича Лагарпъ много работалъ, такъ какъ государь посылалъ всѣ записки и письменныя предложенія, по предмету управленія и по вопросамъ законодательства, на просмотръ своему бывшему наставнику. И послѣдній внимательно прочитывалъ поступавшія къ нему бумаги, дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія и подавалъ отвѣтныя записки.

Касательно, напримѣръ, дѣла просвѣщенія онъ высказывалъ такой взглядъ:

— Пусть въ большихъ городахъ учреждаются университеты, гимназіи и другія училища, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пусть откроются и сельскія школы, въ которыхъ будутъ учить, по крайней мѣрѣ, читать, писать и считать.

Подготовительныя работы по вопросамъ преобразованія шли неустанно; но вскорѣ явилось разногласіе во взглядахъ между Лагарпомъ и членами кружка государя, что огорчало послѣдняго, и ему было больно слышать, какъ его приближенные подсмѣивались надъ бывшимъ наставникомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сознавалъ, что совѣты Лагарпа слишкомъ нерѣшительны, а подчасъ и ошибочны. Продолжая питать неизмѣнное чувство любви и уваженія къ своему наставнику, Александръ I, рядомъ съ этимъ, не могъ не тяготиться его вѣчнымъ вмѣшательствомъ во всѣ дѣла, массою представляемыхъ имъ записокъ и постояннымъ несогласіемъ съ молодыми членами кружка. Лагарпъ и самъ вскорѣ понялъ, что онъ—лишній при дворѣ государя, и въ апрѣлѣ 1802 г. покинулъ Петербургъ, чтобы навсегда поселиться въ своемъ имѣніи Плесси-Пике, недалеко отъ Парижа.

Александръ Павловичъ нѣжно поблагодарилъ его за помощь, совѣты и щедро одарилъ своего бывшаго наставника.

Живя въ имѣніи, Лагарпъ знакомилъ своего державнаго друга со всѣми выдающимися европейскими событіями, новостями литературы и въ значительной степени содѣйствовалъ первому сближенію Россіи съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

А, тѣмъ временемъ, Россія переживала тревожныя событія,—достопамятную борьбу съ Наполеономъ и великую отечественную войну 1812 г. Наконецъ, эта борьба кончилась къ полному благополучію нашего отечества: французы были изгнаны изъ Россіи, войска Александра I побѣдоносно прошли всю Европу и заняли Парижъ. Здѣсь Александръ Павловичъ снова встрѣтился со своимъ старымъ наставникомъ и радостно заключилъ его въ объятія.

— Парижъ въ восторгѣ отъ вашего величества,— привѣтствовала государя жена Лагарпа.

— О!—воскликнулъ Александръ,—всѣмъ, что располагаетъ людей ко мнѣ, я обязанъ моему воспитателю-наставнику, вашему мужу! Если бы не было Лагарпа, не было бы и Александра.

Съ 1814 по 1816 г. государь почти не разставался съ Лагарпомъ; послѣдній постоянно находился около него въ Парижѣ, въ качествѣ ближайшаго совѣтчика, а въ Вѣнѣ, во время знаменитыхъ конгрессовъ,—въ роли представителя интересовъ трехъ швейцарскихъ кантоновъ. Подъ вліяніемъ Лагарпа, Александръ Павловичъ потребовалъ отъ конгрессовъ, чтобы швейцарскія дѣла были разрѣшены, какъ на томъ настаивалъ его бывшій наставникъ. Такимъ образомъ, державный ученикъ щедро отблагодарилъ отечество Лагарпа: онъ даровалъ Швейцаріи вѣчный нейтралитетъ среди европейскихъ государствъ; кромѣ того, ей было даровано самоуправленіе, въ коемъ принимали равное участіе представители всѣхъ кантоновъ. Это былъ воистину царскій подарокъ, который съ избыткомъ вознаграждалъ Лагарпа за всѣ понесенные имъ на пользу русскаго государя воспитательные труды и заботы.

Въ 1824 году мирный обыватель Плесси-Пике былъ обрадованъ посланною ему величайшею наградою отъ государя: ему даровали осыпанные брилліантами знаки Андрея Первозваннаго при лестномъ рескриптѣ. Но за то слѣдующій годъ принесъ ему горестную вѣсть. Его обожаемаго воспитанника не стало: онъ скончался отъ простуды на югѣ Россіи. Лагарпъ поспѣшилъ выразить чувства соболѣзнованія вдовствующей императрицѣ, отъ которой вскорѣ получилъ отвѣтное письмо:

«Изъ всѣхъ, раздѣляющихъ со мною глубокую скорбь,—писала ему Елисавета Алексѣевна, — воспоми-

наніе о васъ, милостивый государь, въ эту жестокую минуту, увѣряю васъ, для меня самое драгоцѣнное. Мнѣ отрадно бы было оплакивать вмѣстѣ съ вами обожаемаго человѣка, коего прекрасная душа вамъ была извѣстна; вы слѣдили за его развитіемъ, вы способствовали ономy... никто поэтому лучше васъ не можетъ понять всей громадности моей утраты и говорить мнѣ тѣмъ языкомъ, котораго болѣе всего жаждетъ мое сердце. Вы знаете, милостивый государь, что онъ любилъ сознавать, чѣмъ онъ вамъ обязанъ, и я нахожу утѣшеніе въ повтореніи этого. Вы говорите, что остатокъ жизни вашей разстроенъ нашимъ несчастіемъ, и я этому вѣрю; но вспомните о непосредственномъ вліяніи, которое вы имѣли на его молодость, о благѣ, которое вы этимъ принесли ему и вообще человѣчеству, и вы еще найдете утѣшеніе въ этомъ воспоминаніи...»

И остальные члены царствующаго дома, какъ равно и новый государь, Николай Павловичъ, не оставили Лагарпа своимъ вниманіемъ: всѣ они прислали ему соболѣзнующія письма, гдѣ не поскупились на выраженія чувствъ признательности за все имъ нѣкогда содѣланное на благо покойнаго Александра I. Особенной теплотой и сердечностью дышали письма его второго ученика,—Константина Павловича.

Въ память дружбы его съ Александромъ, царствующій братъ его возвратилъ Лагарпу всѣ его письма и записки къ покойному государю. Сознавая важность этихъ историческихъ памятниковъ, Лагарпъ снялъ съ нихъ копіи, а подлинники возвратилъ Николаю Павловичу, прибавивъ сюда еще копіи съ писемъ къ нему Александра Павловича.

Лагарпъ пережилъ своего воспитанника на 13 лѣтъ, храня о немъ до послѣднихъ минутъ своей жизни восторженное воспоминаніе. Онъ скончался въ 1838 г.,

восьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, окруженный обширной семьей, и еще бодрый и крѣпкій. Соотечественники поставили на небольшомъ островѣ мѣстечка Ролле, близъ берега Женевскаго озера, скромный памятникъ Лагарпу, какъ благодарную дань его великимъ заслугамъ. Когда его хоронили, всѣ въ одинъ голосъ повторяли: — «Много онъ потрудился для родины, — имѣетъ право и отдохнуть».

VI. Николай I и генералъ Ламсдорфъ.

I.

Дни Екатерины Великой уже клонились къ концу, когда 25 іюня 1796 г. она была извѣщена о рожденіи третьяго внука. Въ ея присутствіи, духовникъ государыни, на половинѣ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, совершилъ надъ новорожденнымъ младенцемъ молитву, съ нареченіемъ его небывалымъ еще въ царствующемъ домѣ Романовыхъ именемъ Николая. Извѣщая объ этомъ событіи своего заграничнаго друга, философа Гримма, Екатерина II такъ описывала наружность новорожденнаго: «Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ—аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь мою—въ первый разъ вижу такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ».

А черезъ двѣ недѣли она опять писала все тому же Гримму: «Рыцарь Николай уже три дня кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда осьмидневный ребенокъ не пользовался такимъ

угощеніемъ, это неслыханное дѣло. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія: если такъ будетъ продолжаться, то я полагаю, что придется, по прошествіи шести недѣль, отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза, голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего». Въ тѣхъ же письмахъ Екатерина, точно предугадывая будущее новорожденнаго, говоритъ: — «Я стала бабушкой третьяго внука, который, по необыкновенной силѣ своей, предназначенъ, кажется мнѣ, также царствовать, хотя у него и есть два старшихъ брата».

Предсказаніе бабушки сбылось,—и, по кончинѣ въ 1825 году бездѣтнаго Александра I, Николай Павловичъ, согласно волѣ своего почившаго старшаго брата и живого второго брата, Константина Павловича, отрекшагося отъ престола, былъ коронованъ и вступилъ на прародительскій престолъ подъ именемъ Николая I.

Изъ очерка объ Александрѣ I намъ извѣстно, сколько любви и вниманія было положено Екатериною II въ дѣло воспитанія старшаго внука, и какъ послѣдній, съ первыхъ же дней рожденія, по волѣ державной бабушки, былъ устраненъ отъ близости и вліянія родителей. Иначе сложились дѣтскіе и юношескіе годы третьяго ея внука, «рыцаря Николая», который, въ противность первымъ своимъ двумъ братьямъ, выросъ, окрѣпъ и умственно развился въ родительскомъ домѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ отца и, главнымъ образомъ, матери, и, въ значительной степени, согласно ихъ воспитательнымъ взглядамъ и понятіямъ.

Екатерина II успѣла, при жизни, лишь сдѣлать выборъ Николаю Павловичу штата нянекъ, гувернантокъ и прочихъ придворныхъ лицъ, долженствовавшихъ со-

стоять при третьемъ внукѣ. Главный надзоръ за воспитаніемъ былъ порученъ Шарлоттѣ Карловнѣ Ливенъ; гувернантками были назначены—г-жи Адлербергъ, Синицына и Панаева; въ няньки же была взята англичанка, Евгенія Васильевна Лайонъ (Jane Lyon), а кормилицею—

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.
(Съ портрета, писаннаго Бэннеромъ).

красносельская крестьянка, Евфросинія Ершова. Кромѣ этихъ лицъ, согласно положенію, при великомъ князѣ состояли двѣ камеръ-юнгферы, двѣ камермедхенъ, два камердинера, докторъ, аптекарь и зубной врачъ.

Всѣ названныя должностныя лица не представляли собою ничего выдающагося и достойнаго вниманія историка; исключеніе составляла лишь няня-англичанка или,

точнѣе, шотландка, дочь лѣпного мастера, вызваннаго Екатериною II въ Россію, Лайонъ, «няня-львица», какъ ее называлъ, нѣсколько передѣлывая ея фамилію, Николай Павловичъ...

Лайонъ была женщина характера смѣлаго, рѣшительнаго и энергичнаго, вспыльчивая до чрезвычайности; она, вмѣстѣ съ тѣмъ, была необыкновенно добра и нѣжна въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ и окружающимъ вообще. Семь лѣтъ жизни, которыя она провела около порученнаго ея попеченіямъ царственнаго ребенка, положили рѣзкій слѣдъ на его складъ характера и даже отчасти—на образъ мыслей. Такъ, по обстоятельствамъ личной жизни, она, испытавъ въ свое время много непріятностей отъ поляковъ, сильно ненавидѣла эту народность; и это чувство, по собственному признанію впослѣдствіи Николая Павловича, именно «няня-львица» передала на всю жизнь своему питомцу.

ГРАФИНЯ ШАРЛОТТА КАРЛОВНА ЛИВЕНЪ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

Она, несмотря на свое англійское происхожденіе и различіе съ великимъ княземъ по вѣрѣ, первая зало-

жила въ его сердцѣ сѣмена религіозности, научила его по-русски молитвамъ «Отче нашъ» и «Богородица», показала ему первая, какъ слѣдуетъ складывать, во время

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.
Съ портрета Боровиковскаго, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.

молитвы, по-православному персты для крестнаго знаменія. Будучи, какъ уже сказано выше, характера смѣлаго и независимаго, Лайонъ неоднократно шла въ своихъ дѣйствіяхъ наперекоръ не только графинѣ Ливенъ

и гувернанткамъ, но и самой матери-императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, когда полагала, что правда и истина — на ея сторонѣ. Послѣдствія ея самовольныхъ дѣйствій, однако, ни разу не выходили дурными, и императрица, видя добрые, вытекающіе отсюда результаты для здоровья сына, не переставала оказывать энергичной нянѣ-англичанкѣ свою любовь и довѣренность. Дѣйствительно, подъ неусыпнымъ наблюденіемъ Лайонъ, великій князь Николай, будучи и отъ рожденія богатырскаго сложенія, выросталъ, всѣмъ на диво, въ чудо-богатыря, поражавшаго окружающихъ пышущимъ здоровьемъ и рѣшительнымъ характеромъ.

II.

Не считая Лайонъ и гувернантокъ, на дѣло воспитанія малютки-великаго князя имѣли значительное вліяніе его родители, которые получили возможность, за смертью Екатерины, стать къ меньшимъ дѣтямъ въ болѣе близкія отношенія, нежели къ старшимъ. Такимъ образомъ, великіе князья, Николай и Михаилъ, какъ равно ихъ сестра, Анна, — почти всецѣло выросли на глазахъ Маріи Ѳеодоровны и Павла Петровича, при чемъ на долю державной родительницы выпала особенно большая доля вліянія на умственное и физическое развитіе дѣтей.

Павелъ Петровичъ, человѣкъ очень добраго сердца, отзывчивый на ласку, которой, съ своей стороны, былъ лишенъ совершенно въ дѣтствѣ, страстно любилъ сыновей, постоянно ласкалъ ихъ и называлъ не иначе, какъ «мои барашки, мои овечки». Онъ часто, особенно въ послѣднее время своего царствованія, навѣщалъ дѣтей на ихъ половинѣ, игралъ и возился съ ними тутъ,

при чемъ былъ особенно щедръ на ласки Николаю Павловичу. Являясь въ дѣтскую, государь сбрасывалъ съ себя обычную строгость и напускную суровость и обращался въ самаго обыкновеннаго любящаго родителя, который не только умѣетъ нѣжно относиться къ роднымъ дѣтямъ, но также—дарить вниманіемъ и признательностью тѣхъ лицъ, которыя стоятъ на стражѣ здоровья и интересовъ этихъ дѣтей. Такъ, онъ всегда дозволялъ нянѣ сидѣть въ своемъ присутствіи, держа Николая Павловича на рукахъ, попросту съ нею разговаривалъ и даже самъ поднималъ съ полу упавшія изъ рукъ ребенка или няни вещи и игрушки.

Иначе держала себя въ отношеніи дѣтей и лицъ, при нихъ состоящихъ, государыня Марія Ѳеодоровна. Женщина, сама по себѣ, очень добрая, оставившая по себѣ въ Россіи свѣтлую память многочисленными дѣяніями на пользу бѣдныхъ и на благо просвѣщенія,—она почему-то, однако, въ особенности въ первое время своей близости къ дѣтямъ, послѣ смерти Екатерины II, относилась къ нимъ холодно и сухо, какъ равно была чрезвычайно строга, взыскательна и высокомѣрна въ обращеніи съ нянями и гувернантками. Она требовала соблюденія до мелочей правилъ придворнаго этикета и не находила возможнымъ допускать по отношенію себя какой-либо тѣни фамильярности или интимной близости. Марія Ѳеодоровна даже въ дѣтской держала себя не простой любящей матерью, но государыней-императрицей, въ присутствіи которой и малыши-дѣти должны чувствовать страхъ и почтеніе. Эта черта, совершенно несвойственная духу русской жизни, но служившая неотъемлемою принадлежностью тогдашнихъ нѣмецкихъ дворовъ, на первое время являлась сильнѣйшимъ препятствіемъ къ сближенію державной матери съ дѣтьми. Лишь съ теченіемъ времени, когда послѣднія перешли

въ возрастъ отрочества и юношества, и когда въ положеніи самой Маріи Ѳеодоровны, со смертью Павла Петровича, произошли перемѣны, — она значительно смягчила свою манеру держать себя съ сыновьями, и они нашли, въ ея лицѣ, дѣйствительно любящую мать, простую и откровенно-нѣжную, сердцу которой всего дороже интересы, чувства и желанія родныхъ дѣтей.

Государыня, въ первое время по рожденіи Николая Павловича, навѣщала его въ дѣтской ежедневно по вечерамъ, оставаясь здѣсь всего минутъ десять или пятнадцать; впослѣдствіи, когда ему минулъ годъ, она прекратила свои посѣщенія, и его всякій день приносили или привозили на половину императрицы; для послѣдняго случая служила колясочка, обшитая зеленою тафтою, съ такою же бахромой и съ вызолоченными металлическими частями. Нѣсколько позже была также въ употребленіи небольшая комнатная карета, обитая зеленымъ бархатомъ, золотымъ газомъ, сафьяномъ и вызолоченная. Съ этихъ поръ, великаго князя приводили или привозили къ родителямъ два раза въ день: одинъ разъ утромъ, въ промежутокъ отъ 8 до 12 часовъ, а въ другой разъ—вечеромъ, между 6 и 9 часами. Здѣсь ребенокъ, въ зависимости отъ программы дня или вечера государыни, оставался иногда по получасу, а иногда—до двухъ часовъ времени. Обратно Николая Павловича увозили съ великою княжною Анною Павловною или съ братомъ Михаиломъ. Кромѣ визитовъ къ государынѣ-матери, онъ ежедневно покидалъ дѣтскую для прогулокъ на свѣжій воздухъ, не исключая даже зимняго времени. Эти, полезныя здоровью, прогулки начались очень рано въ жизни младенца-великаго князя, когда ему минуло всего нѣсколько мѣсяцевъ отъ рожденія.

Обязанности представительства, согласно тогдашнему придворному этикету, начались для Николая Павло-

вича на второмъ году ѳтроду. Уже тогда онъ участвовалъ, по составленному заранѣе церемоніалу, съ сестрою, Анною Павловною, въ танцахъ (въ «польскомъ»). Въ парадныхъ выходахъ онъ также принималъ участіе, присутствуя, напримѣръ, при поздравленіяхъ родителей съ рожденіемъ великаго князя Михаила, какъ равно при крещеніи послѣдняго.

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА СЪ ВЕЛ. КНЯЗЕМЪ НИКОЛАЕМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ.

Съ картины Кюгельхена.

Оставшись, послѣ кончины отца, четырехъ лѣтъ съ лишкомъ ѳтроду, Николай Павловичъ, несмотря на этотъ дѣтскій возрастъ, былъ отвезенъ въ 1801 году, вмѣстѣ съ прочими членами Императорскаго Дома, въ Москву для присутствованія и участія въ коронаціи старшаго брата, Александра, и дѣлалъ тамъ не мало выѣздовъ.

Когда великому князю только что минуло пять лѣтъ, ему подарена была лошадь, на которой онъ и началъ ѣздить верхомъ. Тогда же ему впервые были куплены золотые часы.

Сохранились любопытныя свѣдѣнія о дѣтскихъ туалетахъ великаго князя Николая. Въ первое время по рожденіи, онъ носилъ канифасовыя платья, а также—

розовыя атласныя, пунцовыя, поплиновыя, съ шелковыми кистями. Кушаки на платьѣ были изъ лентъ разныхъ цвѣтовъ. Шубки для гулянія дѣлались ему атласныя розовыя, на собольемъ мѣху, черныя, на горностаевомъ мѣху и на тафтяной подкладкѣ; шапочки у него были венгерскія, черныя съ собольими околышками. Всѣ эти части туалета имѣли богатыя украшенія; кромѣ того, на нижнее платье шло не малое количество лентъ и драгоцѣнныхъ кружевъ.

Изъ предметовъ, служившихъ къ увеселенію Николая Павловича, раньше всѣхъ прочихъ ему были пріобрѣтены маленькое фортепіано изъ краснаго дерева и гармоника. Музыкою его забавляли гувернантки и члены царской семьи, которые всѣ много занимались этимъ искусствомъ. Что касается игрушекъ, то первою въ его руки попало, когда онъ немного подросъ, деревянное ружье, купленное ему за 1 р. 50 к. Тогда же (1799 г.) одинъ придворный лакей поднесъ ему разныя чучела птицъ; затѣмъ, ему по очереди покупались литавры, деревянныя шпаги и разныя игрушки съ механическими приспособленіями, сдѣланными руками брата миссъ Лайонъ. Любимою-же его забавою была комнатная собачка, поднесенная ему однимъ конюшеннымъ капитаномъ, которая, при ошейникѣ съ замочкомъ, всегда находилась при немъ. Съ этого времени, Николай Павловичъ пристрастился къ собакамъ, которыхъ любилъ держать около себя, даже будучи уже императоромъ.

Въ апрѣлѣ 1799 года онъ выздоровѣлъ отъ привитой ему натуральной (а не телячьей, какъ это дѣлается теперь) оспы, и, по выздоровленіи, въ первый разъ облекается въ военный мундиръ. Это былъ мундиръ малиновый гарусный, по цвѣту—офицерскій вицъ-мундиръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, коего онъ съ рожденія былъ назначенъ шефомъ. Первому батальону

этого полка было присвоено его имя и, въ званіи полковника, онъ, будучи пяти мѣсяцевъ отроду, получалъ слѣдуемое ему жалованье. Въ 1800 году онъ уже не надѣваетъ мундира Коннаго полка, а носитъ зеленый съ золотыми петлицами мундиръ Измайловскаго полка, шефомъ котораго былъ тогда назначенъ. Вмѣстѣ съ мундирами, по распоряженію Павла Петровича, онъ начинаетъ носить и орденскіе знаки, ленты, звѣзды св. Андрея Первозваннаго и св. Іоанна Іерусалимскаго.

III.

Съ 1802 года началась пора ученія великаго князя, и онъ переходитъ изъ рукъ женскихъ въ вѣдѣніе гувернеровъ, носившихъ тогда названіе «кавалеровъ». Гувернантки и нянюшки, хотя и остаются на нѣсколько мѣсяцевъ при воспитанникѣ для того, чтобы не дать ему ощутить слишкомъ быстраго перелома въ привычкахъ и обращеніи, — однако, онъ видается съ ними все рѣже и рѣже, и къ 1803 году уже совершенно остается подъ надзоромъ однихъ мужчинъ.

Главный надзоръ за воспитаніемъ Николая Павловича былъ порученъ, еще при жизни императора Павла Петровича, бывшему начальнику 1-го кадетскаго корпуса, генералу Матвѣю Ивановичу Ламсдорфу. Назначеніе его состоялось при слѣдующихъ условіяхъ. Однажды, рано утромъ, Ламсдорфъ былъ приглашенъ въ Зимній дворецъ, гдѣ встрѣтившій его государь, обратился къ нему по-нѣмецки со словами:

— Я выбралъ васъ воспитателемъ моихъ сыновей.

— Вполнѣ чувствую великую милость ко мнѣ Вашего Императорскаго Величества, но не смѣю принять столь лестнаго порученія изъ опасенія, что не сумѣю

исполнить его съ тѣмъ успѣхомъ, котораго отъ меня ожидаютъ, — отвѣтилъ генералъ.

— Если вы не желаете исполнить моего желанія ради меня, то должны это сдѣлать во имя Россіи. Но предупреждаю васъ, чтобы вы изъ моихъ сыновей не сдѣлали такихъ повѣсъ, каковы, по бо́льшей части, нѣмецкіе принцы.

Этотъ разговоръ рѣшилъ дѣло, и генералъ Ламсдорфъ вступилъ въ отправленіе своихъ отвѣтственныхъ обязанностей.

Лица, хорошо знавшія новаго воспитателя великихъ князей, были чрезвычайно удивлены выбору Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. За Ламсдорфомъ не было ни широкаго образованія, ни педагогической опытности, ни какихъ-нибудь опредѣленныхъ общеобразовательныхъ или воспитательныхъ взглядовъ. Это былъ просто хорошій служака, строгій формалистъ, выше всего ставившій подчиненіе и повиновеніе. При этомъ его грубый, жестокій характеръ, холодное сердце и незнакомство съ потребностями и влеченіями дѣтской души, никоимъ образомъ не обѣщали, въ будущемъ, привязанности къ нему со стороны великихъ князей, ихъ любви и послушанія, основанныхъ на уваженіи и довѣрчивости.

Вѣроятными причинами назначенія Ламсдорфа были, съ одной стороны, родительская неопытность императора и императрицы въ дѣлѣ воспитанія, съ другой — родственныя связи генерала съ Лагарпомъ, бывшимъ наставникомъ ихъ старшаго сына, Александра. Такъ или иначе, но въ 1803 году мы видимъ Николая Павловича устраненнымъ отъ нѣжно любившей его Лайонъ, окружавшей своего воспитанника атмосферой любви и заботы, и отданнымъ въ полную власть суроваго Ламсдорфа, который и поспѣшилъ, какъ можно

скорѣе, замѣнить прежнія мягкія начала воспитанія строгими приказаніями, выговорами, распеканіемъ и жестокими наказаніями, гдѣ не послѣднее мѣсто занимали даже побои.

Въ своихъ отношеніяхъ къ воспитаннику, Ламсдорфъ ставилъ себѣ главною цѣлью идти наперекоръ всѣмъ его наклонностямъ, желаніямъ и способностямъ, стремился всѣми средствами и силами переломить его на свой ладъ. Поэтому шестилѣтній великій князь находился постоянно какъ бы въ желѣзныхъ тискахъ, не смѣя свободно и непринужденно ни встать, ни сѣсть, ни ходить, ни говорить, ни предаваться обычной дѣтской рѣзвости, шаловливости и естественной шумливости; его на каждомъ шагу останавливали, исправляли замѣчаніями и наказаніями, преслѣдовали нравоученіями и угрозами. Этого жестокаго порядка, установленнаго Ламсдорфомъ и одобреннаго Маріей Ѳеодоровной, держались и остальные,

ГРАФЪ МАТВѢЙ ИВАНОВИЧЪ ЛАМСДОРФЪ.
(Съ портрета, принадлежащаго графу Николаю Александровичу Ламсдорфу).

приставленные къ великимъ князьямъ, кавалеры, хотя и пытавшіеся внести сюда, зависѣвшими отъ нихъ средствами, нѣкоторую умѣренность и снисходительность.

Кавалерами при Николаѣ Павловичѣ, въ первое время, были: генералъ-маіоръ Ахвердовъ, полковники Арсеньевъ и Ушаковъ, лица значительно болѣе развитыя и болѣе образованныя, нежели главный воспитатель, и способныя преподавать разные языки и учебные предметы.

О времяпрепровожденіи, поведеніи, учебныхъ занятіяхъ, какъ великаго князя Николая, такъ и Михаила, подавались ежедневно Маріи Ѳеодоровнѣ рапорты, гдѣ Ламсдорфъ считалъ нужнымъ всегда обращать вниманіе императрицы на дурныя наклонности и недостатки характера ея сыновей, при чемъ указывались тѣ наказанія (до ударовъ шомполомъ включительно) и тѣ мѣры строгости, которыми наставники надѣялись искоренить эти недостатки. Эта-то откровенность указаній и дѣйствовала на государыню, полагавшую, что если отъ нея не считаютъ нужнымъ скрывать мѣръ строгости и наказаній, слѣдовательно, онѣ, дѣйствительно, нужны, и дѣти ея, на самомъ дѣлѣ, одарены какими-то пороками, которые только и можно искоренить крутыми взысканіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Павловичъ, при нѣкоторой природной вспыльчивости и упрямствѣ, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца, рядомъ съ этимъ обладалъ мягкимъ, нѣжнымъ сердцемъ, жалостливостью, застѣнчивостью и необыкновенной робостью, не позволявшей ему, въ дѣтскомъ возрастѣ, безъ испуга и содроганія, слышать ударовъ грома, пушечной пальбы и шума отъ пускаемаго фейерверка. Только съ годами эти приступы испуга и трусливости стали у него проходить, и уже въ 1802 году онъ хладнокровно встрѣчалъ грозу, присутствовалъ при фейерверкахъ и упражнялся въ стрѣльбѣ

изъ пистолета. Но если съ этими недостатками ему удалось справиться, то одного непріятнаго физическаго ощущенія онъ не сумѣлъ превозмочь даже въ позднѣй-

шемъ возрастѣ, а именно, онъ никогда не могъ смотрѣть ни съ какой высоты или стоять на узкомъ пространствѣ, не подвергаясь головокруженію и невольному паническому страху.

Нѣжныя свои чувства Николай Павловичъ съ особенною наглядностью проявлялъ въ отношеніи няни Лайонъ, памяти рано скончавшагося отца и, главнымъ образомъ, брата Михаила. Объятія и ласки няни были для него убѣжищемъ отъ несносной, придирчивой строгости воспитателей, были вознагражденіемъ за тѣ обиды, которыя приходилось терпѣть отъ Ламсдорфа. Когда ему кавалеры, въ силу распоряженія дѣлать все наперекоръ желаніямъ великаго князя, запрещали самыя невинныя вещи, то онъ съ обычной увѣренностью говаривалъ:—«Ну, хорошо, такъ мнѣ это няня, навѣрное, позволитъ».

Любовь къ младшему брату была въ немъ такъ сильна, что у него навертывались слезы на глаза, когда казалось, Марія Ѳеодоровна должна разсердиться или наказать расшалившагося или разупрямившагося маленькаго Михаила.

IV.

День великаго князя начинался между 7-ю и 8-ю часами утра. Въ эти часы онъ вставалъ и одѣвался, что дѣлалъ почему-то всегда лѣниво и медленно. Утромъ онъ пилъ чай, за обѣдомъ кушалъ обыкновенно немного, а за ужиномъ довольствовался кускомъ простого чернаго хлѣба съ солью. При такомъ умѣренномъ питаніи, онъ всегда, однако, проявлялъ крайнюю торопливость, запихивалъ въ ротъ огромные куски и спѣшилъ глотать ихъ, изъ-за чего у него бывало не мало столкновеній съ кавалерами. Спать его отправляли въ 10 часовъ вечера, а передъ сномъ онъ долженъ былъ писать свой дневной журналъ, что дѣлалъ тоже съ неохотою, почти машинально, точно желая, чтобы дежурный кавалеръ за него подумалъ и сдѣлалъ эту работу.

Съ самаго утра великій князь съ братомъ, едва вставши съ постели, принимались за военныя игры. У нихъ были въ большомъ количествѣ оловянные солдатики, которые, въ случаѣ недостачи, пополнялись такими

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ
СЪ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНОЙ АННОЙ ПАВЛОВНОЙ.
Съ картины Боровиковскаго, находящейся въ Гатчинскомъ дворцѣ.

же фарфоровыми. Когда нельзя было выходить со двора, по случаю холода или дурной погоды, они разставляли свои арміи въ комнатахъ, по столамъ. На воздухѣ же, игры въ солдатики сопровождались постройкою земляныхъ редутовъ и крѣпостей. Изъ прочихъ военныхъ игрушекъ у нихъ были еще ружья, аллебарды, грена-

дерскія шапки, деревянныя лошади, барабаны, трубы и зарядные ящики.

Всѣ эти игры были очень шумныя, оглушительныя, такъ что Ахвердовъ, не терпѣвшій, вообще, никакого шума и никакихъ воинственныхъ упражненій, нерѣдко приказывалъ имъ прикрывать барабаны платками, чтобы заглушить нестерпимый для него трескъ. Борьба съ военными наклонностями воспитанниковъ, ихъ пристрастіемъ ко всему военному, особенно съ внѣшней его стороны, составляла одну изъ главныхъ заботъ наставниковъ. Марія Ѳеодоровна всегда настаивала, чтобы сыновья ея возможно больше уклонялись отъ военнаго воспитанія и больше занимались науками; она даже выражала желаніе, чтобы мальчики носили преимущественно штатское платье. Но эти взгляды императрицы-матери не встрѣчали сочувствія старшаго ея сына, Александра, вступившаго уже тогда, за смертью Павла Петровича на престолъ. Равнымъ образомъ, и Константинъ Павловичъ преслѣдовалъ всегда насмѣшками мирное и гражданское направленіе въ воспитаніи братьевъ. Такимъ образомъ, Ламсдорфъ и кавалеры оказывались часто въ фальшивомъ положеніи. Съ одной стороны, надо было подчиняться велѣніямъ Маріи Ѳеодоровны, съ другой, — имъ не хотѣлось идти вразрѣзъ со взглядами молодого государя-императора. Вотъ почему, въ значительной степени, ихъ попытки отвлекать вниманіе великихъ князей отъ усиленныхъ военныхъ занятій и упражненій не имѣли успѣха, и дѣтская половина постоянно оглашалась трескомъ барабановъ, воинскими криками и шумомъ битвъ, устраиваемыхъ великими князьями между собою и товарищами ихъ дѣтскихъ игръ.

Изъ числа послѣднихъ наиболѣе частыми гостями царскихъ дѣтей были—Владиміръ Адлербергъ, принцъ

Адамъ Виртембергскій, Фитингофъ, Панаевъ, два брата графы Завадовскіе, графы Апраксины, два брата Ушаковы (сыновья кавалера Ушакова) и племянники кавалера Ахвердова. Ушаковы и Ахвердовы приходили попеременно въ тѣ дни, когда были дежурными ихъ дядя или отецъ. Изъ всѣхъ этихъ товарищей особымъ расположеніемъ Николая Павловича пользовался Владиміръ Адлербергъ. Но самыми лучшими друзьями и участниками его игръ были братъ Михаилъ и сестра Анна.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.
Съ гравированнаго портрета того времени, находящагося въ Имп. Эрмитажѣ.

Съ первымъ онъ тѣшился военными играми: они вмѣстѣ строили крѣпости (въ комнатахъ — изъ стульевъ, въ саду—изъ земли), атаковали ихъ своими солдатами и впослѣдствіи, когда прошелъ отмѣченный выше ихъ страхъ къ выстрѣламъ и огнестрѣльному оружію, стрѣляли по нимъ изъ пистолетовъ. У Николая Павловича до того было на умѣ все военное, что когда онъ строилъ дачу или домъ изъ стульевъ, изъ игрушекъ или изъ земли для няни Лайонъ или для другихъ гувернантокъ, — то всегда считалъ нужнымъ укрѣплять эти жилища пушками «для защиты».

Въ характерѣ мальчиковъ замѣчалась значительная разница: насколько старшій любилъ строить, укрѣплять, любилъ рисовать модели крѣпостей и построекъ, настолько младшій питалъ удивительное пристрастіе къ разрушеніямъ и уничтоженію воздвигнутыхъ Николаемъ сооруженій. Михаилъ Павловичъ отличался съ дѣтства остроуміемъ, насмѣшливостью, наружнымъ блескомъ и ловкостью; Николай Павловичъ, будучи лишенъ всѣхъ этихъ качествъ, держалъ себя, внѣ игръ, всегда серьезно, задумчиво и нѣсколько властно. Онъ, точно чувствуя свое внутреннее превосходство надъ сверстниками и братомъ, постоянно, въ играхъ, оставлялъ за собою начальствованіе и командованіе и, съ самоувѣренностью, хвалилъ одного лишь себя. Подстрекая брата къ насмѣшкамъ по отношенію окружающихъ, онъ, когда доходило дѣло до него лично, не сносилъ никакой шутки, казавшейся ему обидною. Поэтому его игры съ товарищами часто переходили въ драку и рѣдко заканчивались миролюбиво. Онъ былъ до крайности вспыльчивъ и неугомоненъ, когда что-нибудь или кто-нибудь его сердили и выводили изъ себя. Что бы съ нимъ ни случилось, падалъ-ли онъ, или ушибался, или считалъ свои желанія неисполненными и себя — обиженнымъ, онъ тотчасъ начиналъ браниться, рубилъ своимъ топорикомъ барабанъ, игрушки, ломалъ ихъ, билъ палкой или чѣмъ попало товарищей игръ, несмотря на всю привязанность къ нимъ.

Разъ, еще при жизни отца, когда онъ, испуганный пушечной пальбой, спрятался за альковъ, и когда маленькій Адлербергъ, отыскавъ его тамъ, сталъ надъ нимъ насмѣхаться, какъ надъ трусомъ, онъ съ такою силою ударилъ своего друга ружейнымъ прикладомъ, что у того навсегда остался отъ этого удара слѣдъ.

Ссоры великихъ князей были не долговременны. Обыкновенно ихъ разлучали, зачинщика или виноватаго

ставили въ уголъ или на колѣни; отсылали на день въ его комнату, гдѣ онъ долженъ былъ пить чай или ужинать одинъ; сажали посреди комнаты на цѣлый часъ на стулъ, а иногда, для устыженія Николая Павловича за дурное поведеніе передъ посторонними, его заставляли являться передъ какимъ-нибудь посланникомъ при короткой шпагѣ его брата. Наказанія эти и разлука вели, однако, часто къ тому, что наказанный вызывалъ сожалѣніе своихъ товарищей и желаніе, съ ихъ стороны, заступиться за него.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.
Съ портрета Лампи

Минуя мелкія ссоры и драки, столь обычныя въ дѣтскомъ возрастѣ, должно замѣтить, что, въ общемъ, младшія дѣти Маріи Ѳеодоровны жили между собою дружно, любили другъ друга, при чемъ особенною нѣжностью отличались отношенія братьевъ между собою. Эта трогательная нѣжность доходила до того, что когда одинъ изъ нихъ бывалъ боленъ, то другой ни за что не хотѣлъ выходить изъ своей комнаты, даже на пріемные вечера императрицы, гдѣ обыкновенно бывало очень весело. Равнымъ образомъ, братья,

при ссорахъ, потасовкахъ съ сестрою Анною Павловною, всегда брали сторону другъ друга, но не сестры.

Несмотря на отмѣченную разность въ характерахъ, они, какъ нельзя болѣе, сходились въ одномъ, а именно во вкусахъ ко всему военному. Нерѣдко, по утрамъ, одинъ изъ нихъ ходилъ будить другого, надѣвъ гренадерскую шапку, съ алебардою на плечѣ, для рапорта. Иногда же, подражая часовымъ, которыхъ всегда во дворцѣ было не мало, они по цѣлымъ часамъ стояли на часахъ и даже, случалось, для этой цѣли, несмотря на строгій запретъ наставниковъ, вскакивали ночью съ постелей и становились съ ружьемъ у плеча на караулъ.

Съ сестрою ихъ игры носили болѣе мирный характеръ. Анна Павловна всего болѣе любила *представлять императрицу*. Для этого братья устраивали ей карету изъ стульевъ, великая княжна садилась сюда, а они скакали по сторонамъ верхомъ на воображаемыхъ коняхъ, какъ бы конвоируя катающуюся императрицу. Послѣ коронаціи Александра I, у дѣтей, побывавшихъ въ Москвѣ, осталось въ памяти воспоминаніе о тогдашнихъ пышныхъ празднествахъ, и потому они часто представляли коронацію. Императрицу представляла Анна Павловна, а императора, по обыкновенію, Николай Павловичъ. Они навѣшивали на себя всѣ куски матеріи и платья, какія только можно было найти въ ихъ гардеробахъ; для изображенія же брилліантовъ, срывали съ люстры стеклянныя украшенія. Эти фантастическіе костюмы и должны были замѣнять собою пышныя коронаціонныя одѣянія—мантіи, короны и проч.

Лѣтомъ дѣти нерѣдко работали въ отведенныхъ имъ садикахъ: возили землю въ тачкахъ, копали гряды, сажали цвѣты, овощи и т. п. Стрѣльба изъ лука и

уженіе рыбы было также однимъ изъ любимыхъ ими времяпрепровожденій.

V.

Изъ числа мирныхъ занятій и забавъ, Николай Павловичъ охотнѣе всего посвящалъ время рисованію. Не проходило дня, чтобы шестилѣтній великій князь по нѣсколько часовъ не сидѣлъ надъ этимъ занятіемъ. Въ первое время онъ заставлялъ кого-нибудь изъ кавалеровъ (по большей части, Ахвердова) или герцога Лейхтенбергскаго нарисовать что-нибудь карандашомъ, а самъ раскрашивалъ рисунокъ красками или цвѣтными карандашами; впослѣдствіи же онъ обходился безъ всякой помощи и отлично справлялся съ контурами рисунка самолично. Эти свои произведенія карандаша онъ посылалъ въ подарокъ или Маріи Ѳеодоровнѣ или кому-нибудь изъ гувернантокъ, и, въ особенности, обожаемой Лайонъ. Въ противность брату, Михаилъ Павловичъ никогда не имѣлъ терпѣнія

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.
Съ портрета Лампи.

довести рисунка до конца и ограничивался тѣмъ, что попусту измазывалъ бумагу и рвалъ ее.

Послѣ рисованія, Николай Павловичъ особенно любилъ шахматную игру, въ которой всего сильнѣе сказывался его характеръ: онъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, перейти въ атаку противника и предпочиталъ осторожной и обдуманной игрѣ брата систему натиска. Кромѣ шахматъ, онъ съ дѣтства игралъ въ бостонъ, при чемъ, когда проигрывалъ, то горячился и выходилъ изъ терпѣнія.

Первыми уроками великому князю Николаю были уроки танцевъ, которые съ 1802 года давалъ ему знаменитый въ то время французскій учитель, Лепикъ. Въ 1807 году Лепика смѣнилъ Юаръ. Въ первое время маленькій ученикъ чувствовалъ къ этимъ урокамъ, происходившимъ по три и по четыре раза въ недѣлю, необыкновенное отвращеніе, но, съ исхода 1804 года, это настроеніе измѣнилось, и оба великіе князья стали часто танцовать на половинѣ императрицы, подъ органъ, контрдансы, полонезы и англезы. Танцы эти происходили не только запросто, въ домашней дѣтской обстановкѣ, но и въ присутствіи многочисленной публики, на парадныхъ балахъ и маскарадахъ, къ которымъ, въ особенности, пристрастился великій князь Николай.

Но если съ уроками танцевъ Николай Павловичъ примирился и нашелъ въ нихъ одно изъ самыхъ любимыхъ своихъ развлеченій, то нельзя того же сказать о музыкѣ. Уроки музыки, которые въ 1804 году были поручены Тепперу, стали ему ненавистны съ самаго начала, и ненависть эта дошла до того, что Теппера скоро вынуждены были отпустить. На этихъ урокахъ великій князь не обращалъ никакого вниманія на преподавателя, дурачился до невозможности и только и дѣлалъ,

что шалилъ съ педалью. Никакія наказанія и дурныя отмѣтки въ журналѣ не могли побудить его отнестись къ этимъ занятіямъ прилежнѣе. Несмотря на это, онъ отъ природы былъ одаренъ хорошимъ слухомъ и музыкальною памятью, такъ что впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, даже игралъ на корнетъ-а-пистонѣ и принималъ живое участіе въ домашнихъ концертахъ. Въ дѣтствѣ же, наклонность къ инструментальной музыкѣ оказалась, такимъ образомъ, въ немъ слаба; зато ему очень нравилось пѣніе придворныхъ пѣвчихъ, и онъ съ особеннымъ вниманіемъ присутствовалъ на тѣхъ богослуженіяхъ, въ составъ которыхъ входило много хорового пѣнія. Въ остальныхъ случаяхъ, великій князь держалъ себя въ церкви разсѣянно, не вникая въ смыслъ богослужебнаго чтенія. Впослѣдствіи, ставъ уже взрослымъ, онъ такъ отзывался объ отношеніяхъ, своихъ и брата, къ религіи:

— Въ отношеніи религіи моимъ дѣтямъ лучше было, чѣмъ намъ, которыхъ учили только креститься въ извѣстное время обѣдни, да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ.

Уроки закона Божьяго начались въ 1803 году подъ руководствомъ духовника императорской фамиліи, о. Павла Криницкаго, а на слѣдующій годъ Николай Павловичъ въ первый разъ исповѣдывался.

Уроки французскаго языка взяла на себя съ 1802 года лично Марія Ѳеодоровна, и занятія эти продолжались ежедневно, съ большою аккуратностью, но не особенно успѣшно, такъ какъ великій князь Николай почувствовалъ къ французскимъ урокамъ, какъ и къ занятіямъ музыкою, необыкновенное отвращеніе. Благодаря этому, будучи уже семи лѣтъ, онъ съ большимъ трудомъ могъ связать и выговорить французскую фразу.

Первыя занятія русскимъ языкомъ начались еще при Лайонъ, но правильно поставлены они были лишь съ 1802 года Ушаковымъ, и съ тѣхъ поръ всякій день давалъ русскій урокъ тотъ изъ кавалеровъ, чья очередь была дежурить при великомъ князѣ. Нѣмецкимъ языкомъ съ значительнымъ успѣхомъ занимался съ нимъ извѣстный ученый, Аделунгъ, который впослѣдствіи давалъ ему уроки латинскаго и греческаго языковъ. Но къ этимъ послѣднимъ предметамъ, ни Николай Павловичъ, ни младшій его братъ—не чувствовали никакой склонности, и кавалерамъ доставляло не мало труда побудить великаго князя правильно проспрягать хоть одинъ глаголъ. Это нерасположеніе къ классическимъ языкамъ внѣдрилось въ великаго князя такъ глубоко, что, ставъ отцомъ семейства, онъ исключилъ эти предметы изъ программы воспитанія своихъ дѣтей. Русской исторіи и русской географіи давалъ уроки Ахвердовъ; всеобщей исторіи, всеобщей географіи—Дю-Пюже и при томъ,—на французскомъ языкѣ. Съ половины 1804 года Николай Павловичъ сталъ брать уроки ариѳметики также у Ахвердова, съ 1806—геометріи, съ 1808—алгебры и началъ инженернаго искусства у Крафта. Математическіе уроки великій князь бралъ неохотно.

Уроки физики давалъ съ 1807 года статскій совѣтникъ Крафтъ. Эти занятія, напротивъ, заинтересовали ученика и пользовались его любовью.

Рисованію, къ которому онъ съ дѣтскихъ лѣтъ чувствовалъ влеченіе, обучалъ его съ 1804 года профессоръ Акимовъ, и эти уроки, въ противность многимъ другимъ, протекали вполнѣ успѣшно.

Уроки верховой ѣзды, подъ руководствомъ берейтора Эггера, начались съ 1803 года, и здѣсь великій князь не чувствовалъ никакого приступа былой трусливости.

Изъ рапортовъ кавалеровъ, поданныхъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, видно, что въ восьмилѣтнемъ возрастѣ Николай Павловичъ занимался слѣдующими предметами и зналъ изъ нихъ слѣдующее: по-французски—читалъ, писалъ подъ диктовку, списывалъ изъ книгъ, заучивалъ наизустъ идилліи Дезульеръ, пассажи изъ Флоріана, Геснера, изъ «Маленькаго Лабрюэра» (сочиненія Жанлисъ) и т. д. По-русски занимался чтеніемъ церковной печати (по Псалтыри), ариѳметикою, изъ которой зналъ четыре правила; чтеніями изъ естественной исторіи и изъ повѣствованій въ стихахъ и прозѣ; проходилъ географію россійскаго государства, русскую грамматику и сочинялъ (у обоихъ учителей) небольшія письма по-русски и по-французски. Упражненія въ сочиненіи мало нравились великому князю, такъ что даже въ 1806 году, когда его заставляли писать какое-нибудь сочиненіе, онъ начиналъ тяжко вздыхать и увѣрять, что это для него самое трудное занятіе, и не прекращалъ этихъ вздоховъ и жалобъ во все продолженіе писанія.

Первыми книжками его библіотеки (1804 года) были «Magasin des enfants», «Индостанскіе виды», рисунки Чесменскаго сраженія, а также какая-то книжка, подаренная ему государыней, гдѣ представлены были сцены храбрости австрійскихъ солдатъ во время войны 1799 года съ французами, азбука французская, азбука натуральной исторіи, книга для чтенія—Шредера, открытіе Америки (3 т.), натуральная исторія съ оловянными фигурами, дѣянія Петра Великаго—Голикова, естественная исторія Бюффона, сочиненія Ломоносова, пространное землеописаніе, грамматика нѣмецкая; на французскомъ языкѣ; географическій лексиконъ Гютри, историческій лексиконъ, сочиненія: Лафонтена, мадамъ Дезульеръ, Гомера, Беркена, извлеченіе изъ Плутарха. Кромѣ того, въ ка-

чествѣ классныхъ принадлежностей, въ комнатѣ имѣлись ландкарты и глобусы.

Уроки съ учителями и кавалерами у великаго князя далеко не всегда протекали мирно и благополучно. Онъ постоянно вступалъ съ преподавателями въ споры, даже насчетъ предмета преподаванія. Напримѣръ, съ Ахвердовымъ онъ спорилъ объ орѳографіи нѣкоторыхъ русскихъ словъ еще въ 1804 году, съ учителемъ чистописанія,—какъ надо держаться во время писанія и какъ разстанавливать строки и т. д.

Въ 1805 году штатъ кавалеровъ при немъ былъ усиленъ, и было приглашено еще новыхъ три человѣка: дѣйствительный статскій совѣтникъ Дивовъ, коллежскій совѣтникъ Вольфъ и майоръ Алединскій.

VI.

Когда великій князь Николай перешелъ въ отроческій возрастъ, то на совѣщаніи императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Ламсдорфомъ было рѣшено, что сообщество товарищей дѣтства (Адлерберга, Панаева, Ушакова и другихъ) приноситъ лишь вредъ занятіямъ великаго князя, развиваетъ въ немъ неумѣстную грубость и содѣйствуетъ укрѣпленію въ немъ склонности къ военному дѣлу,—склонности, противъ которой государыня-мать считала нужнымъ бороться всѣми силами. По этимъ соображеніямъ, маленькіе друзья Николая Павловича были удалены изъ дворца и помѣщены въ казенныя учебныя заведенія. Желаніе пробудить въ дѣтяхъ научную пытливость наводило одно время Марію Ѳеодоровну на мысль объ опредѣленіи ихъ въ лейпцигскій университетъ; но этому, однако, рѣшительно воспротивился императоръ Александръ Павловичъ; взамѣнъ такой за-

граничной посылки, ему пришла идея основать въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи.

Дѣйствительно, въ 1811 году такое высшее учебное заведеніе было основано подъ непосредственнымъ попеченіемъ государя императора. Для лицея отведено было даже помѣщеніе въ дворцовомъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ дворца галлереею. Но грозныя политическія событія начала текущаго столѣтія не позволили осуществить плана опредѣленія великихъ князей въ гражданское высшее учебное заведеніе, изъ программы котораго исключены были всякіе военные предметы, и главное назначеніе котораго было — подготовлять молодыхъ людей изъ дворянскаго сословія къ занятію высшихъ государственныхъ должностей.

Пробовала Марія Ѳеодоровна удаляться съ дѣтьми въ Гатчину, въ надеждѣ, что тишина и уединеніе наиболѣе повліяютъ на развитіе гражданскаго вкуса великаго князя, въ ущербъ военному. Но всѣ эти планы, предположенія и предначертанія успѣха не имѣли, и оба великіе князя оставались вѣрны своимъ наклонностямъ дѣтства. Ихъ любимыми развлеченіями продолжали быть забавы военнаго характера, а учебными предметами—тѣ, которые, такъ или иначе, имѣли касательство къ военному ремеслу. Мальчики неохотно надѣвали штатскія платья, заведенныя въ ихъ гардеробѣ государыней-матерью, и предпочитали имъ военныя куртки, шинели и прочую амуницію, которая, никоимъ образомъ, не связывалась съ представленіемъ о мирномъ образѣ будущей жизни.

Въ 1809 году программа обученія великаго князя Николая значительно расширяется и, по желанію Маріи Ѳеодоровны, прежній гимназическій курсъ замѣняется новымъ курсомъ, схожимъ съ университетскимъ,

для чего, въ дополненіе къ прежнимъ учителямъ, приглашаютъ и профессоровъ. При этомъ по составленнымъ самой государыней программамъ обученія, распредѣленіе дня Николая Павловича устанавливается въ такомъ порядкѣ, чтобы этотъ день былъ совершенно лишенъ свободныхъ часовъ для игръ и забавъ и цѣликомъ былъ посвященъ книгамъ, тетрадямъ и научнымъ предметамъ.

Военныя событія того времени побудили прежде всего обратить вниманіе на серьезное преподаваніе наукъ военныхъ—инженернаго искусства, артиллеріи, тактики, фортификаціи и др. Для надзора за общимъ преподаваніемъ наукъ былъ приглашенъ извѣстный въ то время инженеръ, генералъ Опперманъ, а самое преподаваніе поручено полковникамъ Джанотти и Маркевичу, которые, оставаясь сами довольны успѣхами великаго князя, въ свою очередь пользовались его расположеніемъ и вниманіемъ. Но наибольшую любовь и привязанность чувствовалъ великій князь къ профессору живописи, Шебуеву, подъ умѣлымъ руководствомъ котораго Николай Павловичъ успѣлъ значительно усовершенствовать проявленныя имъ еще въ дѣтствѣ способности къ рисованію. Свои рисунки и гравюры крѣпкой водкой, видѣть которые можно и въ настоящее время въ С.-Петербургской Императорской публичной библіотекѣ, великій князь подписывалъ обыкновенно слѣдующей монограммой « », означавшей «Николай третій Романовъ» (т.-е. третій изъ сыновей императора Павла).

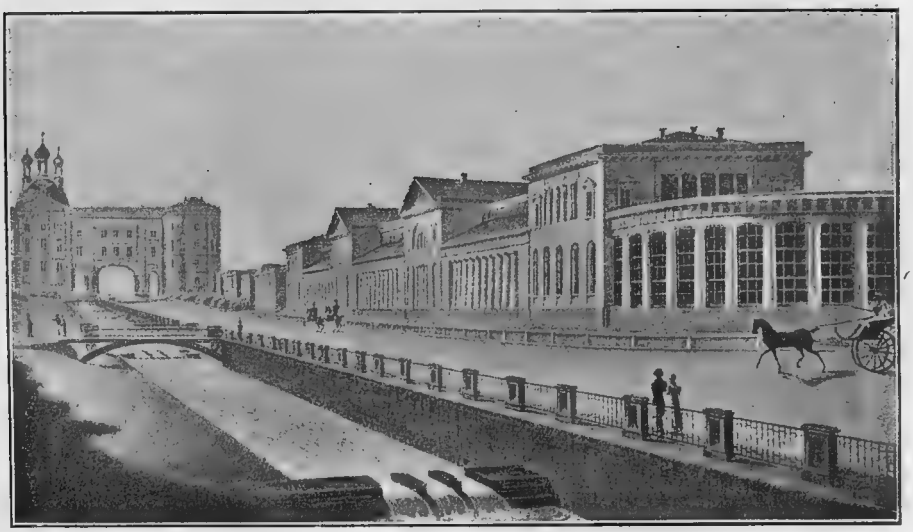
Насколько просты были отношенія царственнаго ученика къ своему наставнику живописи, явствуетъ изъ слѣдующихъ его писемъ. Въ одномъ онъ писалъ:

«Милый мой Вася, пришли мнѣ, пожалуй, съ посланнымъ рисунки французской арміи, а ежели есть у тебя готовые рисунки, такъ можешь и ихъ прислать:

я за тобой не шлю за Невой, боюсь, простудить моего дорогого кота заморскаго. « ».

А въ другой разъ:

«Здравствуй, мой милый Вася, сожалѣю, что Нева препятствуетъ мнѣ тебя видѣть, я очень желалъ съ тобой поговорить и поздравить другъ друга, какъ должно товарищамъ. Что дѣлаютъ наши рисунки; если что готово, пожалуй чрезъ нарочнаго, также найди мнѣ, по-



ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛИЦЕЙ.
(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

жалуй, какого-нибудь хорошаго рисовщика, который бы могъ снять видъ изъ моихъ оконъ; да порядочно, водяными, ты меня тѣмъ очень одолжишь. Прощай. Чмокъ. «Николай».

Изъ преподавателей наукъ гражданскихъ къ 1813 году мы видимъ при великомъ князѣ Николаѣ слѣдующихъ преподавателей-профессоровъ: Шторха, читавшаго политическую экономію, Кукольника—естественное право и Балугьянскаго, преподававшаго энциклопедію или исторію права. Обо всѣхъ этихъ трехъ наставникахъ Николай

Павловичъ сохранилъ довольно печальныя воспоминанія, и вотъ что онъ, ставъ впослѣдствіи императоромъ, передавалъ близкимъ ему лицамъ объ означенныхъ представителяхъ университетской науки:

«Я помню, какъ насъ (т.-е. его самого и великаго князя Михаила Павловича) мучили отвлеченными предметами два человѣка, очень добрые, можетъ статься, и очень ученые, но оба—несноснѣйшіе педанты: покойный Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ о смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, о нѣмецкихъ и, Богъ знаетъ, еще какихъ законахъ, другой—что-то о мнимомъ «естественномъ правѣ». Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ, съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, которыя читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что-же выходитъ? На урокѣ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ, иногда — собственные ихъ каррикатурные портреты, а потомъ, къ экзаменамъ выучивали кое-что вдолбяшку, безъ плода и пользы для будущаго. По-моему, лучшая теорія права—добрая нравственность, а она должна быть въ сердцѣ независимо отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ—религію».

Изъ этихъ признаній Николая Павловича видно, что университетскіе курсы, читанные ему такъ неумѣло и скучно, не могли, конечно, вызвать его любознательности, и онъ остался совершенно равнодушенъ къ наукѣ о правѣ. Равнымъ образомъ, до конца періода ученія, онъ не могъ примириться съ изученіемъ мертвыхъ языковъ — латинскаго и греческаго. Нерасположеніе къ этимъ предметамъ было въ немъ такъ глубоко, что онъ простеръ это чувство даже на личность того, коему было поручено ихъ преподаваніе, т.-е.— Аделунга. Же-

лая сдѣлать послѣднему какую-нибудь непріятность, великій князь, какъ сказано было въ одномъ изъ рапортовъ, сталъ къ преподавателю, для видимости, ласкаться и вдругъ укусилъ его въ плечо, затѣмъ сталъ наступать ему на ноги и повторялъ такія проказы нѣсколько разъ.

Не особенно ему нравилось и изученіе англійскаго языка, преподаваніе котораго, когда ему минуло 17 лѣтъ, было возложено на учителя Седжера. Хотя онъ впослѣдствіи ясно и правильно произносилъ англійскія слова, но изъяснялся на этомъ языкѣ съ большимъ затрудненіемъ.

VII.

По первоначальному плану, обученіе великаго князя должно было кончиться до достиженіи имъ семнадцатилѣтняго возраста; но когда этотъ срокъ наступилъ, Марія Ѳеодоровна выразила желаніе, чтобы ученіе сына продолжалось еще нѣкоторое время. Поэтому-то она и воспротивилась тому, чтобы, какъ Николай, такъ и Михаилъ Павловичи, приняли участіе въ освободительной войнѣ 1813 года, и отпустила ихъ на театръ военныхъ дѣйствій лишь тогда, когда, собственно, война была закончена, и Парижъ ужъ былъ занятъ союзными войсками. Необходимо замѣтить, что Николай Павловичъ страшно былъ опечаленъ своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ во время отечественной войны 1812 года. На просьбы обоихъ сыновей отпустить ихъ на театръ военныхъ дѣйствій, Марія Ѳеодоровна отвѣчала:

«Ты, Михаилъ, слишкомъ молодъ, чтобы стать солдатомъ, а тебя, Николай, несмотря на твое нетер-

пѣніе, которое я вполнѣ понимаю и за которое тебѣ благодарна, берегутъ для другихъ надобностей. Святая Русь, дѣти мои, не будетъ нуждаться въ защитникахъ».

Этотъ разговоръ не охладилъ, однако, пылкихъ стремленій старшаго великаго князя, и онъ обратился съ письмомъ къ государынѣ, гдѣ умолялъ ее позволить ему исполнить долгъ русскаго подданнаго, вступивъ въ войско Его Величества, тѣмъ болѣе, что онъ былъ шефомъ Измайловскаго полка и чувствовалъ себя способнымъ начальствовать надъ своимъ полкомъ. «Я стыжусь,— писалъ онъ государынѣ, — смотрѣть на себя, какъ на безполезное существо на землѣ, которое даже не годно къ тому, чтобы умереть храбрецомъ на полѣ битвы».

Александръ Павловичъ счелъ долгомъ успокоить и утѣшить брата въ личной бесѣдѣ, при чемъ замѣтилъ ему, что та минута, когда онъ, великій князь, будетъ поставленъ на первомъ планѣ, наступитъ, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ это можно предвидѣть *).

«Пока же,—заключилъ онъ свою рѣчь,—у тебя есть другія обязанности, — доканчивай свое воспитаніе, будь достоинъ, насколько можешь, того мѣста, которое ты впослѣдствіи займешь; это будетъ услуга для нашего милаго отечества, которую наслѣдникъ престола обязанъ оказать».

Этотъ разговоръ произвелъ сильное впечатлѣніе на великаго князя и заставилъ его глубоко задуматься надъ своимъ поведеніемъ и отношеніемъ ко всему окружающему. Онъ сталъ удаляться отъ младшаго брата, сталъ сторониться шумныхъ забавъ и дѣлался

*) Въ этой бесѣдѣ Александръ I въ первый разъ сдѣлалъ намекъ, на то высокое предназначеніе, которое неминуемо должно пасть на великаго князя.

все болѣе и болѣе степеннымъ, тихимъ и разсудительнымъ. Эта рѣзкая перемѣна въ настроеніи и характерѣ поразила приближенныхъ и особенно взволновала Михаила.

— Мнѣ кажется, что ты думаешь быть отшельникомъ, — обидчиво заявилъ онъ брату. — Мы, кажется, еще вчера были товарищами, а сегодня ты мечтаешь повыситься въ чинахъ и держишь себя, какъ старшій братъ, т.-е. какъ благоразумный человѣкъ, какъ философъ...

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.
(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

— Михаилъ,—съ огорченіемъ прервалъ его Николай Павловичъ, — ты не сталъ бы, вѣроятно, шутить и насмѣхаться, если бы зналъ чувства и мысли, меня волнующія. Я думаю о томъ, что непріятель въ Москвѣ, а меня держатъ заключеннымъ въ Петербургѣ.

Съ этого времени онъ съ особеннымъ усердіемъ посвятилъ себя теоретическимъ занятіямъ по военному искусству и много читалъ древнихъ и новыхъ сочине-

ній, посвященныхъ жизни и дѣятельности выдающихся полководцевъ; съ особеннымъ же вниманіемъ сталъ вникать въ «Комментаріи» Цезаря, которыми до тѣхъ поръ пренебрегалъ.

Позднее прибытіе великихъ князей въ столицу Франціи въ значительной степени объясняется тою медленностью, съ которою везъ ихъ туда генералъ Ламсдорфъ, поступившій такъ, вѣроятно, не безъ указаній государыни-матери. Отпуская дѣтей въ заграничное путешествіе и въ первый разъ разставаясь съ ними, Марія Ѳеодоровна сочла долгомъ напутствовать ихъ краткимъ материнскимъ поученіемъ, которое и изложила имъ на французскомъ языкѣ, согласно тогдашнему обычаю, въ письмѣ отъ 5-го февраля 1814 года. Благословляя сыновей на новый жизненный путь, государыня-мать, въ трогательныхъ, сердечныхъ выраженіяхъ, завѣщала имъ быть въ жизни вѣрующими и уповающими на милосердіе Божіе, просила ихъ быть послушными волѣ наставниковъ и старшаго брата-императора, рекомендовала быть добрыми и снисходительными съ низшими, не быть заносчивыми съ равными, быть трудолюбивыми, работать надъ своимъ самообразованіемъ, сторониться мишуры жизни и искать въ предстоящей имъ военной карьерѣ не внѣшняго блеска, а разумнаго служенія потребностямъ дѣла и интересамъ отечества. Она просила ихъ почаще перечитывать ея наставленія и обѣщала за нихъ денно и нощно возносить свои горячія материнскія моленія передъ престоломъ Всевышняго.

Въ путешествіи великихъ князей сопровождали Ламсдорфъ, Соврасовъ, Алединскій, Арсеньевъ, Джанноти и докторъ Рюль.

VIII.

Великіе князья прибыли въ Парижъ въ моментъ, когда слава ихъ старшаго брата, какъ умиротворителя смутныхъ дней жизни Западной Европы, достигла высшаго расцвѣта, и у всѣхъ парижанъ только и было на языкѣ имя Александра I, великаго русскаго императора, побѣдителя грознаго Наполеона. Николай и Михаилъ Павловичи поселились вмѣстѣ съ государемъ въ отелѣ Инфонтадо, являлись съ нимъ вмѣстѣ на всѣхъ пышныхъ тогдашнихъ торжествахъ и были свидѣтелями безпрерывныхъ овацій, которыми парижане и союзныя войска повсюду встрѣчали русскаго императора.

Николай Павловичъ усердно посѣщалъ въ тѣ дни выдающіяся учебныя и общественныя заведенія столицы Франціи — Политехническую школу, домъ Инвалидовъ, казармы, госпитали и проч., и проч.

Всюду онъ встрѣчалъ самый радушный привѣтъ и имѣлъ неоднократно случаи выказать свое доброе сердце матеріальной помощью нѣкоторымъ, пострадавшимъ на войнѣ, а также—предстательствомъ въ нуждахъ нѣкоторыхъ, обиженныхъ судьбою, передъ лицомъ государя. Нечего и говорить, что во все время пребыванія въ Парижѣ, великій князь постоянно переписывался съ августѣйшею матушкой и давалъ ей обстоятельные отчеты о своемъ времяпрепровожденіи, своихъ впечатлѣніяхъ, дѣйствіяхъ и планахъ.

На обратномъ пути въ Россію, согласно волѣ императора, оба его брата посѣтили многія германскія государства и здѣсь, на мѣстѣ, провѣряли, такъ сказать, тѣ свѣдѣнія, которыя ими были, въ года юности, почерпаемы изъ учебныхъ книгъ и научныхъ сочиненій. Путе-

шествіе ихъ по Германіи протекало довольно медленно: великіе князья безпрестанно сворачивали съ большой дороги, чтобы побывать на поляхъ сраженія, гдѣ русскія войска боролись, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, съ полчищами Наполеона. Николай Павловичъ, на основаніи свѣдѣній изъ книгъ и рукописей, объяснялъ брату стратегическія движенія войскъ и тактику генераловъ, при чемъ эти живыя лекціи великаго князя вызывали несказанное удовольствіе не только Михаила Павловича, но и суроваго Ламсдорфа, которому, на этотъ разъ, оставалось лишь любоваться достигнутыми успѣхами строптиваго воспитанника, столь блестяще пользующагося пріобрѣтенными имъ военными знаніями.

Очутившись однажды между двухъ кургановъ, осѣненныхъ двумя деревянными крестами съ надгробными надписями, Николай Павловичъ воскликнулъ съ чувствомъ глубокаго волненія: — «О, здѣсь десять тысячъ храбрецовъ легли за честь нашего знамени! Война— страшная необходимость. Я только передъ этими знаменательными могилами понимаю, какою славою покрылъ себя нашъ августѣйшій благодѣтель, даровавъ миръ Европѣ».

Путешествуя по Европѣ, великіе князья встрѣтили въ Швейцаріи короля прусскаго, Фридриха Вильгельма, пребывавшаго тамъ инкогнито. Король принялъ братьевъ Александра Павловича очень радушно и пригласилъ къ себѣ въ гости, въ Берлинъ, для встрѣчи прусскихъ войскъ, участвовавшихъ во французской кампаніи. Когда великіе князья заявили ему въ отвѣтъ, что они по настоящему предмету ждутъ указаній изъ Петербурга отъ государя императора, то Фридрихъ замѣтилъ:

— Я хвалю послушаніе. Императоръ Александръ замѣняетъ вамъ отца, и я совѣтую вамъ дѣлать все, что отъ васъ зависитъ, чтобы удовлетворить его. Онъ

имѣетъ особенные виды на ваше императорское высочество,—добавилъ онъ, обращаясь съ дружескою улыбкою къ великому князю Николаю,—онъ передавалъ мнѣ о нихъ и нашелъ меня вполнѣ готовымъ споспѣшествовать имъ, насколько могу.

Виды эти, на которые намекалъ король прусскій, состояли въ томъ, что уже въ тѣ дни Александръ I задумывалъ женить своего брата на принцессѣ Шарлоттѣ, дочери короля Прусскаго, славившейся своею особенною красотою и прозванною за красоту «перломъ прусской короны». Дѣйствительно, когда молодые люди встрѣтились въ Берлинѣ, то полюбили другъ друга, и то, что было рѣшено между двумя дворами въ интересахъ политическихъ, нашло себѣ также оправданіе въ чувствахъ влюбленныхъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.
(Съ портрета, писаннаго Беннеромъ).

По возвращеніи въ Петербургъ, великій князь Николай Павловичъ снова засѣлъ за прерванныя научныя занятія и, по преимуществу, по предметамъ военнаго

знанія; но эти занятія не были уже столь систематичны, какъ прежде. Ему было дано гораздо больше воли, и онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ парадахъ, разводахъ и воинскихъ ученіяхъ, т.-е. во всемъ томъ, что такъ старательно преслѣдовалось прежде.

Возгорѣвшаяся война съ Наполеономъ снова вызвала наши войска за границу, и на этотъ разъ уже оба великіе князья получили безпрепятственное разрѣшеніе отъ Маріи Ѳеодоровны — находиться при штабѣ арміи. Снова, какъ и въ первый разъ, государыня-мать напутствовала сыновей длиннымъ посланіемъ, гдѣ еще разъ преподала имъ требуемыя въ ихъ положеніи правила поведенія, при чемъ съ особенною настойчивостью совѣтовала во всемъ уповать на милосердіе Божіе.

По окончаніи похода, Николай Павловичъ, въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1816 года, еще прошелъ нѣсколько курсовъ съ прежними профессорами, напр., курсъ науки о финансахъ, курсъ русской исторіи и, преимущественно, относящейся къ царствованіямъ Іоанна Грознаго, Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова; курсъ военной исторіи по сочиненіямъ Жиро и Ллойда о разныхъ кампаніяхъ, въ томъ числѣ и кампаніяхъ 1814 и 1815 годовъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ посвящалъ не мало времени изученію бывшаго тогда проекта «объ изгнаніи турокъ изъ Европы».

Лѣтомъ 1816 года великій князь Николай совершилъ обширное путешествіе по Россіи, согласно заранѣе составленной самою державною родительницею инструкціи, имѣвшее своимъ назначеніемъ—пополнить свѣдѣнія и знанія великаго князя изъ области отечествовѣдѣнія. Во время своей поѣздки по внутреннимъ губерніямъ отечества, царственный путешественникъ велъ журналъ въ двухъ отдѣлахъ: одинъ, подъ названіемъ «Общій журналъ по гражданской и промышленной части», и

другой—«Журналъ по военной части». Въ первую часть великій князь заносилъ быстрыя и краткія описанія от-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.
(Съ портрета, писаннаго Ивановымъ).

дѣльныхъ городовъ, общіе обзоры губерній и свои впечатлѣнія о тѣхъ или иныхъ встрѣтившихся по пути неустройствахъ нашей тогдашней общественной жизни.

Въ военную же часть онъ вносилъ замѣчанія, относящіяся къ внѣшностямъ военной службы, одеждѣ, выправкѣ, маршировкѣ и пр., не касаясь существенныхъ частей военнаго устройства, управленія или моральнаго духа войска.

По окончаніи трехмѣсячнаго путешествія по Россіи, онъ, въ концѣ того же лѣта 1816 года, еще разъ посѣтилъ Германію, главнымъ образомъ, для свиданія съ невѣстою, принцессою Шарлоттою, а черезъ нѣсколько дней, по достиженіи имъ гражданскаго совершеннолѣтія, состоялась и его свадьба съ названною принцессою, нареченною при св. миропомазаніи Александрою Ѳеодоровною. Вмѣстѣ съ этимъ событіемъ жизни, положенъ былъ предѣлъ его учебному воспитанію и надзору кавалеровъ, которые всѣ были отпущены, осыпанные наградами. Наивысшія, однако, почести достались на долю генерала Ламсдорфа, который былъ возведенъ въ графское достоинство и пожалованъ двумя табакерками, изъ коихъ на одной, пожалованной государемъ императоромъ, значилась надпись: «Богъ благоволилъ ихъ выборъ», а на другой, осыпанной драгоцѣнными камнями, эти послѣдніе расположены были въ такомъ порядкѣ, что составляли слово «Reconnaissance» (Признательность). Табакерка съ такою надписью была пожалована Ламсдорфу Маріей Ѳеодоровной.

VII. Александръ II и В. А. Жуковскій.

I.

На Пасхѣ, 17 апрѣля 1818 года, двѣсти одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ жителямъ Москвы о радостномъ событіи въ семьѣ наслѣдника-цесаревича, великаго князя Николая Павловича: супруга его, великая княгиня Александра Ѳеодоровна, родила на свѣтъ сына, первенца, нареченнаго Александромъ. По этому случаю, счастливый отецъ соорудилъ въ церкви Новаго Іерусалима придѣлъ во имя св. Александра Невскаго, какъ «смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо: участь жены и сына... Пускай передъ алтаремъ, воздвигнутымъ благодарностью отца, приносятся молитвы и о матери, и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастья, на службу государю, на честь и пользу отечества».

Рожденіе великаго князя Александра, будущаго Царя-Освободителя, было встрѣчено членами царской семьи, иноземными родственниками и русскими простыми людьми, какъ событіе чрезвычайной важности. Точно

прозрѣвая грядущія судьбы царственнаго младенца и нашего отечества, поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій, состоявшій тогда учителемъ русскаго языка при Александрѣ Ѳеодоровнѣ, привѣтствовалъ царственную ученицу-мать слѣдующими вдохновенными стихами:

«Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званья: *человѣкъ*!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать!...»

Въ этихъ привѣтственныхъ стихахъ ясно сказался голосъ истинно-русскаго человѣка, который указывалъ будущему верховному вождю Россіи то, что ожидаетъ отъ него отечество: всеобщаго блага, свободы родины и истинно-человѣческаго отношенія къ подданнымъ. Уважай въ людяхъ прежде всего ихъ святѣйшее званіе «человѣкъ!»—таковъ былъ завѣтъ поэта первенцу наслѣдника,—завѣтъ, который впослѣдствіи, какъ будетъ показано въ нашей статьѣ, легъ основаніемъ всего воспитанія юнаго великаго князя.

Нечего и говорить, какою любовью, ласкою и вниманіемъ былъ окруженъ «маленькій Саша» со стороны родителей, съ первыхъ дней своего появленія на свѣтъ. Неопытная еще въ дѣлѣ воспитанія и руководительства дѣтскими шагами, великая княгиня Александра Ѳеодоровна охотно пользовалась въ этомъ дѣлѣ совѣтами и указаніями вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Державная бабушка души не чаяла въ маленькомъ внукѣ и взяла на себя выборъ для него боннъ и гувернантокъ. Изъ числа послѣднихъ главное наблюденіе надъ его воспитаніемъ было поручено Ю. Ѳ. Барановой. Кромѣ

НИКОЛАЕВСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ КОТОРОМЪ РОДИЛСЯ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

г-жи Барановой, при великомъ князѣ состояла, въ качествѣ надзирательницы, Н. В. Таубертъ, а въ качествѣ боннъ-англичанокъ—А. А. Кристи, М. В. Коссовская и Е. И. Кристи.

Когда Александру Николаевичу минуло шесть лѣтъ и наступила уже пора подумать о болѣе серьезномъ обученіи, а главнѣйше, — о военномъ воспитаніи, — къ нему былъ приставленъ, въ роли главнаго воспитателя, боевой офицеръ, герой войнъ 1805 и 1807 годовъ, капитанъ Карлъ Карловичъ Мердеръ. 12-го іюля 1824 г. послѣдній вступилъ въ отправленіе своей отвѣтственной должности и съ тѣхъ поръ, вплоть до своей смерти (1834 г.), онъ считалъ главною цѣлью жизни — быть полезнымъ воспитаннику, принимая живѣйшее участіе въ его дѣтскихъ играхъ и научныхъ занятіяхъ, не оставляя его безъ надзора ни днемъ, ни ночью. Это дало возможность Мердеру внимательно наблюдать за нравственнымъ развитіемъ будущаго русскаго императора и дѣятельно помогать главному наставнику великаго князя, В. А. Жуковскому, въ его заботахъ объ умственномъ и духовномъ просвѣщеніи воспитанника.

Великій князь Николай Павловичъ былъ чрезвычайно доволенъ воспитателемъ своего сына и уже въ сентябрѣ того-же 1824 года писалъ Мердеру изъ-за границы:—«Добрыя вѣсти о сынѣ моемъ меня душевно радуютъ, и я молю Бога, дабы укрѣпилъ его во всемъ добромъ. Продолжайте съ тѣмъ-же усердіемъ, съ которымъ вы начали новую свою должность, утвердите и оправдайте мое о васъ мнѣніе. Мнѣ весьма пріятно слышать, сколь матушка довольна успѣхами Александра Николаевича и вашимъ съ нимъ обхожденіемъ».

Равнымъ образомъ, и великая княгиня Александра Ѳеодоровна неоднократно, съ перваго-же времени вступленія Мердера въ исправленіе своихъ обязанностей, выражала ему свое удовольствіе. Такъ, подобно Николаю Павловичу, она писала наставнику изъ заграничнаго путешествія:

«Не могу достаточно благодарить васъ за ваши по-

временные отчеты, которые кратко, но полно содержатъ въ себѣ все, что мнѣ желательно знать о моемъ миломъ Александрѣ. Богъ благословитъ васъ за всѣ труды и заботы, которыми вы теперь должны быть обременены; восхищаюсь вашимъ терпѣніемъ; только оставайтесь вѣрны себѣ и не давайте другимъ вводить васъ въ заблужденіе; разсчитывайте на содѣйствіе Божіе, ибо безъ Него ничто человѣческое не можетъ удасться, и вѣрно любите моего мальчика, обѣщающаго намъ столько прекраснаго. Ваши отчеты составляютъ всю мою радость, и потому я прошу о продолженіи. Съ удовольствіемъ вижу, что такъ хорошо идетъ лазанье и упражненія въ устойчивости».

На это милостивое и сердечное письмо Карлъ Карловичъ отвѣчалъ:

«Августѣйшая великая княгиня! Вашего императорскаго высочества милостивое письмо я имѣлъ счастіе получить. Вы благодарите меня, августѣйшая великая княгиня, за всѣ труды и заботы, теперь часто выпадающіе мнѣ на долю. Видитъ Богъ, что сокровеннѣйшее мое желаніе и единственное мое стремленіе заключается въ томъ, чтобы прежде всего доставить довѣренному мнѣ и сдѣлавшемуся столь дорогимъ моему сердцу ребенку столько счастія, сколько это ребенку возможно. Поэтому я стараюсь доставить ему всѣ радости, дозволенныя въ его возрастѣ: онъ играетъ, забавляется и шутитъ со мною, а я чувствую себя обрадованнымъ и счастливымъ уже тѣмъ, что всѣ, кому дано счастіе видѣть маленькаго великаго князя, находятъ, что онъ сильно перемѣнился въ свою пользу...»

Въ тотъ-же день Мердеръ писалъ и великому князю Николаю Павловичу:

«Тщетно старался-бы я изъяснить вашему импера-

торскому высочеству чувство, съ каковымъ пріемлю изъявляемую мнѣ въ письмѣ вашимъ высочествомъ благодарность за точное исполненіе моей обязанности. Богъ вид тъ сердце мое; Ему извѣстны чувства мои и пламенное желаніе—быть полезнымъ Александру Николаевичу. Всевышній милостивъ, Онъ укрѣпитъ меня въ силахъ и поможетъ исполнить въ полной мѣрѣ Имъ и вами на меня возложенное. На него полагаю всю мою надежду».

Сдѣлавшись въ 1825 году, по восшествіи Николая Павловича на прародительскій престолъ, наслѣдникомъ престола, «маленькій Саша»,—такъ звали великаго князя Александра Николаевича въ семьѣ, — продолжалъ вести прежнюю жизнь, подъ надзоромъ Мердера и швейцарца Жилля, лишенную всякой роскоши и чопорности. Такъ, когда однажды французскій посолъ, согласно обычаямъ своей родины, просилъ позволенія представиться восьмилѣтнему великому князю, Николай Павловичъ отклонилъ эту просьбу слѣдующими словами:

— Вы, значитъ, хотите вскружить ему голову? Какой прекрасный поводъ къ тому, чтобы возгордиться этому мальчугану, если-бы сталъ выражать ему почтеніе генералъ, командовавшій арміями! Я тронутъ вашимъ желаніемъ—его видѣть, и вы будете имѣть возможность удовлетворить его, когда поѣдете въ Царское Село. Тамъ вы встрѣтитесь съ моими дѣтьми. Вы посмотрите на нихъ и поговорите съ ними; но церемоніальное представленіе было-бы непристойностью. Я хочу воспитать въ моемъ сынѣ *человѣка*, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него государя.

Дѣйствительно, посолъ отправился въ Царское Село, гдѣ въ одномъ изъ парковъ нашелъ великаго князя съ сестрами, Маріей и Ольгой Николаевнами. Наслѣдникъ

привелъ въ восхищеніе гостя своей ловкостью, находчивостью и живостью. Когда вся компанія садилась въ лодку, послѣдняя случайно накренилась и зачерпнула воды. Другой ребенокъ, въ такомъ случаѣ, испугался бы, вскрикнулъ, но Александръ Николаевичъ смѣло схватилъ багоръ, поспѣшно оттолкнулъ лодку отъ берега и спокойно сталъ грести.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ МУНДИРѢ ПАВЛОВСКАГО ПОЛКА, ПО СЛУЧАЮ НАЗНАЧЕНІЯ ШЕФОМЪ ЭТОГО ПОЛКА, 19 ДЕКАБРЯ 1825 г.
(Съ портрета, находящагося въ Эрмитажѣ).

Умѣніе держать себя въ обществѣ, на людяхъ,— было отличительною чертою маленькаго наслѣдника. Такъ, во время коронаціи государя въ Москвѣ, лѣтомъ 1826 года, онъ приводилъ въ неописуемый восторгъ жителей Первопрестольной, когда, въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ и на арабскомъ конѣ, появлялся въ свитѣ своего родителя или участвовалъ на парадахъ въ строю гусаръ. Народъ съ восторгомъ встрѣчалъ и провожалъ всюду восьмилѣтняго великаго князя, и громкое «ура» безпрестанно оглашало улицы, когда онъ появлялся.

Вотъ что повѣствуетъ Мердеръ, по случаю появленія Александра Николаевича, въ одинъ прекрасный день.

среди населенія Москвы.—«Едва показался онъ, раздалось радостное «ура!» Народъ толпою бросился къ колескѣ; власть полиціи исчезла; все уступаетъ толпѣ радостнаго народа; подобно морскому валу, воздымающемуся, лѣзутъ другъ на друга, падаютъ, вскакиваютъ, бѣгутъ, хватаютъ за колеса, рессоры, постромки; крики:—«Ура! Александръ Николаевичъ, нашъ московскій князь! Ура! Ура!» Трогательная картина! Но далѣе ѣхать было трудно, изъ опасенія раздавить кого-нибудь изъ народа. Возвратились назадъ».

Когда приближенные выражали государю свой восторгъ и удивленіе передъ поведеніемъ наслѣдника и умѣніемъ его съ достоинствомъ держать себя, Николай Павловичъ съ увѣренностью говорилъ всѣмъ:

— Я покоенъ насчетъ моего сына, онъ въ хорошихъ рукахъ.

Увѣренность державнаго родителя, что сынъ его находится на попеченіи людей, которые употребятъ всѣ силы къ тому, чтобы верховный вождь Россіи оправдалъ возлагаемыя на него народомъ надежды, — имѣла своимъ основаніемъ высокія нравственныя качества этихъ людей.

II.

Главнымъ воспитателемъ, какъ уже сказано выше, былъ назначенъ К. К. Мердеръ. Это былъ человѣкъ высокой честности, мягкій, просвѣщенный и любознательный. Онъ самъ постоянно трудился надъ своимъ самоусовершенствованіемъ, пріобрѣтая разнообразныя свѣдѣнія, чтобы впослѣдствіи подѣлиться ими со своимъ воспитанникомъ. Не довольствуясь личнымъ взглядомъ на дѣло воспитанія, онъ изучалъ по этому пред-

мету лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей, заимствуя у нихъ все лучшее, что могло быть полезно великому князю. Мердеръ говорилъ всегда чистую правду въ глаза наслѣднику и его родителямъ, былъ точенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, твердъ въ достиженіи цѣлей и умѣлъ ласкою и убѣжденіями заставлять не всегда покорнаго воспитанника дѣлать то, что ему приказываютъ и что отъ него требуютъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, ВОСЬМИ ЛѢТЪ, РАСКАЧИВАЕТЪ КАЧЕЛИ, НА КОТОРЫХЪ СИДИТЪ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРІЯ НИКОЛАЕВНА.

(Съ картины 1820 года).

Выше было отмѣчено по письмамъ Мердера къ августѣйшимъ родителямъ воспитанника, какъ послѣдніе были довольны наставникомъ сына, и сколь отвѣтственнымъ считалъ онъ самъ порученное ему дѣло. Онъ ставилъ себѣ задачею, какъ-бы слиться душою съ юнымъ великимъ княземъ и сдѣлаться его истиннымъ другомъ. Въ этихъ видахъ онъ оставался при ребенкѣ безотлучно, раздѣлялъ всѣ его игры и удовольствія и пріучалъ великаго князя видѣть въ немъ не начальника, а ласковаго и веселаго товарища. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ добился отъ ребенка величайшей откровенности; въ при-

вычку Александру Николаевичу вошло, такимъ образомъ, по вечерамъ, передъ молитвою, разсказывать Карлу Карловичу все то, что онъ дѣлалъ и думалъ въ теченіе дня безъ всякой утайки и вполнѣ чистосердечно, какъ на исповѣди. Такое отношеніе къ дѣлу воспитанія великаго князя требовало со стороны Мердера громаднаго самообладанія и выдержки, при чемъ всякая строгость, всякое наказаніе и грубая насильственность были устранены. Поэтому нельзя не замѣтить, что условія воспитанія, въ которыя былъ поставленъ шестилѣтній Александръ Николаевичъ, были во много разъ лучше тѣхъ, въ коихъ находился его августѣйшій родитель, въ свое время, какъ мы это видѣли, такъ много натерпѣвшійся отъ суровости генерала Ламсдорфа.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ГУСАРСКОМЪ МУНДИРѢ ВЪ 1827 г.
(Съ рисунка Н. Колышкина).

Многіе придворные, считавшіе строгость и систему

наказаній—неотъемлемой принадлежностью дѣла воспитанія, смотрѣли на отношенія Мердера къ своему воспитаннику недовѣрчиво и выражали явное опасеніе, что онъ испортитъ и погубитъ ребенка. Но императорская семья посмотрѣла на эти отношенія съ болѣе просвѣщенной точки зрѣнія. Обѣ императрицы, великая княгиня Александра Ѳеодоровна, великій князь Николай Павловичъ и самъ государь императоръ поддерживали Карла Карловича, ожидая отъ его гуманнаго обращенія съ ребенкомъ самаго лучшаго. И это гуманное отношеніе было тѣмъ болѣе необходимо, что юный великій князь былъ ребенкомъ чрезвычайно впечатлительнымъ, на котораго строгость и крупныя наказанія могли произвести слишкомъ угнетающее впечатлѣніе.

ГЕНЕРАЛЪ МЕРДЕРЪ,
ВОСПИТАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Своимъ ласковымъ обращеніемъ съ Александромъ Николаевичемъ Мердеръ успѣлъ въ самое короткое время заслужить его довѣріе, его привязанность и любовь. Такъ, только что научившись письменнымъ бук-

вамъ, великій князь уже спѣшитъ написать своему наставнику письмо, гдѣ изъясняется ему въ любви, и которое тотъ получаетъ въ видѣ небольшого клочка бумажки, гдѣ на одной сторонѣ написано: «Карлъ Мердеръ 1-го февраля 1825 г.», а на другой—«люблю Мердера моего».

Поэтому и наставнику не оставалось ничего иного, какъ только въ своихъ письменныхъ донесеніяхъ Николаю Павловичу и Александрѣ Ѳеодоровнѣ отмѣчать добрыя свойства ребенка.—«Чрезвычайно счастливъ, — писалъ онъ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, — что могу сообщить вашему императорскому высочеству только добрыя вѣсти о моемъ маленькомъ великомъ князѣ. Его доброе сердце, его наклонности,—словомъ, всѣ его качества и притомъ любовь, съ которой онъ относится ко мнѣ,—ручаются мнѣ, что я (если Господь сохранитъ мнѣ жизнь) увижу его однажды истиннымъ украшеніемъ и радостью семьи его августѣйшихъ родителей. Эту недѣлю погода стояла благопріятная, и мы ежедневно дважды выходили на прогулки. Къ моей великой радости, Александръ Николаевичъ сдѣлался неутомимымъ пѣшеходомъ, и когда онъ бѣгаетъ съ разрумянившимся отъ воздуха лицомъ, съ него — хоть картину писать».

Сумѣвъ стать въ наилучшія отношенія съ воспитанникомъ и его родителями, К. К. Мердеръ пользовался высокимъ уваженіемъ и любовью и своихъ помощниковъ по воспитанію великаго князя, при чемъ особенно дружественныя отношенія у него установились съ В. А. Жуковскимъ, на коего возложено было руководство учебными занятіями великаго князя. Самъ Мердеръ, прежде чѣмъ приступить къ одобренію составленныхъ преподавателями программъ обученія Александра Николаевича, внимательно ознакомился съ разнообразными

ДЕСЯТЬ ПОРТРЕТОВЪ РОССІЙСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ДОМА, ИСПОЛНЕННЫХЪ ВЪ 1827 ГОДУ (ВЪ ТОМЪ ЧИСЛѢ ПОРТРЕТЪ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА).

(Снимокъ съ рѣдкой современной гравюры.)

иностранными педагогическими сочиненіями, посвященными вопросу о воспитаніи, и составилъ себѣ полное представленіе о томъ, по какому пути надлежитъ вести

довѣреннаго ему царственнаго отрока, и каковъ конечный идеалъ воспитываемаго имъ будущаго монарха Россіи. На складъ педагогическихъ воззрѣній Мердера имѣли сильное вліяніе ученыя работы извѣстнаго нѣмецкаго педагога Арндта, прославившагося своими патріотическими сочиненіями, значительно содѣйствовавшими подъему нѣмцевъ противъ Наполеона и освобожденію Германіи отъ французовъ. Мысли Арндта легли основаніемъ въ воспитательную систему Мердера, примѣненную имъ по отношенію великаго князя, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами, при чемъ, къ сожалѣнію, русскій воспитатель слишкомъ мало обратилъ вниманія на требованія національнаго характера въ дѣлѣ воспитанія, которымъ, съ своей стороны, нѣмецкій педагогъ придавалъ такое видное значеніе.

Николай Павловичъ признавалъ необходимость серьезныхъ и обширныхъ преобразованій для Россіи, но оставлялъ ихъ осуществленіе на долю сына, котораго именно и желалъ видѣть хорошо для того подготовленнымъ. Въ этихъ преобразованіяхъ будущаго времени не малую роль должны были играть велѣніе добраго сердца и настроеніе ума, проникнутаго высокими идеалами человѣколюбія. Вотъ на долю Мердера и его помощниковъ, съ согласія и по указаніямъ августѣйшаго родителя и его супруги, и возложена была задача развитія этихъ добрыхъ чувствъ, этого высокаго человѣколюбія. Пути къ таковому развитію въ значительной мѣрѣ имъ были заимствованы изъ работъ нѣмецкаго историка-педагога Арндта, книга котораго «Планъ воспитанія и наставленія монарха» и была рекомендована Мердеру государыней императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Помощникомъ Мердера по обученію Александра Николаевича военнымъ наукамъ былъ назначенъ под-

полковникъ С. А. Юрьевичъ, выборъ котораго былъ сдѣланъ самимъ Карломъ Карловичемъ, видѣвшимъ въ лицѣ своего помощника человѣка, раздѣляющаго его убѣжденія. Что-же касается общаго преподаванія наукъ и руководительства всѣмъ обученіемъ великаго князя, — то на эту отвѣтственную должность былъ призванъ извѣстный писатель, Василій Андреевичъ Жуковскій, пользовавшійся особымъ расположеніемъ обѣихъ императрицъ, Маріи Ѳеодоровны и Александры Ѳеодоровны, а также успѣвшій себѣ пріобрѣсти громкую извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ начала текущаго столѣтія.

III.

В. А. Жуковскій — сынъ помѣщика Бунина и турчанки Сальхи, взятой въ плѣнъ при штурмѣ крѣпости Бендеръ. Будущій наставникъ наслѣдника русскаго престола родился 29 января 1783 года въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи; воспріемникомъ его при св. крещеніи былъ дворянинъ Андрей Григорьевичъ Жуковскій, постоянно жившій въ домѣ богатаго помѣщика Бунина и давшій свое имя новорожденному младенцу. Получивъ въ домѣ Бунина первоначальное воспитаніе, маленькій Жуковскій былъ опредѣленъ сначала въ пансіонъ Роде, въ г. Тулѣ, затѣмъ — въ тамошнее-же народное училище. Но тогдашніе плохіе учителя и неудовлетворительные способы обученія не развили въ живомъ и впечатлительномъ мальчикѣ любви къ наукамъ, и онъ вскорѣ даже былъ исключенъ изъ училища «за неспособность». Послѣ такого неудачнаго начала обученія, родственники пытались опредѣлить его на военную службу; но и это какъ-то не удалось, и, наконецъ, въ 1797 г. мы встрѣ-

чаемъ его въ числѣ воспитанниковъ лучшаго тогда въ Москвѣ «Благороднаго университетскаго пансіона». Несмотря на то, что обученіе наукамъ (особенно математическимъ) и здѣсь давалось ему не легко, онъ, однако, вскорѣ выдѣлился среди товарищей своимъ ученіемъ и поведеніемъ. Особенно отличался онъ въ занятіяхъ русскою словесностью; его стихи обратили на себя даже вниманіе извѣстныхъ тогда писателей, И. Дмитріева и Карамзина, изъ коихъ первый и поспѣшилъ приблизить къ себѣ и ввести въ свой домъ даровитаго юношу. Тогда же, на 16-мъ и 17-мъ году отъ рожденія, онъ началъ уже печатать свои произведенія въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Необходимо замѣтить, что изъ родительскаго дома Жуковскій вынесъ основательное знаніе иностранныхъ языковъ (нѣмецкаго и французскаго); это обстоятельство помогло ему рано познакомиться съ лучшими европейскими писателями и, уже на школьной скамьѣ, приступить къ переводу нѣкоторыхъ изъ нихъ на русскій языкъ.

По окончаніи пансіона, Жуковскій сначала поступилъ чиновникомъ на государственную службу, но вскорѣ бросилъ эту службу, потому что предпочелъ вернуться въ родное село Мишенское и заняться здѣсь пополненіемъ своего образованія. Особенное вниманіе сталъ онъ удѣлять въ тѣ дни на изученіе нѣмецкихъ писателей—Шиллера, Гете и другихъ поэтовъ, и вскорѣ даже очень удачно перевелъ одно изъ стихотвореній Грея, подъ заглавіемъ «Сельское кладбище». Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» и обратилъ на себя вниманіе публики. Съ этого времени (1802 г.), онъ не перестаетъ печатать одно произведеніе за другимъ и пріобрѣтаетъ имя выдающагося поэта. Писатели спѣшатъ завести съ нимъ знакомство, вводятъ его въ

свой кругъ; а въ 1808 г., по настояніямъ извѣстнаго историка Карамзина, уговариваютъ даже взять на себя

В. А. ЖУКОВСКІЙ, ВОСПИТАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.
(Съ портрета Кипренскаго, гравированнаго Вендрамини).

руководительство «Вѣстникомъ Европы». Въ тяжелую для Россіи годину нашествія Наполеона, Жуковскій перемѣ-

нилъ свое мирное званіе на званіе воина и записался въ московское ополченіе; участвовать, однако, въ Бородинской битвѣ ему не удалось, и единственнымъ слѣдствіемъ пребыванія его въ рядахъ войска было написанное имъ стихотвореніе «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ»,—обратившее на себя благосклонное вниманіе государыни Маріи Ѳеодоровны. Вскорѣ послѣ этого, Жуковскій, по случаю окончанія похода 1813 г., написалъ второе стихотвореніе — «Посланіе императору Александру I, спасителю народовъ», которое и послалъ въ Петербургъ своей царственной почитательницѣ, вдовствующей императрицѣ.

Эти два стихотворенія имѣли рѣшающее значеніе въ жизни нашего поэта: онъ сталъ извѣстенъ при дворѣ государя, былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ чтецомъ при Маріи Ѳеодоровнѣ; а когда въ сѣверную столицу прибыла невѣста Николая Павловича и сдѣлалась его супругою, Жуковскій былъ приставленъ къ ней, въ качествѣ учителя русскаго языка. Отсюда становится понятнымъ выборъ Жуковскаго на должность наставника и руководителя учебныхъ занятій вел. кн. Александра Николаевича. И мать, и бабушка, высоко почитавшія его, какъ человѣка и писателя, единодушно рѣшили, что лучшаго наставника «маленькому Сашѣ» невозможно найти, что Василій Андреевичъ—тотъ именно человѣкъ, которому, безъ всякаго страха и боязни, можно довѣрить нравственное и умственное развитіе будущаго русскаго государя. Дѣйствительно, Жуковскій блестяще оправдалъ возложенныя на него надежды и сумѣлъ влить въ душу своего воспитанника и ученика все то свѣтлое, человѣческое, доброе, что въ такомъ изобиліи заключалось въ его собственной природѣ, въ его литературной дѣятельности, и что проглядывало во всѣхъ дѣяніяхъ и реформахъ покойнаго Царя-Освободителя.

Въ началѣ настоящаго очерка были приведены стихи, коими поэтъ привѣтствовалъ рожденіе великаго князя; мы видѣли, что авторъ особенно ударяетъ на то, чтобы будущій государь прежде всего усматривалъ въ каждомъ изъ людей его *святѣйшее званіе человѣка*, и чтобы онъ, для блага подданныхъ, забывалъ самого себя. Эти указанія обязанностей государя, сдѣланныя въ качествѣ независимаго поэта, Жуковскій впослѣдствіи, ставъ наставникомъ Александра Николаевича, непрестанно проводилъ черезъ все свое руководительство его занятіями. И доброе сѣмя, брошенное умѣлою рукою просвѣщеннаго наставника въ душу ученика, дало впослѣдствіи, дѣйствительно, прекрасный плодъ. Вступивъ на престолъ, Александръ II осуществилъ въ жизни завѣтъ Жуковскаго: онъ освободилъ десятки милліоновъ русскаго населенія отъ крѣпостной зависимости, т.-е. даровалъ Россіи свободу; таковую же свободу онъ даровалъ силою оружія единовѣрнымъ намъ болгарамъ, положилъ въ нашемъ отечествѣ начало гласности и создалъ одинаковый для всѣхъ судъ, т.-е. далъ возможность всякому русскому гражданину уважать въ себѣ, прежде всего, именно то «святѣйшее званіе—человѣка», о которомъ сказано было въ привѣтственномъ стихѣ его наставника-поэта.

IV.

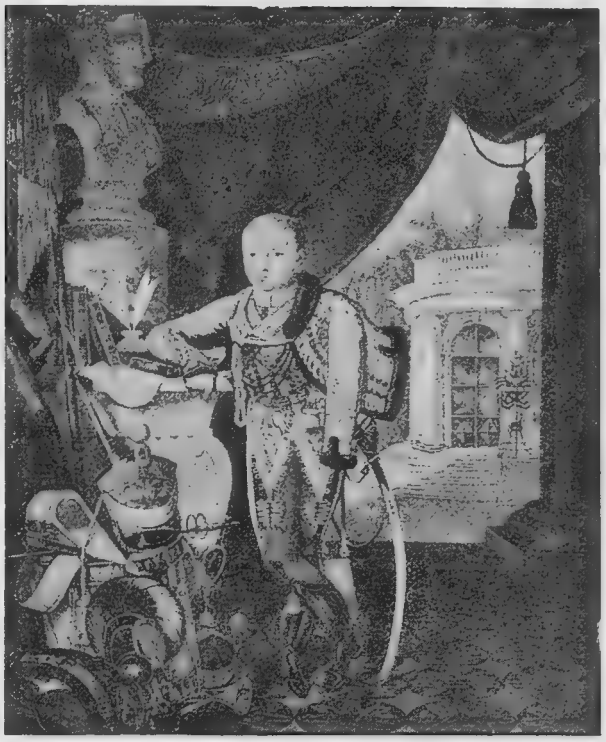
Получивъ лестное назначеніе наставника при великомъ князѣ, Жуковскій сталъ дѣятельно готовиться къ предстоявшимъ занятіямъ. Здоровье его въ то время было не особенно крѣпко, и, для поправленія своихъ слабыхъ силъ, онъ взялъ продолжительный отпускъ за границу, въ теченіе котораго изучилъ пріемы обученія

лучшихъ педагоговъ Западной Европы, а также составилъ обширный «планъ ученія» Александра Николаевича. Каково было его душевное настроеніе въ тѣ дни, явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ его письма къ государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ:—«Да, у меня не осталось уже ничего личнаго! — писалъ онъ державной родительницѣ своего ученика.—Всякая добрая мысль при своемъ зарожденіи уже имѣетъ свой особый интересъ. Слова: долгъ, религія, любовь къ отечеству,—словомъ, все, что присуще духовной природѣ человѣка,—уже не останавливаетъ на себѣ моего вниманія исключительно ради меня самого, но столько же ради того, въ душѣ котораго эти высокія мысли должны принести благодѣтельные плоды для человѣчества. Для меня явленіе исторіи люди, составившіе счастіе или несчастіе своего времени, не служатъ болѣе простыми предметами любопытства; но я вижу въ нихъ уроки, которые могутъ быть предподаны, образцы, которые могутъ быть предложены, опасности, которыхъ слѣдуетъ избѣгать,—и занятія утратили для меня свой опредѣленный характеръ: они всегда могутъ имѣть свое полезное приложеніе. Я былъ бы совершенно счастливъ, если бы мысль о моей неопытности не тревожила меня такъ часто».

Еще рельефнѣе рисуются намъ его чувства и образъ мыслей, изложенные въ письмѣ къ К. К. Мердеру.—«Поздравляю васъ отъ всего сердца съ новымъ годомъ, безцѣнный мой Карлъ Карловичъ!..—писалъ онъ главному воспитателю изъ Дрездена.—Завтра для насъ онъ начнется. Дай Богъ, чтобы и начался, и кончился счастливо. Дай Богъ счастья Россіи. Говоря это, желаю въ одномъ словѣ счастья всѣмъ намъ и, въ особенности, нашему государю *). Слово «счастіе Россіи» — великое

*) Письмо писано въ 1827 г., когда уже на престолъ вступилъ Николай Павловичъ, о коемъ и идетъ здѣсь рѣчь.

слово. Оно для насъ съ вами, особенно, представляетъ главную цѣль нашихъ мыслей и нашей дѣятельности: надобно, чтобы душа нашего великаго князя получила всю способность, которой суть вложила въ нее природа, для постиженія всего великаго смысла этого слова. Поневолѣ возьметъ страхъ, когда подумаешь о необходимой обязанности, которая теперь лежитъ на насъ. По истинѣ можетъ успокоивать насъ только мысль, что мы истинно, безкорыстно будемъ стремиться къ этой цѣли, забывъ все собственное, уничтоживъ самое самолюбіе съ готовностью на великое пожертвованіе. Такъ разумѣю васъ, и увѣренность въ этомъ есть для меня также источникъ истиннаго счастья и спокойствія душевнаго... Работаю теперь надъ древней исторіей и древней географіей. Постараюсь въ теченіе своей дрезденской жизни кончить и таблицы, и историческія карты древней исторіи; также постараюсь приготовиться и къ тѣмъ урокамъ, которыми надобно мнѣ будетъ заниматься непосредственно по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Не



НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
ВЪ 1827 г.
(Съ рисунка глухонѣмого художника Гамнелена.)

могу вамъ сказать, какъ меня всѣ эти занятія, мирныя, порядочныя, обращенныя къ одному предмету, дѣлаютъ счастливымъ, какъ душа спокойна, довольна настоящимъ и весело глядишь на будущее. Теперешняго положенія своего не промѣняю ни на какое въ жизни: то, что можетъ быть человѣку нужно въ жизни, это—имѣть вполнѣ дѣятельность».

Послѣ долгихъ приготовленій и основательнаго ознакомленія съ сочиненіями извѣстнаго педагога, Песталоцци, Жуковскій, осенью 1826 года, представилъ государю выработанный имъ за лѣто планъ ученія великаго князя Александра. Согласно этому плану, воспитаніе вообще и ученіе въ особенности должны имѣть цѣлью—«*образованіе для добродѣтели*». Эта цѣль достигается развитіемъ добрыхъ качествъ, данныхъ природою, образованіемъ изъ сихъ качествъ характера нравственнаго, предохраненіемъ отъ зла, искорененіемъ злыхъ побужденій и наклонностей; ученіе образуетъ для добродѣтели, знакомя питомца: 1) съ тѣмъ, что окружаетъ его; 2) съ тѣмъ, что онъ есть; 3) съ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, какъ существо нравственное; 4) съ тѣмъ, для чего онъ предназначенъ, какъ существо безсмертное.

Предполагая, что ученіе его высочества продолжится отъ 8-ми до 20 лѣтъ, Жуковскій дѣлитъ его на три главныхъ періода: отрочества, отъ 8-ми до 13-ти лѣтъ, въ каковое время онъ ученіе считаетъ *подготовительнымъ*; юности, — отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ — ученіе *подробное*, и первыхъ лѣтъ молодости, отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ — ученіе *примѣнительное*. Наставникъ сравниваетъ первое время ученія съ приготовленіемъ къ путешествію: надо ученику дать въ руки «компасъ», подъ которымъ онъ подразумѣваетъ первоначальное развитіе ума и сердца, посредствомъ усвоенія религіозныхъ пра-

вилъ; познакомить съ «картою», сообщивъ ему вкратцѣ, ясно и въ послѣдовательной связи, тѣ знанія, которыя будутъ впослѣдствіи преподаваться въ подробностяхъ; снабдить его «орудіями» для пріобрѣтенія свѣдѣній и для открытій въ пути, т.-е. обучить его иностраннымъ языкамъ и развить въ немъ природныя дарованія. Въ слѣдующее время (13—18 л.), ученикъ, по образному выраженію Жуковскаго, предпринимаетъ уже самое путешествіе: *компасъ* у него въ рукахъ, онъ умѣетъ съ нимъ обращаться; *карта* передъ нимъ раскрыта и имъ изучена; *дороги* на этой картѣ обозначены,—ему не грозитъ опасность заблудиться. Умъ его приготовленъ, любопытство возбуждено, и онъ смѣло пускается въ дорогу. Дабы избѣгнуть смутности и безпорядка въ понятіяхъ, ученику необходимо преподавать въ отдѣльности науки, нужныя ему, какъ члену просвѣщеннаго общества, и болѣе подробно тѣ, которыя ему нужны по его жизненному назначенію. Къ первымъ относятся тѣ науки, кои имѣютъ предметомъ *человѣка* (науки антропологическія): исторія, географія, этнографія, политика, философія; ко вторымъ—науки, имѣющія предметомъ вещь (онтологическія): математика, естественная исторія, физика. Наконецъ, наступаетъ время окончанія путешествія (18—20 л.): свѣдѣнія собраны, остается ихъ привести въ порядокъ и опредѣлить, какое должно изъ нихъ быть сдѣлано употребленіе. Наставникъ долженъ въ это время возбудить въ ученикѣ самодѣятельность, и послѣдній, не занимаясь уже никакою наукою въ отдѣльности, самъ составляетъ себѣ коренныя правила жизни, какъ произведеніе того, что дали ему воспитаніе и ученіе. Пособіемъ для этихъ правилъ служитъ чтеніе классическихъ книгъ, преимущественно, тѣхъ, кои знакомятъ его съ его высокимъ положеніемъ и страною, которой онъ долженъ посвятить свою жизнь. Въ это

время занятія должны идти въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) обозрѣніе знаній, пріобрѣтенныхъ въ возрастѣ 13—18 лѣтъ; 2) взглядъ на мѣсто, занимаемое человѣкомъ въ обществѣ, и на обязанности, съ нимъ соединенныя; 3) отчетъ въ самомъ себѣ, передъ самимъ собой и утвержденіе въ правилахъ добродѣтели; 4) выясненіе общаго значенія человѣка въ жизни и государя—въ особенности.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своего плана, Жуковскій разъясняетъ значеніе каждой науки, входящей въ тотъ или иной кругъ преподаванія, размѣщаетъ ихъ въ опредѣленной послѣдовательности и, наконецъ, останавливается на обозрѣніи, при какихъ условіяхъ должно идти обученіе великаго князя. Дверь учебной комнаты, по его мнѣнію, во все время уроковъ, должна быть неприкосновенна; никто не долженъ позволять себѣ входить въ нее, пока царственный ученикъ занятъ съ учителями; изъ этого правила не должно дѣлать исключеній даже для родителей, т.-е. для государя и государыни. Благодаря этому Александръ Николаевичъ пріучится дорожить своимъ временемъ, такъ какъ будетъ видѣть, что имъ дорожатъ другіе, и что въ порядкѣ часовъ ученія соблюдается строжайшая точность. Его высочество въ продолженіе своего воспитанія долженъ привыкнуть почитать выше всего *свои обязанности*. Далѣе наставникъ нападаетъ на вредъ, которому подвергаются царскія дѣти, благодаря частымъ переѣздамъ съ мѣста на мѣсто.—«Намъ надобно имѣть одно мѣстопребываніе — въ Петербургѣ зимою и одно, такое же, внѣ Петербурга, лѣтомъ,—говоритъ онъ въ своемъ «планѣ». Въ противномъ случаѣ, порядокъ нарушается, и нельзя отвѣчать за успѣхъ ученія. Переѣзды будутъ мѣшать и вредить вниманію, будутъ препятствовать полнотѣ и необходимому спокойствію упражненій; вмѣсто устроен-

ной учебной комнаты, будемъ имѣть однѣ станціи, въ которыхъ нельзя имѣть подъ рукою всѣхъ предметовъ ученія; все это произведетъ привычку къ непостоянству и безпокойную охоту перемѣнять мѣсто, весьма вредную для будущаго. Самимъ наставникамъ нельзя будетъ дѣйствовать, какъ бы они желали: могутъ ли они всюду перевозить съ собою всѣ вещи для приготовленія своего къ лекціямъ? Могутъ ли имѣть вездѣ просторъ, необходимый для собственныхъ занятій? А это—не бездѣлица: здѣсь о наставникахъ такъ же нужно думать, какъ и о воспитанникѣ. Безполезно требовать отъ нихъ невозможнаго».

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ГУСАРСКОМЪ МУНДИРѢ ПЕРЕДЪ ФРОНТОМЪ ВЪ 1828 г. (Съ картины, находящейся въ Эрмитажѣ).

Большое значеніе придавалъ Жуковскій прогулкамъ: съ ними, по его мнѣнію, должна быть соединена цѣль наставительная. Ученикъ долженъ на этихъ прогулкахъ обозрѣвать публичныя зданія, ученыя учрежденія, кабинеты, промышленныя заведенія. Чтобы родители наслѣдника могли давать себѣ ясный отчетъ о ходѣ его занятій, Жуковскій предполагалъ установить экзамены ежемѣсячные и

полугодовые; ежемѣсячные должны производиться въ присутствіи государыни императрицы, полугодовые—въ присутствіи самого государя.

V.

Обращаясь къ вопросу объ отношеніяхъ державнаго родителя къ сыну, Жуковскій говоритъ: — «Смѣю думать, что государь императоръ не долженъ никогда хвалить великаго князя за прилежаніе, а просто оказывать свое удовольствіе ласковымъ обращеніемъ. Таковое выраженіе должно быть предоставлено для немногихъ случаевъ. Чѣмъ будетъ оно рѣже, тѣмъ болѣе будетъ имѣть цѣны, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствіе. Великому князю надлежитъ привыкать видѣть въ исполненіи своихъ обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакого особеннаго одобренія: такая привычка образуетъ твердость характера; каждый отдѣльный хорошій поступокъ весьма маловаженъ, одно только продолжительное постоянство въ добрѣ заслуживаетъ вниманія и хвалы. Его высочество долженъ пріучиться дѣйствовать безъ награды: мысль объ отцѣ должна быть его тайною совѣстью. Тогда только одобреніе отца будетъ для него благодѣтельнымъ счастіемъ и дѣйствительнымъ поощреніемъ къ новымъ усиліямъ. То же самое можно сказать и о выраженіи родительскаго неодобренія. Его высочество долженъ трепетать при мысли объ упрекѣ отца. Государь будетъ знать всегда о его мелкихъ поступкахъ; но пускай это будетъ тайною между Его Величествомъ и наставниками; пускай воспитанникъ чувствуетъ вину свою, и самъ наказываетъ себя тягостнымъ своимъ чувствомъ. Но испытывать явный гнѣвъ отца — должно быть для него

случаемъ единственнымъ въ жизни. Если когда-нибудь дойдетъ до такой крайности, то лекарство будетъ спасительно, и исцѣленіе—несомнѣнно».

Чтобы родителямъ легче было слѣдить за ходомъ занятій сына, дабы ученикъ могъ лично судить объ успѣхахъ или недостаткахъ своего ученія, Жуковскій рѣшилъ завести, на классномъ столѣ, особую книгу—журналъ, куда учителя, по окончаніи урока, должны ставить отмѣтки,—какъ за успѣхи, такъ и за поведеніе.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I, ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ КОНСТАНТИНЪ И МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧИ И НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ 1831 ГОДУ.
(Съ рисунка Ивана Логинова).

Что касается взглядовъ Жуковскаго на обязанности великаго князя въ настоящемъ и будущемъ, когда онъ наслѣдуетъ прародительскій престолъ, то они прекрасно выражены въ слѣдующихъ словахъ его «плана» обученія Александра Николаевича. «Его высочеству нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ,—говоритъ онъ.—Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага, и, въ благѣ общемъ, для его собственнаго. Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностью. Человѣкъ знающій, но не нравственный,—будетъ вредить, ибо хуже употребитъ ему извѣстные способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда—будетъ вредить, ибо, и съ добрыми намѣреніями, не будетъ знать способовъ дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ

правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый, на своемъ мѣстѣ, долженъ знать, что дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключаются его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно. Сокровищница просвѣщенія царскаго есть исторія, наставляющая опытами прошедшаго, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною наукою наслѣдника престола. Исторія, освѣщенная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской. Сихъ главныхъ правилъ немного. Исторія познакомитъ наслѣдника престола съ судьбою народовъ и, объяснивъ причины ихъ бѣдствій и благоденствія во всѣхъ временахъ, должна сказать ему въ заключеніе: — вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему, какъ вѣрили Маркъ Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкою надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно — сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, что хочетъ властвовать для одной власти; — но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бы-

ваетъ просвѣтителемъ монарха: оно—вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли; мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть правосудіе, ибо въ немъ — и милосердіе царей, и свобода народовъ; свобода и порядокъ — одно и то же, любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество государя — не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый—безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу, нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся насчетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго,—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей».

«Планъ» Жуковскаго былъ одобренъ царскою семьею, какъ равно состоялось приглашеніе остальныхъ преподавателей, согласно указаніямъ наставника и главнаго воспитателя К. Мердера. Въ числѣ таковыхъ надлежитъ отмѣтить—Флоріана Антоновича Жилля, учителя французскаго языка и географіи; Ивана Павловича Шамбо—нѣмецкаго языка, Альфри — англійскаго, Юрьевича—польскаго, Эдуарда Давидовича Коллинса—ариѳметики. Болѣе всего заботилъ Василія Андреевича выборъ преподавателя Закона Божьяго. К. Мердеръ рекомендо-

валъ на эту должность ученаго священника, протоіерея Андреевскаго собора, Герасима Петровича Павскаго, который, сообразуясь съ «планомъ» Жуковскаго, и представилъ записку, гдѣ изложилъ свои мысли о законоученіи. Записка эта произвела самое лучшее впечатлѣніе на наставника, и онъ писалъ, по поводу ея, государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ:

«Мы можемъ поздравлять себя со сдѣланнымъ выборомъ. Павскій кажется мнѣ человѣкомъ, способнымъ имѣть прекрасное вліяніе на сердце нашего дорогого отрока. Если искать только ученаго богослова, учителя въ наукѣ, — мы ничего въ немъ не найдемъ. Для вѣроученія, для нашего отрока, для будущаго его жребія, — нужна сердечная вѣра, нужна высокая идея о Промыслѣ, управляющемъ его жизнью, просвѣщенная вѣра и терпимость, сохраняющая уваженіе къ человѣчеству».

Въ письмѣ же къ Мердеру онъ такъ отзывался о почтенномъ о. Павскомъ. «Не могу вамъ изъяснить, какъ я радъ нашему почтенному Павскому. Въ исполненіи его системы виденъ человѣкъ честный, твердый, христіанинъ въ прекрасномъ смыслѣ этого слова, онъ будетъ не простымъ учителемъ догматовъ, онъ будетъ дѣйствовать на характеръ нашего питомца и въ этомъ отношеніи онъ будетъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ нашемъ воспитаніи. Я радъ ему не какъ товарищу, но болѣе, — какъ наставнику, съ которымъ весело будетъ совѣтоваться. Его религія не въ его санѣ и одеждѣ, а въ его правилахъ, которыми руководствуется земля наша. Религія для всѣхъ одна: то же вліяніе, какое она имѣетъ на скромную жизнь частнаго человѣка, должна она имѣть и на высокую судьбу государя. Надобно, чтобы она вошла въ душу, сдѣлалась источникомъ дѣятельности, освѣтила нравственность

Религія, въ истинномъ смыслѣ,—другъ просвѣщенія, хранительница свободы, стражъ блага народнаго и частнаго. Она одна во всѣ времена; она не противится нуждамъ времени; она—явный врагъ притѣсненія, понудитель образованія, не боится вести человѣка впередъ; напротивъ, сама летитъ впередъ съ свѣтильникомъ просвѣщенія, ибо чѣмъ болѣе свѣта, тѣмъ яснѣе благо религіи. Вотъ что я прочиталъ въ прекрасныхъ мысляхъ нашего Павскаго и поблагодарилъ со слезами на глазахъ Бога за то, что Онъ приблизилъ такого человѣка къ душѣ нашего расцвѣтающаго наслѣдника Россіи».

Такимъ образомъ, ко времени начала серьезнаго обученія великаго князя Александра, составъ учителей былъ уже окончательно набранъ и притомъ такихъ, которые соединены были общностью убѣжденій, чувствъ и сознаніемъ важности возложенной на нихъ задачи. Всѣ они одинаково признавали, что прежде всего надлежитъ употребить силы къ тому, чтобы образовать изъ будущаго повелителя русскаго народа человѣка просвѣщеннаго, нравственно развитого, достойнаго своего вѣка, скромнаго и уважающаго законы страны. Всѣ учителя прониклись «планомъ» Жуковскаго и поставили во главу порученнаго имъ дѣла развитіе *человѣчности* въ своемъ царственномъ ученикѣ.

VI.

Сообществу дѣтей Жуковскій, какъ равно и К. Мердеръ, придавалъ въ дѣлѣ воспитанія большое значеніе. Въ этихъ видахъ, онъ предлагалъ даже на лѣтнее время составить для великаго князя потѣшный полкъ изъ ста или двухсотъ хорошо воспитанныхъ дѣтей и снабдить этихъ маленькихъ воиновъ всѣми принадлежностями во-

оруженій арміи. Всякое лѣто, по его плану, должно было составить полную кампанію, и каждая кампанія могла бы имѣть предметомъ особенную часть военнаго искусства: напримѣръ, первая кампанія служила бы для изученія фронтовой службы, вторая—полевыхъ укрѣпленій, третья—артиллеріи и, наконецъ, четвертая—морской службы. Царскосельскій прудъ, въ видахъ послѣдней кампаніи, долженъ бы былъ обратиться во всемірный океанъ, на которомъ двѣ маленькія яхты, въ одинъ всего день, могли бы совершить цѣлое кругосвѣтное путешествіе. При такомъ прохожденіи военной службы, Жуковскій ставилъ, однако, одно необходимое условіе—«чтобы сіи военныя наставительныя игры принадлежали исключительно одной эпохѣ года и нисколько не вмѣшивались въ остальное ученіе, которое, въ противномъ случаѣ, разстроятъ совершенно, ибо уничтожатъ вниманіе!» Главною цѣлью этихъ военныхъ игръ должно было быть не одно пріобрѣтеніе свѣдѣній въ военномъ дѣлѣ, но и укрѣпленіе силъ физическихъ, а также—нравственное образованіе. «Великому князю,—говорилъ Жуковскій, — должно быть не простымъ солдатомъ, а мужемъ, достойнымъ престола Россіи. И здѣсь цѣль состоитъ не въ одномъ знаніи фронтовой службы, но и въ дѣятельномъ пробужденіи высокихъ человѣческихъ качествъ—смѣлости, терпѣнія, расторопности, присутствія духа, осторожности, рѣшительности, хладнокровія,—словомъ всего, что составляетъ война въ истинномъ, прекрасномъ значеніи сего слова. Великій князь былъ бы въ толпѣ людей, имѣлъ бы товарищей, наравнѣ съ другими несъ бы тягость долга и службы: все это самымъ благодѣтельнымъ образомъ могло бы дѣйствовать на его умъ и сердце, развернуло бы въ немъ все чистое, человѣческое. Само собою разумѣется, что начальство надъ такимъ корпусомъ должно быть пору-

чено человѣку искусному, который могъ бы изъ игрушки сдѣлать наставленіе полезное и умѣлъ бы забавою дѣйствовать на душу, пробуждая въ ней спящія высокія качества».

Предложенію Жуковскаго, однако, въ отношеніи потѣшнаго полка не суждено было осуществиться. Государь не нашелъ его удобнымъ и, вмѣсто того, зачислилъ сына въ списки кадетъ I корпуса, при чемъ обученіе Александра Николаевича военной службѣ въ рядахъ этого корпуса, въ должное время, отложено было до исполненія ему одиннадцати лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не лишать его сообщества товарищей, къ нему были взяты во дворецъ для совмѣстнаго прохожденія полнаго курса наукъ, два сверстника—графъ Іосифъ Віельгорскій и Александръ Паткуль.

Расписаніе дня для маленькихъ учениковъ было составлено въ слѣдующемъ порядкѣ: дѣти должны вставать въ 6 часовъ утра, читать утреннюю молитву, завтракать и приготовляться къ занятіямъ. Въ 7 часовъ уже начинались классы и кончались въ полдень, съ промежуткомъ отъ 9 до 10 часовъ для отдыха. Послѣ двухчасовой прогулки, въ два часа садились за обѣдъ, затѣмъ до 5 часовъ гуляли, играли или отдыхали. Отъ 5 до 7 часовъ снова происходили занятія въ классахъ, отъ 7 до 8—гимнастика и разныя игры. Вечеръ послѣ 8 час. долженъ былъ посвящаться обозрѣнію истекшаго дня и писанію дневника. Въ 10 часовъ дѣти уже ложились спать. Въ воскресные и праздничные дни часы ученія посвящались частью назидательному чтенію, частью ручной работѣ, гимнастическимъ упражненіямъ и посѣщенію замѣчательныхъ ученыхъ и промышленныхъ заведеній.

Самъ Жуковскій преподавалъ дѣтямъ русскій языкъ, общую грамматику, начальныя понятія по физикѣ

химіи. Въ своихъ занятіяхъ онъ неизмѣнно держался слѣдующаго правила: лучше мало, но хорошо, чѣмъ много и худо, такъ какъ,—пояснялъ онъ, — «мы не гонимся за блестящимъ успѣхомъ, а должны сообщить ученику ясныя понятія въ послѣдовательной связи и пріохотить его къ занятіямъ». Особенное значеніе придавалъ онъ прохожденію наслѣдникомъ естественныхъ наукъ, какъ подготовительной ступени для правильнаго пониманія исторіи.

— «Ребенокъ, — утверждалъ Жуковскій, — всегда лучше пойметъ то, что видятъ его глаза, нежели то, что дѣйствуетъ лишь на его разумъ. Разсуждая о физическомъ опытѣ, представляешь нѣчто реальное, осязаемое, и пріучаешься къ размышленію, заинтересовываешь вниманіе и возбуждаешь свое любопытство. Исторія не можетъ быть столь же привлекательна для ребенка, какъ физика и естественная исторія. Умъ его недостаточно развитъ, чтобы заинтересоваться судьбами людей и народовъ, которыхъ онъ видѣлъ лишь въ воображеніи, тогда какъ явленія физическія и химическія — у него передъ глазами, произведенія природы—налицо, и онъ легко можетъ найти случай примѣнить то, чему его учатъ, къ тому, что его окружаетъ.

Въ отношеніи дѣтей и государь съ государыней, и воспитатель Мердеръ, какъ равно Жуковскій и прочіе наставники, держались одинаково ровно, предъявляли къ нимъ одни общія требованія и не допускали ни въ чью пользу исключеній или послабленій. Такимъ образомъ, великій князь пріучался съ дѣтства къ равенству и несъ одинаковыя обязанности, какъ и его маленькіе товарищи. Кромѣ Віельгорскаго и Паткуля, къ наслѣднику, по большимъ праздникамъ, а также, въ рекреаціи лѣтомъ, приглашали и другихъ товарищей изъ семей, лично извѣстныхъ государю, а иногда приводили и ка-

детъ. Эти шумныя сборища въ Зимнемъ дворцѣ доставляли не мало удовольствія «маленькому Сашѣ» и пріучали его къ правиламъ товарищества, обходительности и вниманія къ гостямъ.

Всѣ перечисленныя мѣры обученія и воспитанія великаго князя, выработанныя Жуковскимъ, были чрезвычайно полезны, въ особенности,—для Александра Николаевича. При всѣхъ достоинствахъ и добрыхъ качествахъ его природы, въ немъ наблюдались и такія отрицательныя свойства, которыя возбуждали серьезныя опасенія родителей и руководителей. Въ немъ не наблюдалось достаточной рѣшительности дѣйствій, постоянства, твердости воли, а подчасъ—и справедливости. Малѣйшая неудача приводила его въ отчаяніе, заставляла опускать руки, ослабѣвать въ своихъ добрыхъ стремленіяхъ, падать духомъ; желаніе отличиться заставляло его прибѣгать къ маленькимъ хитростямъ, уловкамъ, которыя огорчали наставниковъ. Конечно, эти недостатки въ характерѣ, свойственные часто дѣтскому возрасту вообще, не со-

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ въ 1827 г.
(Съ оригинала Дау).

держали въ себѣ признаковъ порока; но, тѣмъ не менѣе, Жуковскій и Мердеръ считали нужнымъ бороться съ ними, прибѣгая, какъ увидимъ дальше, къ мѣрамъ строгости. Ихъ искреннее желаніе было—сдѣлать изъ Александра Николаевича *человѣка* въ самомъ возвышенномъ смыслѣ слова, освобожденнаго даже отъ тѣни недостатковъ и погрѣшностей, могущихъ вредно отозваться на его характерѣ и будущей дѣятельности, какъ правителя Россіи.

Борьба съ этими недостатками не представляла особенныхъ трудностей: по своей природѣ наслѣдникъ былъ богато одаренъ способностями; ученіе давалось ему легко; а любящее, мягкое сердце было доступно словамъ внушенія, увѣщаніямъ и доказательствамъ несправедливости сдѣланнаго. Въ этомъ отношеніи наставники широко пользовались примѣрами товарищей, ихъ успѣхами и поведеніемъ, въ особенности, маленькаго Віельгорскаго, который отличался прилежаніемъ и добронравіемъ.

Могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ недостатками великаго князя служила въ рукахъ Жуковскаго и Мердера горячая его привязанность къ родителямъ и бабушкѣ, огорчить которыхъ или вызвать ихъ гнѣвъ было для «маленькаго Саши» истиннымъ наказаніемъ. Подобно нѣжному цвѣтку, его прекрасное сердце не выносило грубаго прикосновенія и постоянно требовало лишь ласки и ухода любящей руки. Прекраснымъ подтвержденіемъ сказаннаго служатъ слова и дѣйствія великаго князя во время разлуки, весною 1828 г., съ родителями, когда онъ остался на попеченіи бабушки, въ Царскомъ Селѣ. Мысль о родителяхъ въ первый день отъѣзда государя и государыни не покидала его. Во время прогулки, увидавъ полевой цвѣтокъ, онъ побѣжалъ сорвать его со словами:—«я его пошлю мамѣ!» Проходя по ком-

натамъ дворца, онъ съ грустью вспоминалъ:—«Вотъ тутъ папа и мама обѣдали, здѣсь сидѣлъ папа, а тутъ мама. Гдѣ-то они теперь?»

Первый свободный часъ въ этотъ день былъ употребленъ имъ на писаніе писемъ къ матери и сестрѣ, Маріи Николаевнѣ, при чемъ въ конвертъ онъ вложилъ и сорванные цвѣты. Игры съ товарищами не развлекали его, и вечеромъ онъ записалъ въ свой дневникъ: «27 апрѣля—день для меня памятный; милая моя мама и Мери уѣхали въ Одессу. Я много плакалъ». Высказывалъ свою сердечную привязанность великій князь и къ крохотному своему брату Константину. Такъ, когда во дворцѣ получено было извѣстіе о взятіи нашими войсками турецкой крѣпости, Анапы, Александръ Николаевичъ бросился къ своему братишкѣ, сталъ его горячо обнимать и радостно поздравлять съ успѣхами русскаго оружія.

Какъ только наслѣдникъ научился писать по-русски и по-французски, онъ съ радостью посылалъ отсутствовавшимъ въ то время родителямъ и родственникамъ маленькія письма, гдѣ спѣшилъ излить свою ласку и подѣлиться съ ними чувствами и впечатлѣніями. Такъ, первое его письмо было адресовано государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, гдѣ онъ писалъ: — «Дражайшая мама, скоро-ли ты пріѣдешь? Кланяйся папа и скажи, что я ему пришлю улана. Цѣлую тебя, папа и навсегда буду вамъ послушнымъ сыномъ. Саша».

Слѣдующее письмо въ томъ-же 1828 г. онъ послалъ въ Таганрогъ государю императору. «Благодарю тебя, безцѣнный дядя, за присланные рисунки, которые я получилъ отъ Аполинина. Они доставили и доставляютъ мнѣ много удовольствія; я ихъ часто разсматриваю и буду беречь. Поцѣлуй за меня тетю, обнимаю васъ обоихъ мысленно и навсегда буду сердечно васъ любящимъ Александромъ».

VII.

Первый экзаменъ былъ назначенъ наслѣднику и его товарищамъ въ іюлѣ 1828 года. По обыкновенію, они проводили лѣто въ Павловскѣ у вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая, конечно, не скупилась на удовольствія и развлеченія своихъ маленькихъ гостей.

Да и какъ было не веселиться въ этой дачной мѣстности, гдѣ сама природа приготовила дѣтямъ столько простора для разнообразныхъ прогулокъ! Вотъ, напримѣръ, какъ проводили воскресные дни маленькіе обитатели дворца государыни. Утромъ читалось Евангеліе подъ руководствомъ протоіерея Павскаго; затѣмъ великій князь съ товарищами слушали обѣдню. Послѣ обѣда къ нимъ приходили другіе товарищи, Барановы, Трубецкіе, Карамзины, и вся маленькая ватага, одѣвъ походную амуницію, шла брать штурмомъ извѣстную въ Павловскѣ крѣпость, выстроенную Павломъ Петровичемъ. Вотъ прозвучала въ воздухѣ команда Мердера, и маленькіе воины съ громкими криками—ура! и штыками на перевѣсъ мигомъ взбирались на стѣну крѣпости, обращая воображаемаго грознаго врага въ трепетъ и позорное бѣгство. Радости побѣдителей нѣтъ границъ; но ихъ торжественное настроеніе вдругъ смѣняется неудержимыми, веселыми раскатами хохота. Оказывается, что подъ тѣнью крѣпости мирно почивали, прячась отъ знойныхъ лучей лѣтняго солнца, нѣсколько собакъ и утокъ. Воинственное «ура» побѣдителей приводитъ спящихъ животныхъ, дѣйствительно, въ ужасъ, и собаки, съ пронзительнымъ лаемъ, а утки—съ гоготаньемъ, громко хлопая крыльями,—спѣшатъ наутекъ отъ шумныхъ нарушителей ихъ мирной тишины.

Послѣ взятія крѣпости, компанія, какъ была въ походной амуниціи, весело направляется пить чай въ Розовый павильонъ, гдѣ любящей рукой бабушки приготовлено вкусное угощеніе храбрымъ побѣдителямъ крѣпостныхъ утокъ. Смѣхъ, говоръ наполняютъ собою ал-

ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КАДЕТОМЪ.

леи Розоваго павильона; одна игра смѣняется другою; но вотъ уже солнце клонится къ закату: пора купаться!

Купаніе и плаваніе были любимыми развлеченіями великаго князя, и онъ чувствовалъ себя въ водѣ, какъ рыба. Однажды Мердеръ, въ шутку, предложилъ воспитанникамъ прыгнуть въ воду съ перилъ купальни, никакъ не ожидая, чтобы его слова были приняты въ серьезъ; но каково же было его удивленіе, когда на-

слѣдникъ въ одно мгновенье очутился на самомъ опасномъ и высокомъ мѣстѣ и оттуда бросился въ воду. Товарищи послѣдовали его примѣру, но выбрали для себя болѣе безопасныя мѣста.

Кромѣ этихъ развлеченій, дѣти ловили въ Павловскихъ прудахъ рыбу, стрѣляли въ цѣль, катались вперегонку на лодкахъ. Иногда они ѣздили въ кадетскій лагерь, послѣ развода, играли съ воспитанниками въ мячъ; предпринимали они иногда и прогулки въ экипажахъ на крестьянскія пасѣки, гдѣ Мердеръ давалъ имъ разъясненія объ устройствѣ ульевъ и о жизни пчелъ.

Такъ проводили дѣти каникулярные дни отдыха, когда, по расписанію, они были свободны отъ занятій; въ остальные же дни они правильно, въ размѣченные часы, занимались науками и готовились къ предстоявшимъ, въ присутствіи государыни Маріи Ѳеодоровны, экзаменамъ. Мердеръ былъ очень доволенъ своими маленькими воспитанниками, и такъ аттестовалъ ихъ въ своемъ дневникѣ, который имѣлъ обыкновеніе вести изо дня въ день.

«Я чрезвычайно доволенъ Віельгорскимъ: благородное его поведеніе, милая дѣтская веселость, искренняя дружеская привязанность къ великому князю Александру Николаевичу и Паткулю, всегдашняя бодрость и необыкновенная точность въ исполненіи обязанности внушили къ нему любовь и уваженіе обоихъ товарищей и родили въ нихъ похвальное чувство соревнованія. Великій князь, отъ природы готовый на все хорошее, одаренный щедрою рукою природы всѣми способностями необыкновенно здраваго ума, борется теперь со склонностью, до сихъ поръ его одолѣвавшею, которая, при встрѣчѣ малѣйшей трудности, малѣйшаго препятствія, приводила его въ нѣкоторый родъ усыпленія и бездѣйствія. Я теперь почти

уже не имѣю надобности безпрестанно его понуждать. Онъ теперь только начинаетъ убѣждаться въ истинѣ, что веселость и чистое удовольствіе сердца—имѣютъ источникомъ точное исполненіе обязанностей. Вотъ неоцѣнимая польза, которую приноситъ великому князю товарищъ его, Віельгорскій. Великій князь любитъ Паткуля и любимъ взаимно; но Паткуль не любитъ заниматься, даже въ играхъ не имѣетъ ничего постояннаго. Впрочемъ, онъ—добраго сердца, одаренъ хорошими способностями, въ особенности, памятью, и онъ можетъ ихъ усовершенствовать, ежели пріобрѣтетъ болѣе постоянства въ исполненіи обязанностей и будетъ находить только въ этомъ удовольствіе».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ начались, согласно «плану ученія», въ присутствіи государыни Маріи Ѳеодоровны полугодовыя испытанія и продолжались четыре дня. Изъ русскаго языка, общей грамматики и физики экзаменовалъ Жуковскій, изъ французскаго языка и географіи—Жилль, изъ Закона Божьяго—протоіерей Павскій, изъ ариѳметики и геометріи — Коллинсъ, изъ языковъ нѣмецкаго, англійскаго и польскаго—Эртель, Альфри и Юрьевичъ. Государыня осталась чрезвычайно довольна успѣхами, оказанными въ перечисленныхъ предметахъ великимъ княземъ и его товарищами. Она не только хвалила учащихся за отвѣты, излагаемые съ живостью, точностью и ясностью, но одобряла постоянное ихъ вниманіе. Чтобы устранить всякую тѣнь пристрастія, экзаменаціонные баллы ставились ученикамъ слѣдующимъ образомъ. Сдѣланъ былъ ящикъ и въ немъ три отдѣленія, въ которыя опускался бѣлый шарикъ, если экзаменующійся давалъ удовлетворительные отвѣты на нѣсколько предложенныхъ сряду вопросовъ; если же кто былъ не въ состояніи дать удовлетворительнаго отвѣта и отказывался отъ заданнаго вопроса, тому не опускалось вовсе шарика;

если же кто отвѣчалъ неосновательно, тотъ получалъ черный шаръ, уничтожающій одинъ бѣлый. По такому порядку великій князь и Віельгорскій получили изъ физики по 21 баллу, а Паткуль — 17, изъ общей грамматики—Віельгорскій—24, Александръ Николаевичъ—23, а Паткуль 21 баллъ. По окончаніи испытаній, оказалось, что наслѣдникъ и Віельгорскій идутъ достаточно ровно, но третій ихъ товарищъ отстаетъ.

О результатѣ экзаменовъ Жуковскій сообщилъ государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, при чемъ написанное по этому предмету письмо онъ нарочно, въ видахъ назиданія, прочелъ великому князю.

«Не могу не отдать справедливости великому князю,—писалъ Жуковскій,—онъ во все время былъ чрезвычайно внимателенъ; доказалъ, что можетъ владѣть собою; выражался съ живостью, ясностью, — словомъ хотѣлъ сдѣлать, что́ должно,—и сдѣлалъ.

Я поблагодарилъ его отъ всего сердца. Но въ то же время я долженъ былъ сказать ему, что четыре дня, въ которые прекрасно была исполнена должность, весьма мало значатъ въ цѣломъ счетѣ его жизни; что онъ не долженъ слишкомъ много радоваться, если тѣ дни, которые имъ предшествовали, не таковы, какъ эти... Я радуюсь нашимъ экзаменамъ. Они короче познакомили меня съ великимъ княземъ. Я теперь гораздо больше на него надѣюсь, вижу, что онъ имѣетъ умъ здравый; что въ этомъ умѣ все врѣзывается и сохраняется въ ясномъ порядкѣ; вижу, что онъ способенъ къ благородному честолюбію, которое можетъ повести его далеко, если соединится съ нимъ твердая воля; вижу наконецъ, что онъ способенъ владѣть собою, почему и имѣю право надѣяться, что онъ, какъ скоро пойметъ всю важность слова *важность*, будетъ умѣть владѣть собою... Въ этомъ отношеніи не могу не сказать, что

великій князь заслужилъ за экзаменъ полное одобреніе ваше и государя императора. До сихъ поръ онъ только зналъ, что всѣ мы, которые окружаемъ его, которымъ государь и вы съ такою довѣренностью поручили его, любимъ его искренно, что его счастье составляетъ существенную цѣль нашей жизни; онъ это видитъ на опытѣ, но теперь онъ почувствуетъ, что наша любовь для него недостаточна, что ему должно стараться, наконецъ, заслужить и наше уваженіе; оно дается только за постоянство въ добрѣ... Кажется, можно теперь за него поручиться. Кажется, можно предсказать, что мы въ будущій экзаменъ, похваливъ его за хорошіе отвѣты, прибавимъ къ этой похвалѣ и другую, гораздо важнѣе: похвалу за *постоянство* и *дѣятельность*».

Жуковскій нарочно подробно остановился въ письмѣ на разсмотрѣніи качествъ наслѣдника, а также отмѣтилъ, *чего* ему недостаетъ, и къ *чему* онъ долженъ стремиться. Письмо было имъ прочитано своему царственному ученику и должно было подѣйствовать—какъ на чувство его честолюбія, такъ равно и на сыновнее чувство любви къ родителямъ. Великій князь узналъ отсюда, чѣмъ онъ можетъ доставить истинное удовольствіе государю и государынѣ, и на какія стороны своего характера ему надлежитъ обратить особенное вниманіе.

VIII.

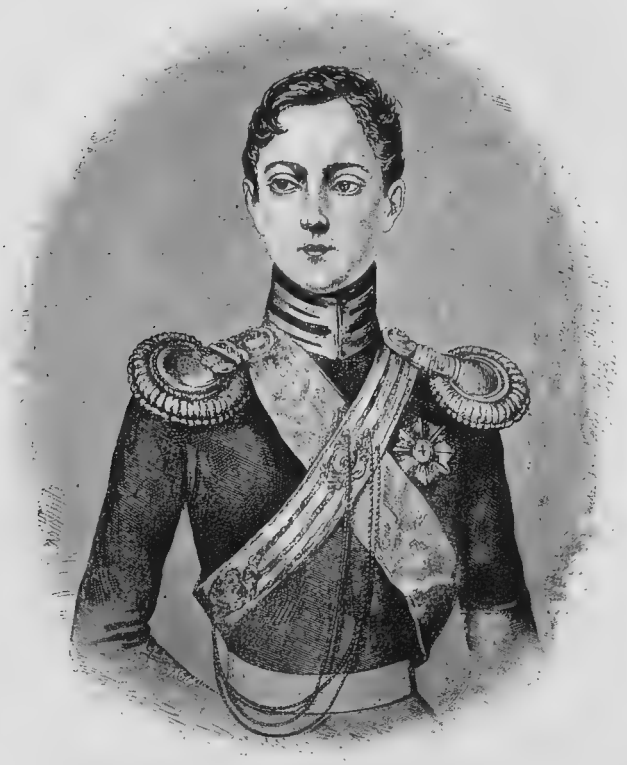
Наступила осень. Наслѣдникъ съ товарищами простились съ государыней Маріей Ѳеодоровной и милымъ Павловскомъ и переѣхали на жительство въ Зимній дворецъ, куда, къ тому же времени, прибыли и августѣйшіе родители. Занятія продолжались здѣсь уже въ большемъ количествѣ, съ меньшими перерывами для прогу-

локъ и при томъ подъ наблюденіемъ самого Николая Павловича. Государь вообще любилъ дѣтей и, по вечерамъ, почти ежедневно устраивалъ во дворцѣ игры наслѣдника и его друзей въ своемъ присутствіи. Иногда онъ приказывалъ сыну съ Віельгорскимъ маневрировать, командовать воображаемыми арміями, вести эти арміи въ атаку, при чемъ самъ лично себя зачислялъ начальникомъ штаба того или другого изъ маленькихъ полководцевъ.

Александръ Николаевичъ огорчался до слезъ, когда жребій указывалъ на его товарища, какъ на начальника государя, но на это никто не обращалъ вниманія, и Николай Павловичъ самымъ серьезнымъ образомъ продолжалъ нести обязанности руководителя штаба при Віельгорскомъ, исполнялъ его распоряженія и, сплошь и рядомъ, разбивалъ на голову войска своего сына. Когда впослѣдствіи дѣти подросли, и къ нимъ въ гости стали приводить кадетъ, то и тутъ государь охотно принималъ участіе въ шумномъ веселью молодежи.

Такъ, напримѣръ, однажды къ наслѣднику были приглашены на вечеръ по два кадета изъ каждаго корпуса. Веселье началось съ игры въ жгуты. Затѣмъ, въ семь часовъ, все маленькое общество отправилось на половину великихъ княженъ, гдѣ на столѣ были положены два хлѣба, изъ которыхъ въ каждомъ было запечено по бобу. Когда хлѣбы были разрѣзаны на кусочки, всякій изъ присутствующихъ взялъ по куску, и тѣ, кому въ кусочкѣ достался бобъ, должны были изображать изъ себя короля и королеву бала. Жребій палъ на наслѣдника и великую княжну Марію Николаевну. Послѣ того для короля и королевы бала устроили тронъ, передъ которымъ сталъ почетный караулъ, подъ начальствомъ П. Баранова. Обязанности барабанщика исполнялъ самъ Николай Павловичъ. Когда изъ другой

комнаты вышли юныя величества, король и королева, въ сопровожденіи блестящей свиты, появленіе это было встрѣчено радостными криками, военными почестями и барабаннымъ боемъ. Помѣстившись на тронѣ, ихъ величества раздавали награды, провозглашаемыя громкимъ



ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ 1830 ГОДАХЪ.
(Съ гравюры Регульскаго).

голосомъ кн. Голицынымъ. Когда главныя должностныя лица были назначены, королева велѣла начать балъ. Государыня Александра Ѳеодоровна, изображавшая оркестръ, сѣла за фортепіано, ударила по клавишамъ, и молодежь весело пустилась въ плясъ.

Но не только зимою принималъ государь участіе въ

забавахъ своего сына и его товарищей; онъ любилъ руководить играми молодежи и лѣтомъ, заставляя толпу мальчиковъ брать приступомъ фонтаны Петергофа. Шумно текутъ пѣнистыя волны по отлогимъ ступенямъ Самсона и, по колѣни въ водѣ, сверху до низу обрызганныя волнами, скользя по мраморнымъ скатамъ фонтана, карабкаются дѣти, по командѣ государя, вверхъ, гдѣ на террасѣ ихъ ожидала уже государыня съ призами. Наслѣдникъ не отставалъ отъ товарищей и также съ успѣхомъ продѣлывалъ трудности восхожденія на высокій Самсонъ.

Если Николай Павловичъ умѣлъ развлекать своего сына, любилъ одаривать подарками, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ иногда строго наказывалъ его за нерадѣніе, шалости и непослушаніе наставникамъ. Такъ, Александръ Николаевичъ, по распоряженію государя, частенько оставался за обѣдомъ при одномъ супѣ или уходилъ спать, не удостоившись со стороны родителей прощанія на сонъ грядущій. Впрочемъ по большей части наставникамъ удавалось предотвратить наказанія домашними, такъ сказать, взысканіями или достиженіемъ отъ наслѣдника исправленія своего поступка, принесеніемъ повинной и вторичнымъ уже отвѣтомъ хорошо выученнаго урока.

Такъ, однажды, великій князь сталъ особенно небрежно и дурно вести себя на урокѣ Закона Божія.

Мердеръ сдѣлалъ ему замѣчаніе и велѣлъ встать, что тотъ и исполнилъ, но съ такимъ угрюмымъ и недовольнымъ видомъ, будто хотѣлъ показать этимъ воспитателю свое неудовольствіе. Тогда онъ былъ удаленъ изъ класса, ему велѣно снять куртку и облечься въ солдатскую шинель.

— Я весьма сожалѣю, великій князь, что вы себя такимъ образомъ разжалываете, — замѣтилъ ему воспита-

тель. — Вмѣсто того, чтобы сознаться въ винѣ вашей, быть благодарнымъ, что васъ останавливаютъ, вы показываете свое неудовольствіе противъ людей, достойныхъ вашей благодарности. Сегодняшнее ваше поведеніе растерзало мое сердце, тѣмъ болѣе, что никогда отъ васъ я ничего подобнаго не ожидалъ.

И почтенный о. Павскій, съ своей стороны, указалъ наслѣднику на неблагопристойность его поведенія. Эти замѣчанія оказали доброе вліяніе на князя: онъ былъ смущенъ и созналъ свою вину; но этимъ дѣло не окончилось. Какъ разъ въ это время вернулся въ городъ государь и, узнавъ о дурномъ поведеніи сына, встрѣтился съ нимъ холодно и запретилъ даже подходить къ себѣ. Только заступничество добрѣйшаго Мердера смягчило гнѣвъ Николая Павловича, и онъ простилъ сына.

Узнавъ однажды о дерзкомъ отвѣтѣ наслѣдника Мердеру, государь грозно объявилъ Александру Николаевичу:

— Уходи! Ты недостоинъ подойти ко мнѣ послѣ такого поведенія; ты забылъ, что повиновеніе есть долгъ священный, и что я все могу простить, кромѣ неповиновенія.

По требованію его величества, воспитатель долженъ былъ перечислить главные недостатки цесаревича: надменность, родъ сопротивленія при исполненіи приказаній и страсть спорить, доказывающая желаніе быть правымъ. Всѣ эти недостатки проистекаютъ, по объясненію Мердера, отъ гордости. Государь, выслушавъ воспитателя, рѣшилъ, что Александръ Николаевичъ лишится права носить мундиръ по воскресеньямъ, если когда-нибудь еще покажетъ малѣйшее непослушаніе. Впрочемъ, эту мѣру наказанія не пришлось примѣнять, и наслѣдникъ, съ тѣхъ поръ, тщательно избѣгалъ случая огорчить отца.

Въ другой разъ, великій князь велъ себя дурно на урокѣ Жуковскаго: игралъ руками, шевелился и не хотѣлъ слушать увѣщаній наставника и воспитателя. Жуковскій выразилъ удивленіе, что великій князь остается хладнокровнымъ къ совѣтамъ любящихъ людей, и эти простыя слова оказали свое дѣйствіе: Александръ Николаевичъ застыдился и чистосердечно просилъ у наставника прощенія.

Когда наслѣдникъ пытался ввести въ обманъ учителей, то, чтобы положить конецъ его уловкамъ и уничтожить въ зародышѣ дурную наклонность, наставники устранили самый поводъ къ обману. По класснымъ правиламъ, заведеннымъ Жуковскимъ, каждая дурная отмѣтка ученика уничтожалась хорошей его работой, сдѣланной по собственному почину. И вотъ, Александръ Николаевичъ и Паткуль, воспользовавшись этимъ правиломъ, начали плохо готовить заданные обязательные уроки, а полученныя по этимъ предметамъ дурныя отмѣтки покрывали въ концѣ недѣли нѣсколько хорошо выполненными, по собственному почину, переводами изъ произведеній иностранныхъ писателей. Замѣтивъ эту хитрость, Мердеръ и Жуковскій отмѣнили правило объ исправленіи отмѣтокъ и объявили, что собственныя работы будутъ засчитываться не еженедѣльно, а по полугодіямъ. Такимъ образомъ, соблазнъ къ обману былъ устраненъ, и великому князю съ товарищемъ не оставалось ничего другого, какъ ежедневно уже заботиться о заданныхъ урокахъ.

Главнымъ образомъ было обращено серьезное вниманіе на то, чтобы наслѣдникъ не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ и не обижалъ своихъ товарищей. Каждый разъ, когда онъ позволялъ себѣ несправедливость по отношенію къ нимъ, былъ вспыльчивъ или рѣзокъ, Мердеръ и Жуковскій останавливали его выгово-

рами, дѣлали строгое замѣчаніе и разъясняли всю несправедливость его поступка. Нужно, однако, замѣтить, что и маленькіе друзья его не давали себя особенно въ обиду и ставили на видъ отсутствіе товарищества великому князю.

— Вы не знаете,—воскликнулъ однажды Александръ Николаевичъ, обращаясь къ наставникамъ, — какое доказательство дружбы мнѣ далъ сегодня Віельгорскій! Г. Жилль сказалъ, что ему никогда не приходится по вторникамъ и пятницамъ аттестовать Паткуля отлично. Я ему отвѣтилъ на это, что знаю причину тому: Паткуль терпѣть не можетъ этихъ уроковъ потому, что одинъ заниматься не любитъ. Когда мы остались одни, Віельгорскій замѣтилъ мнѣ, что *дурно* выдавать товарища и передавать то, о чемъ его не спрашиваютъ.

Этотъ маленькій урокъ товарищества, преподанный Віельгорскимъ наслѣднику, показываетъ, что правы были лица, на попеченіе коихъ возложено было воспитаніе, когда, въ видахъ пользы великаго князя, установили его совмѣстное обученіе со сверстниками. Въ этомъ сообществѣ онъ почерпалъ драгоцѣнныя правила дружбы, равенства и справедливости.

На полугодовыхъ экзаменахъ, въ присутствіи самого государя, дѣти не посрамили своихъ наставниковъ и всѣми силами старались отличиться передъ Николаемъ Павловичемъ и заслужить его царское «спасибо».

IX.

Послѣ одного изъ такихъ экзаменовъ, когда наслѣдникъ особенно отличился, государь, обратившись къ Жуковскому, милостиво сказалъ ему:

— Мнѣ пріятно сказать вамъ, что я не ожидалъ найти въ сынѣ такихъ успѣховъ. Покойная матушка *) писала мнѣ объ этомъ, но, зная ея любовь къ внуку, я полагалъ, что она была слишкомъ къ нему снисходительна. Все у него идетъ ровно, все, что онъ знаетъ, — знаетъ хорошо, благодаря вашему «плану» ученія и ревности учителей; примите мою искреннюю благодарность.

— Экзаменъ доказалъ вашему величеству,—отвѣчалъ Жуковскій, — что въ состояніи сдѣлать великій князь; я вижу самъ, что экзаменъ былъ хорошъ, но по рапортамъ, которые ваше величество получить изволили, вы могли видѣть, что изъ числа 26 недѣль у великаго князя было отличныхъ всего двѣ, за ученіе и поведеніе. У Віельгорскаго 5, а у Паткуля 1. Это доказываетъ, что эти господа, какъ въ ученіи, такъ и въ поведеніи, имѣютъ мало настойчивости, единственное качество, которое достойно уваженія и безъ котораго невозможно имъ дозволить пріобрѣсти прилежаніемъ и поведеніемъ права на обѣщанныя имъ суммы для бѣдныхъ; мы будемъ, однако же, просить ваше императорское величество сдѣлать имъ какое-нибудь удовольствіе.

— Охотно соглашаюсь; но надѣюсь, что въ остальные шесть мѣсяцевъ эти господа покажутъ болѣе постоянства и заслужатъ обѣщанную награду.

Послѣ этого разговора Жуковскій обратился къ дѣтямъ со слѣдующей рѣчью, которая отлично обрисовываетъ намъ симпатичный и свѣтлый обликъ наставника, а также выясняетъ тѣ правила, которыя онъ преподавалъ своимъ маленькимъ ученикамъ, какъ основаніе всей ихъ будущей жизненной дѣятельности.

— «Съ прошедшимъ годомъ, можно сказать, окончилось ваше ребячество,—сказалъ онъ;—наступило для

*) Марія Ѳеодоровна скончалась въ 1829 г.

васъ такое время, въ которое вы можете начать готовиться быть людьми, т.-е. стараться заслуживать уваженіе. До сихъ поръ, по ребячеству, вы не могли еще понимать, что такое уваженіе; оно не есть одобреніе за одинъ или нѣсколько отдѣльныхъ хорошихъ поступковъ, но—одобреніе за постоянно хорошую жизнь и въ то же время увѣренность, что эта хорошая жизнь всегда такою и останется. Теперь мы начнемъ заниматься исторіею; она будетъ для насъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что уваженіе пріобрѣтается однѣми *постоянными* добродѣтелями. Вы, великій князь, по тому мѣсту, на которое назначилъ васъ Богъ, будете, современемъ, замѣчены въ исторіи; отъ этого ничто избавить васъ не можетъ; она скажетъ о васъ свое мнѣніе предъ цѣлымъ свѣтомъ и на всѣ времена,—мнѣніе, которое будетъ жить въ ней и тогда, когда васъ и насъ не будетъ. Чтобы заслужить *уваженіе въ исторіи*, начните съ дѣтства заботиться о томъ, чтобы заслужить его въ кругу вашихъ ближнихъ. Теперь вашъ свѣтъ заключенъ для васъ въ учебной вашей горницѣ и въ жилищѣ вашего отца и государя: здѣсь всѣ васъ любятъ, все живетъ для васъ, вы для насъ—прекрасная, чудная надежда. Знаю, что вы вѣрите нашей любви; будучи увѣрены въ ней, думаете о томъ, чтобы ея стоить. Знайте, какова будетъ ваша жизнь здѣсь, въ маленькомъ вашемъ свѣтѣ, передъ вашимъ семействомъ, передъ вашими друзьями, такова она будетъ и послѣ, передъ свѣтомъ и цѣлою Россіею. Что будемъ думать о васъ мы, то, современемъ, будетъ думать о васъ отечество. Мы начали любовью къ вамъ, но, по этой же любви къ вамъ, мы обязаны васъ судить строго. Отечество прежде начнетъ судить васъ строго и потомъ уже станетъ любить васъ, если вы это заслужите. Чтобы строгій судъ отечества могъ, современемъ, обра-

титься въ любовь, думайте о томъ, чтобы наша любовь обратилась въ уваженіе, а на это одно средство: *владѣйте собою, любите трудъ, будьте дѣятельны,* тогда будете имѣть все, ибо за ваше сердце мы вамъ отвѣчаемъ смѣло. То же, что я говорилъ великому князю, могу сказать Віельгорскому и Паткулю, съ тою, однако, великою разницею, что ихъ будущая обязанность маловажна въ сравненіи съ обязанностями великаго князя. Но обязанность—быть достойнымъ уваженія—для всѣхъ *одинакова.* До сихъ поръ вы еще не могли понимать совершенно, для чего вы здѣсь, и что значитъ для васъ быть товарищами великаго князя. Теперь вы уже это понимать способны. Государь, приблизивъ васъ къ своему сыну, благоволилъ тѣмъ изъявить свою надежду, что будете ему полезны, будучи сами достойны уваженія чувствами, мыслями, поступками. Быть товарищами великаго князя не значитъ—жить съ нимъ подъ одною кровлею, дѣлить съ нимъ и трудъ, и забавы. Нѣтъ! Будьте товарищами души его, будьте сами прекрасны душою такъ, чтобы, современемъ, государь и отечество, видя, что вы сдѣлались людьми отличными, могли порадоваться, что въ младенчествѣ и въ молодости вы были приближены къ наслѣднику престола. Скажу, однимъ словомъ, великому князю – *владѣй собой, будь дѣятеленъ!* Віельгорскому — *будь постояненъ и откровененъ!* Паткулю—*не будь легкомысленъ!* А всѣмъ тремъ — будьте покорны вашимъ наставникамъ, которые теперь представляютъ для васъ и законъ вашъ, и ваши обязанности. Сія покорность есть не иное что, какъ уваженіе правила. Привыкнувъ теперь повиноваться намъ, по довѣренности къ любви нашей, вы и тогда, когда мы васъ покинемъ, останетесь съ привычкою повиноваться закону, а это — главное въ жизни какъ для собственнаго счастья, такъ и для пользы другимъ. Успѣшный экза-

менъ, на которомъ всѣ вы отличились, доказываетъ только, что вы способны исполнять свою должность, когда на это рѣшитесь, а не то, чтобы вы ее постоянно исполняли, ибо годовой расчетъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ экзамену. Чтобы подобнаго не могло случиться съ вами въ будущее время, берегите въ сердцѣ одно: благодарность къ государю, который, пожертвовавъ вашему экзамену двѣнадцатью часами своей царской жизни, сдѣлалъ болѣе, нежели сколько намъ ожидать было позволено. Вы заслужили одобреніе его величества, отличившись на экзаменѣ; мы надѣемся, что, въ концѣ слѣдующаго года, получите право и на его уваженіе своимъ постоянствомъ. А этого мы имѣемъ право отъ васъ ожидать: какими вы лично были произвольно въ теченіе шести дней экзамена, такими можете вы быть также произвольно и, слѣдовательно, должны быть въ теченіе цѣлаго года».

На подобныя темы Жуковскій часто бесѣдовалъ съ учениками, изъясняя имъ ихъ будущія обязанности, роль въ жизни и возбуждая ихъ къ работѣ, повиновенію, самодѣятельности и самообладанію. Эти бесѣды наставника имѣли большое вліяніе на развитіе великаго князя и находили себѣ въ его мягкомъ и благородномъ сердцѣ полный откликъ и добрую почву. Слова умнаго и просвѣщеннаго руководителя учебныхъ годовъ наслѣдника прочно запечатлѣлись золотыми буквами на складкѣ убѣжденій царственнаго ученика. Онъ явилъ собою нашему отечеству тотъ возвышенный образъ монарха, у котораго благо народное стояло выше всего, любвеобильное сердце котораго всегда было доступно горю и нуждѣ.

X.

Слѣды вліянія добрыхъ наставниковъ замѣчаются въ словахъ и дѣйствіяхъ наслѣдника еще въ раннемъ возрастѣ. Такъ, онъ всегда утверждалъ, что «должно неотмѣнно прощать обиды, дѣлаемыя намъ лично; но обиды, нанесенныя законамъ народнымъ, должны быть судимы законами; существующій законъ не долженъ дѣлать исключеній ни для кого». Въ этихъ дѣтскихъ словахъ, содержаніе коихъ въ значительной степени совпадало съ тѣмъ, что неоднократно повторялъ и Жуковскій, несомнѣнно, виденъ уже будущій благородный законодатель, даровавшій нашему отечеству гласный судъ, скорый, правый и милостивый, передъ которымъ сравнялись люди знатнаго происхожденія и большого богатства съ представителями бѣдноты и низшихъ слоевъ.

Стараніе наставника развить въ ученикѣ чувство милосердія и быть всегдашнимъ заступникомъ обиженныхъ и обездоленныхъ увѣнчалось также полнымъ успѣхомъ и проявилось даже тогда, когда наслѣднику шелъ всего тринадцатый годъ. Такъ, узнавъ, что офицеръ Слѣпцовъ скончался отъ ранъ, полученныхъ при взятіи Варшавы, онъ, весь въ слезахъ, бросился въ объятія Мердера со словами:

— Бѣдная г-жа Слѣпцова, какъ она несчастлива! О, какъ я сожалѣю о ея сынѣ: я увѣренъ, что она будетъ неутѣшна!

— Да, мой милый великій князь,—отвѣтилъ Карлъ Карловичъ,—вы справедливо говорите, что Слѣпцова несчастлива; кромѣ ужаснаго удара, понесеннаго ею, ей предстоитъ еще другой: она можетъ потерять все свое состояніе.

— Какъ такъ? — съ тревогой въ голосѣ спросилъ наслѣдникъ.

Мердеръ удовлетворилъ его любопытству, объяснивъ вкратцѣ, что есть судебный процессъ, который семьею Слѣпцовыхъ хотя и выигранъ, но не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, при чемъ прибавилъ:

— Вы хорошо сдѣлаете, если передадите все слышанное государю императору.

Александръ Николаевичъ поспѣшилъ выполнить совѣтъ воспитателя. Государь узналъ всю правду, помогъ своей властью бѣдной Слѣпцовой и благосостояніе ея было спасено.

Кромѣ такихъ единичныхъ случаевъ помощи нуждающимся, въ планъ воспитанія нарочно былъ введенъ отдѣлъ благотворительности, о коемъ и упоминалъ Жуковскій въ бесѣдѣ съ государемъ. Дѣло въ томъ, что изъ суммъ наслѣдника, по заведенному обычаю, всегда удѣлялась нѣкоторая доля на оказаніе помощи нуждающимся. Мердеръ совмѣстно съ Жуковскимъ устроили среди своихъ учениковъ особую «кассу благотворенія», которая составлялась изъ взносовъ, соотвѣтствовавшихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведеніи всѣхъ трехъ воспитанниковъ, соразмѣрно полученнымъ ими отличнымъ отмѣткамъ. Два раза въ годъ, послѣ каждаго экзамена, подводился итогъ, сколько кѣмъ собрано денегъ на какое-либо благотворительное дѣло.

Такимъ образомъ, великій князь и его товарищи только хорошими успѣхами и добрымъ поведеніемъ должны были заслужить «право дѣлать добро». Такая касса дѣйствовала во все время воспитанія наслѣдника, и послѣдній, благодаря ей, позналъ истинную цѣну дѣламъ добра, цѣну работѣ на пользу страждущихъ и нуждающихся.

Но не только къ имущественнымъ недостаткамъ ближнихъ чувствовалъ наслѣдникъ соболѣзнованіе; онъ скорбѣлъ о всякомъ тяжкомъ ихъ положеніи, и всякое чужое горе становилось ему понятно. Вотъ ѣдетъ государь въ Варшаву, на станціи сгоняютъ лошадей; Александръ Николаевичъ жалѣетъ крестьянъ и понимаетъ, какъ тяжело имъ, въ рабочее время, отрывать лошадей отъ пашни. Посѣщаетъ ли онъ фабрики, ему становится грустно за малолѣтнихъ рабочихъ, вынужденныхъ проводить цѣлый день среди шума и грохота машинъ. Во всѣхъ, даже маленькихъ, случаяхъ жизни онъ, дѣйствительно, въ каждомъ ближнемъ прежде всего спѣшитъ разглядѣть то «святѣйшее званіе—человѣка», о коемъ ему такъ много всегда говорилъ поэтъ-наставникъ.

Посылая однажды своему царственному ученику картину, изображающую Александра Невскаго, Жуковскій писалъ ему: «Александръ Невскій жилъ для блага своихъ современниковъ; Александръ Невскій живъ и для блага потомковъ, ибо мы, его потомки, и по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, съ благодарностью подходимъ къ его гробу. *Примѣръ* добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что мы можемъ даровать тѣмъ, кто *живетъ вмѣстѣ* съ нами; *память* добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что можемъ оставить тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ. Но память этого Александра, любезная для всѣхъ потомковъ его вообще, должна быть любезна *особенно* для васъ; вы названы его именемъ; ему ввѣрены вы при рожденіи; онъ—вашъ невидимый на землѣ товарищъ; онъ особенный, тайный свидѣтель и судья вашихъ поступковъ. Не забывайте же своего товарища! Старайтесь быть достойнымъ носить на себѣ его имя».

Въ другомъ письмѣ изъ-за границы, когда наслѣднику уже минуло 14 лѣтъ, наставникъ говорилъ ему·

«знайте только одно, что въ наше бурное время необходимѣе, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнью, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею справедливостью, своею чистою любовью блага были образуемы на землѣ и стояли выше остального міра. Нравственная сила непобѣдима; она въ душѣ государей хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя и во всякое время влечетъ ихъ къ тому, что назначилъ имъ Богъ, то-есть къ вѣрному благу, неразлучному съ человѣческимъ достоинствомъ. *Толпа* можетъ имѣть силу *матеріальную*, но сила *нравственная* въ душѣ государей; ибо они могутъ быть дѣятельными представителями справедливости и блага».

Привлекая своего ученика постоянно къ дѣламъ добра, Жуковскій дѣлалъ его посредникомъ по этимъ вопросамъ между собою и государемъ. Такъ, по случаю Бородинской годовщины, онъ просилъ его ходатайствовать передъ отцомъ за провинившихся и впавшихъ въ немилость. «Вы сами — мой добрый ангелъ, и добрымъ ангеломъ для всѣхъ стоите у трона отцовскаго, итакъ, я все выскажу, что рвется изъ души моей въ эту минуту. Еще бы одно благое дѣло въ день Бородинскаго праздника: дѣло милосердія и, прибавлю, царской признательности этому дню приличны! Въ Бородинѣ дрался Коновницынъ, а Коновницынъ былъ честью русскаго войска. Дочь его, въ молодости лѣтъ, выпила всю чашу горести за чужую вину; эта дочь умоляетъ государя великодушнаго взглянуть съ благоволеніемъ на преступнаго мужа ея, который не жалѣлъ жизни въ сраженіи, чтобы загладить вину свою и заслужить ту милость, которая уже была ему оказана по просьбѣ наслѣдника престола. Нарышкинъ представленъ за храбрость въ офицеры; быть можетъ, и рано еще получить ему эту награду; но день Бородинскій, день Бородинскій громко

вопіетъ къ царю: помяни милосердіемъ храбраго Коновницына!» Далѣе онъ ходатайствовалъ о помилованіи и облегченіи участи сосланнаго въ Сибирь Муравьева.

XI.

Такъ быстро пролетѣли годы юности, и наступила пора зрѣлой молодости. Наслѣдникъ достигъ уже совершеннолѣтія, принялъ присягу, и въ 1837 году, для довершенія своего обученія, въ сопровожденіи Жуковскаго и нѣкоторыхъ другихъ наставниковъ, предпринялъ, по желанію государя, длинное путешествіе по Россіи. Это путешествіе Василій Андреевичъ сравнивалъ съ чтеніемъ книги.

— Книга эта — Россія, — говорилъ поэтическимъ языкомъ Жуковскій,—но книга одушевленная, которая сама будетъ узнавать своего учителя. И это *узнаніе* есть истинная цѣль путешествія. Въ настоящее время, бѣгло останавливаясь въ каждомъ городѣ, онъ знакомится лишь съ содержаніемъ этой занимательной книги, по наименованіямъ каждой главы. Послѣ онъ внимательно изучитъ эти главы.

Въ первомъ же письмѣ съ дороги наставникъ писалъ слѣдующее государынѣ: «Я не жду отъ нашего путешествія большой жатвы практическихъ свѣдѣній о состояніи Россіи: для этого мы слишкомъ скоро ѣдемъ, имѣемъ слишкомъ много предметовъ для обозрѣнія, и путь намъ слишкомъ опредѣленъ; не будетъ ни свободы, ни досуга, а отъ этого часто—и желанія заняться, какъ слѣдуетъ, тѣмъ, что представится нашему любопытству. Мы соберемъ, конечно, много фактовъ отдѣльныхъ, и это будетъ имѣть свою пользу; но главная польза—вся нравственная, та именно, которую теперь

только можно пріобрѣсти великому князю; польза глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія. Въ его лѣта, въ первой свѣжей молодости, безъ всякихъ житейскихъ заботъ, во всемъ первомъ счастіи непорочной жизни, не испытавъ еще въ ней ничего иного, кромѣ любви въ нѣдрѣ своего семейства, онъ начинаетъ дѣятельную жизнь свою путешествіемъ по Россіи,—и какимъ путешествіемъ? На каждомъ шагу встрѣчаетъ его искреннее радушное доброжелательство, тѣмъ болѣе для него трогательное, что никакое своекорыстіе съ нимъ не смѣшано; всѣ смотрятъ на него, какъ на будущее, прекрасно выражающееся въ его наружности; никто не думаетъ о себѣ, всѣ думаютъ объ отечествѣ, и, въ то же время, всѣ благословляютъ отсутствующаго заботливаго государя. Какъ могутъ такого рода впечатлѣнія не подѣйствовать благотворно на свѣжую молодую душу, которую и сама природа образовала для добра и всего вы-

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
ВЪ 1841 г.
(Кисти А. Шалона).

сокаго? Я вижу безпрестанно передъ собою плѣнительную картину. Народъ бѣжитъ за нимъ толпами, и не одна новость влечетъ его и движетъ имъ. Чувство высокое, ему самому не ясное, но вѣрное, естественное, оживотворяетъ его: народъ видитъ передъ собою представителя своего счастья. Масса толпы кричитъ, волнуется, мчится, но въ этой толпѣ многіе плачутъ и крестятся. И чѣмъ далѣе подвигаемся, тѣмъ сильнѣе движеніе... Такимъ образомъ, въ продолженіе предстоящихъ четырехъ мѣсяцевъ, великій князь будетъ счастливъ самымъ чистымъ счастьемъ, и это счастье будетъ плодотворно для его будущаго и для будущаго Россіи».

Выѣхавъ изъ Петербурга 2-го мая 1837 года, наслѣдникъ вернулся домой только 10 декабря того же года, посѣтивъ въ эти семь мѣсяцевъ тридцать губерній, и первый изъ членовъ царствующаго дома побывалъ даже въ Сибири. За все время путешествія наслѣднику было подано до 16.000 просьбъ, большею частью о денежныхъ пособіяхъ и помилованіи. Для удовлетворенія просителей, губернаторамъ выдавалось по 8.000 рублей, а наиболѣе важныя серьезныя ходатайства отсылались великимъ княземъ при его личномъ письмѣ къ государю императору. Много добра удалось за это время сдѣлать Александру Николаевичу: многимъ несчастнымъ возвратилъ онъ ихъ благополучіе, многихъ вернулъ изъ ссылки и далъ возможность не одному семейству горячо вознести за него молитвы передъ Господомъ Богомъ. Эта поѣздка, названная Жуковскимъ на его поэтическомъ языкѣ «всенароднымъ обрученіемъ съ Россіей», должна была завершить предначертанный наставникомъ кругъ образованія наслѣдника. Оставалось посвятить будущаго русскаго самодержца въ тайны государственнаго управленія, т.-е. дать ему тѣ

знанія, которыя уже не входили въ кругъ вѣдѣнія Жуковскаго, и для преподаванія которыхъ были пригла-

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.
Съ портрета Левицкаго.

шены баронъ Жомини, баронъ Брунновъ и министръ финансовъ Канкринъ.

Но на этомъ не прервались еще сношенія наслѣд-

ника съ наставникомъ. Послѣднему пришлось, опять-таки согласно «плану обученія», сопутствовать своему ученику въ его путешествіи по Европѣ и помочь ему ознакомиться съ жизнью сосѣднихъ народовъ. Пребываніе за границею дало возможность наслѣднику прибѣгнуть къ леченію водами въ Зальцбруннѣ для поправленія своего здоровья. И въ иноземныхъ государствахъ, какъ и у себя на родинѣ, Александръ Николаевичъ, своей прекрасной наружностью, ласковымъ обращеніемъ, просвѣщеннымъ умомъ и отзывчивымъ сердцемъ, успѣлъ заслужить общую любовь и сочувствіе. «Вездѣ поняли его чистоту духовную, его прямой высокій характеръ,— писалъ о немъ Жуковскій вел. кн. Маріѣ Николаевнѣ; — вездѣ его милая наружность, такъ согласная съ его нравственностью, пробудила живое, симпатичное чувство, и все, что я слышалъ о немъ въ разныхъ мѣстахъ отъ многихъ, было мнѣ по сердцу, ибо я слышалъ не фразы привѣтствія, а именно то, что соотвѣтствовало внутреннему убѣжденію». Въ заключеніе письма, поэтъ-наставникъ говоритъ:—«Несказанно счастливою минутою жизни моей будетъ та, въ которую увижу его возвратившимся къ вамъ, съ душою, полною живыхъ впечатлѣній и здравыхъ ясныхъ понятій, столь нужныхъ ему при его назначеніи. Дай Богъ, чтобъ исполнилось и другое сердечное мое желаніе, — которое въ то же время есть усердная молитва за него Богу, — то-есть чтобы въ своемъ путешествіи нашелъ онъ для себя то чистое счастье, которымъ Богъ благословилъ отца его».

Желаніе наставника осуществилось: въ Дармштадтѣ наслѣдникъ встрѣтился съ принцессою Маріею; молодые люди полюбили другъ друга, и 4-го апрѣля 1840 г. состоялась ихъ помолвка, соединившая на всю жизнь судьбу будущаго русскаго государя съ младшею до-

черью великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго Людвига II.

Заграничная поѣздка сыграла, однако, выдающуюся роль не только въ жизни одного наслѣдника русскаго престола: подобно своему ученику и сѣдовласый наставникъ его, на 56-мъ году своей жизни, встрѣтилъ въ давно-знакомомъ ему семействѣ Рейтерна то тихое, безоблачное счастье, которое окружило поэтическимъ ореоломъ послѣднія одиннадцать лѣтъ его жизни: онъ также сталъ женихомъ дочери Рейтерна, и 21 мая 1841 г. обвѣнчался съ нею въ церкви русскаго посольства въ Штутгардтѣ. Остальные годы жизни, вплоть до своей кончины, послѣдовавшей 12 апрѣля 1852 г., Жуковскій провелъ за границею, сохранивъ, до послѣдняго вздоха, самыя лучшія чувства къ своему царственному ученику и его семейству и пользуясь также съ ихъ стороны неизмѣнною любовью, уваженіемъ и благодарностью за все то, что онъ нѣкогда сдѣлалъ для «маленькаго Саши».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Петръ I и жители «Нѣмецкой слободы»	1
II.	Преемники Петра Великаго	67
III.	Законные наслѣдники Петра Великаго	112
IV.	Екатерина II и ея сынъ	146
V.	Александръ I и Лагарпъ	187
VI.	Николай I и генералъ Ламсдорфъ	225
VII.	Александръ II и В. А. Жуковскій	267

ИЗДАНІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ и ОЧЕРКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ и ЮНОШЕСТВА, изъ русской жизни.

БАСУРМАНЪ. Историческій романъ въ четырехъ частяхъ И. И. Дажечникова. Съ 11 иллюстраціями кн. И. Г. Гугунава. 16 д. л. 297 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ переплетѣ ц. 2 р.

Включено въ опытъ каталога ученическихъ, средняго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣд. Мин. Нар. Пр.

БРАТЬЯ-МУЧЕНИКИ. Историческій разсказъ М. Н. Кладо. Съ рисунками. 16 д. л. 24 стр. Ц. 15 к.

БѢЛЫЙ ГЕНЕРАЛЪ. Повѣсть-хроника изъ жизни генерала М. Д. Скобелева. А. И. Красницкаго. Съ отдѣльными картинами и иллюстраціями худ. Э. К. Соколовскаго, со снимками съ картинъ В. И. Верещагина, Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго, А. Кившенко и др. и портретами героевъ. 8 д. л. 316 стр. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни (Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр., № 5025, 22 апрѣля 1905 г.).

Рекомендовано для чтенія кадетъ III—V классовъ. (Отд. Гл. Упр. воен.-уч. зав., № 24991, 10 ноября 1900 г.).

ГАЗАВАТЪ. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повѣсть Л. А. Чарской. Съ 10 иллюстраціями І. Смукровича и 127 копіями съ картинъ, рисунковъ и портретовъ разныхъ русскихъ художниковъ. 8 д. л. 310 стр. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Признано заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Отн. Уч. К-та Мин. Нар. Пр. отъ 6 іюля 1906 г., за № 7679).

Допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ. (Отн. Гл. Упр. воен.-уч. зав. отъ 29 мая 1907 г., за № 11923).

ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА. Историческая повѣсть Л. А. Чарской, съ иллюстраціями худ. С. Панова. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Признано Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщ. заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.

ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. С. А. Чистякова. Съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр., и пр. на отдѣльныхъ таблицахъ и въ текстѣ. Рисунокъ переплета акад. Н. С. Самокиша. Стр. 512 + IV. Ц. въ коленк. перепл. 5 р.

Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни (Отд. Д-та Нар. Пр. № 17080, 2 іюня 1904 г.).

Рекомендовано для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ (Отд. Гл. Упр. в.-уч. заведеній, № 26599, 18 декабря 1904 г.).

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва М. О. Вольфъ:

Въ С.-Петербургѣ, Гостин. Дв., 18 и Невскій пр., 13. ◆ Въ Москвѣ, Кузнецкій М., 12 и Моховая, 22.

ИЗДАНІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИСТОРІЯ СУВОРОВА.

П. Усова. Съ 1 хромолитографіей и съ 50 рисунками и портретами. 16 д. л. 291 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въ переплетѣ ц. 1 р. 75 к.

Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣд. Мин. Нар. Пр., а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ (Отд. Д-та Нар. Просв., № 28889, 3 ноября 190. г.).

ИСТОРІЯ 349 ВЕЛИКИХЪ ДНЕЙ.

Оборона Севастополя въ очеркахъ и иллюстраціяхъ для юношества Н. Б. Головина. Съ 52 портр. героевъ, снимками съ памятниковъ, могилъ, вещественныхъ воспоминаній и пр., и пр. 8 д. л. 38 стр. Ц. въ папочномъ переплетѣ 75 к.

КНЯЗЬ ТЕРЯЕВЪ-РАСПОЯХИНЪ.

Историческая повѣсть А. Зарина. Съ 10 отдѣльными картинами и 14 рисунками въ текстѣ худ. Симанова. 8 д. л. 244 стр. Ц. въ коленк. переплетѣ 2 р.

Допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ. (Отд. Гл. Упр. воен.-уч. зав., № 11923, 29 мая 1900 г.).

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ.

Историческій романъ въ четырехъ частяхъ И. И. Лажечникова. Съ 10 иллюстраціями П. И. Полякова. 16 д. л. 242 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ переплетѣ ц. 2 р.

Включено въ опытъ каталога ученическихъ, средняго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Пр.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ РУБЛЬ.

Историческій очеркъ С. Ф. Либровича. Съ 22 иллюстраціями, портретами, копіями съ картинъ и гравюръ, снимками съ монетъ и пр., и пр. 58 стр. Ц. 30 к.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетъ VI—VII классовъ. (Отн. № 7617, отъ 12 марта 1910 г.).

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ и КАКЪ СТАЛА БЫТЬ.

Русская исторія въ повѣстяхъ А. Е. Разина и В. Лапина. Съ 46 отд. картинами Н. Дмитріева-Оренбургскаго и А. Прохорова. Второе изданіе. 2 тома. 8 д. л. Каждаго тома ц. 2 р. 50 к. Въ переплетѣ по рис. И. Панова ц. 3 р., 2 тома 6 р.

Включено въ опытъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. зав. Мин. Нар. Пр.

Допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.

Историческая повѣсть Л. А. Чарской. Съ иллюстраціями А. Бальдингера. Большой in 8° форматъ. 329 стр. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Признано подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Отн. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр., № 9507, 22 апрѣля 1909 г.).

Допущено для чтенія кадетъ III—VII классовъ. (Отн. Гл. Упр. воен.-уч. зав., № 10967, 30 апрѣля 1909 г.).

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва М. О. Вольфъ

Въ С.-Петербургѣ, Гостин. Дв., 18 и Невскій пр., 13. ◆ Въ Москвѣ, Кузнецкій М., 12 и Моховая, 22.

ИЗДАНІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

Историческій очеркъ Н. Б. Головина. Съ 76 снимками съ картинъ, гравюръ, видами, портретами и пр., и пр. 4 д. л. 2 нен.+36 стр. Ц. 45 к.

ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ.

Повѣсть-хроника освободительной войны 1877—1878 г.г. А. И. Красницкаго. Съ отдѣльными картинами и иллюстраціями въ текстѣ Э. К. Соколовскаго, со снимками съ картинъ В. В. Верещагина, Н. Дмитріева-Оренбургскаго, А. Д. Кившенко и др. 8 д. л. 382 стр. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Допущено въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣд. Мин. Нар. Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отд. Д-та Нар. Пр., № 16080, 25 мая 1903 г.).

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

Романъ въ четырехъ частяхъ И. И. Лажечникова. 16 д. л. 4 нен.+376+339 стр. Ц. 2 р. Въ переплетѣ ц. 2 р. 50 к.

Рекомендовано для чтенія кадетъ III—VII классовъ. (Отд. Гл. Упр. воен.-уч. зав., № 1635, 25 января 1907 г.).

РАЗСКАЗЪ МОНЕТЪ.

Историческая хроника для юношества, составленная С. М. Макаровой изъ произведеній русскихъ писателей. Съ портретами и рисунками. 8 д. л. 233 стр. Изданіе 2-е. Въ переплетѣ по рис. акад. Н. Самокиша. Ц. 3 р. 50 к.

Допущено въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣд. Мин. Нар. Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Ж. Мин. Нар. Пр., ноябрь 1902 г.).

САМБОРЪ.

Историческій разсказъ для юношества А. Е. Разина. Съ 15 картинами и рисунками въ текстѣ худ. Н. И. Ткаченко. 8 д. л. 200 стр. Изд. 2-е. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ 2 р.

Допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (Отн. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр., № 3341, 18 марта 1905 г.).

Рекомендовано для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ. (Отн. Гл. Упр. воен.-уч. зав., № 24832, 6 ноября 1905 г.).

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Повѣсть изъ временъ Крымской войны К. М. Станюковича. Съ отдѣльн. картинами и иллюстр. художника Э. К. Соколовскаго, со снимками съ современныхъ картинъ и портретами. 8 д. л. 236 стр. Ц. въ роскошномъ коленкор. переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ 3 р. 50 к.

Допущено въ ученич., средняго возраста, библ. средн. учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, а также для выдачи въ награду ученикамъ означеннаго возраста (Отд. Д-та Нар. Пр., № 15804, 21 мая 1905 г.).

Рекомендовано для чтенія кадетъ I и II классовъ кадетскихъ корпусовъ (Отд. Гл. Упр. воен.-уч. завед., № 10367, 26 апрѣля 1905 г.).

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.

Историческая повѣсть для юношества въ трехъ частяхъ Л. А. Чарской. Съ отд. картинами Е. П. Самокишъ-Судковской. Б. 16 д. л. 306 стр. Ц. въ ориг. коленк. перепл. 3 р. 50 к.

Признано подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Отд. Уч. ком. Мин. Нар. Пр., № 17953, 25 іюля 1908 г.).

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва М. О. Вольфъ:

Въ С.-Петербургѣ, Гостин. Дв., 18 и Невскій пр., 13. ◆ Въ Москвѣ, Кузнецкій М., 12 и Моховая, 22.

ИЗДАНІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА. Историческая повѣсть для дѣтей Л. А. Чарской. Съ илл. А. Бальдингера. Ц. 1 р. 25 к.

1812 ГОДЪ. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА и ЕЯ ГЕРОИ. Головина. Съ 203 иллюстр. въ текстѣ. Б. 4 д. л. 59 стр. Ц. 90 к.

Допущено въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни М. Н. Пр. (Отд. Д-та Нар. Пр., № 15718, 23 іюня 1898 г.).

Одобрено къ обращенію въ войскахъ (Цирк. Гл. Штаба, № 162, 1 іюня 1898 г.).

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть Л. А. Чарской. Съ отд. оригин. иллюстр. А. Бальдингера, Э. Соколовскаго, снимками съ карт. И. Рѣпина, В. Васнецова и др. 112 стр. Ц. въ пер. 1 р. 25 к.

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ, его царствованіе, его дѣянія, его жизнь, современники и дѣятели въ портретахъ, гравюрахъ, живописи, скульптурѣ, памятникахъ зодчества и пр., и пр. Подъ редакціей Н. Н. Головина и Л. М. Вольфа. 4 нен. + 68 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въ папочномъ переплетѣ ц. 1 р. 50 к.

ЮНЫЕ ГЕРОИ СЕВАСТОПОЛЯ.

Историческіе разсказы Н. Корсакова. Съ 9 рисунками. 16 д. л. 34+2 нен. стр. Ц. 30 к.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ, ИЛИ РУССКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

Историческій романъ въ 3 частяхъ М. Н. Загоскина. 16 д. л. 333 стр. Ц. 50 к. Въ коленкор. переплетѣ. ц. 1 р. Роскошное изданіе—въ 8 д. л. на веленевой бумагѣ, въ золототисн. коленк. перепл. ц. 3 р.

Допущено въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣд. М. Нар. Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки (Отд. Д-та Нар. Пр., № 9594, 5 апрѣля 1902 г.).

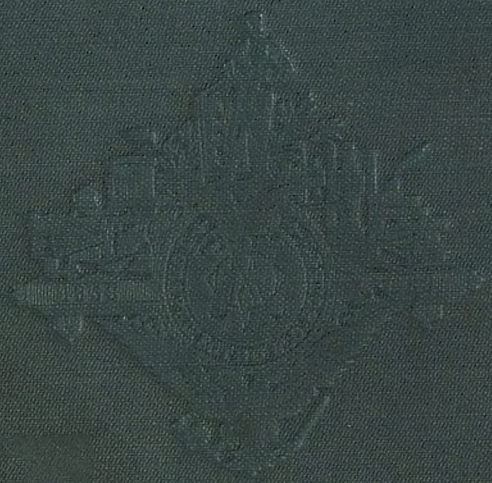
Допущено въ ученическія, старшаго и средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній В. У. И. М. (Отд. С. Е. И. В. Канц. по упр. И. М., № 5394, 12 марта 1902 г.).

Рекомендовано для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ (Отд. Гл. Упр. в.-уч. зав., № 22502, 31 декабря 1901 г.).

Одобрено къ обращенію въ войскахъ (Цирк. Гл. Штаба, № 311, 29 декабря 1901 г.).

Рекомендовано для пріобрѣтенія въ судовыя и береговыя библіотеки (Отд. Гл. Морск. Шт., № 386, 2 ноября 1904 г.).

ЯГАНЪ ПЕСТРИКОВЪ. Историческій разсказъ изъ торговой жизни вольнаго Новгорода А. В. Арсеньева. Съ 6 рисунками М. Малышева. Ц. 20 к. Въ перепл. ц 35 к.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва М. О. Вольфъ

Въ С.-Петербургѣ, Гостин. Дв., 18 и Невскій пр., 13. ◆ Въ Москвѣ, Кузнецкій М., 12 и Моховая, 22.